Р. Григорьевъ.

На ущербѣ.

РОМАНЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.П.Б.
1913.

Р. ГРИГОРЬЕВЪ.

НА УЩЕРБЪ.

РОМАНЪ.

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

Типографія Акц. Общ. „Слово". Ул. Жуковскаго, д. 21.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Надо было лежать на спинѣ. Нельзя было ни приподняться, ни пошевелить ногами. Но свое тѣло Мирра чувствовала теперь маленькимъ и легкимъ, и ей было удобно во всякомъ положеніи. И мысли были легкія, быстро скользящія. Растаялъ ужасъ, заполнявшій собой всю глубь сознанія въ теченіе мучительныхъ мѣсяцевъ беременности, и въ душѣ отъ этого стало просторно и даже немного пусто.

Случилось вовсе не то, чего она ожидала. Собираясь стать матерью, она имѣла лишь смутное представленіе о родахъ, о материнствѣ; знала только, что положеніе ея безысходно, что „несчастье“ положило конецъ всему прежнему и впереди ее ждетъ что-то позорное, безобразное, тяжкое...

И вотъ миновали роды. Она лежала въ большой бѣлой залѣ съ зеркальными окнами; рядомъ стояла крохотная бѣлая колыбелька. Это все было странно. Стѣсняло какое-то ощущеніе новизны вокругъ и новизны въ себѣ, какъ это бываетъ послѣ долгой болѣзни. Но не было ничего безобразнаго, ничего позорнаго. И хотѣлось скорѣй оріентироваться въ этомъ новомъ, пріобщиться къ жизни вокругъ. Она присматривалась къ тому, какъ сидѣлка, приподнявъ за обѣ ножки ребенка, присыпала его какимъ-то бѣлымъ порошкомъ и затѣмъ ловко и быстро заворачивала въ тря-

почки различной формы, и спрашивала сидѣлку въ безпокойствѣ:—Скажите, очень трудно пеленать?—Потомъ слѣдила, какъ ея ребенка носили прикладывать къ груди женщины, лежавшей на сосѣдней постели, и тревожно щупала свою грудь, еще не дававшую молока.—Скажите, а что если оно совсѣмъ не придетъ? — въ десятый разъ обращалась она къ акушеркѣ.

Когда наступали пріемные часы и тихая бѣлизна палаты разрывалась пестрыми пятнами посѣтительскихъ фигуръ, Мирра покрывала простыней колыбельку, чтобы защитить дитя отъ назойливыхъ взоровъ, и лежала замкнутая и напряженная, чего-то опасаясь и въ то же время настойчиво ожидая.

Но прошло три дня и никто не являлся.

И сегодня миновали уже пріемные часы. Бѣлыя сестрицы ходили между кроватями, оправляя одѣяла, убирая со столиковъ ненужныя вещи, скомканную бумагу, и какъ бы прогоняя тихими шагами своими тѣни чужихъ, безцеремонныхъ и говорливыхъ людей.

Мирра, приподнявшись на локтѣ, съ улыбкой ожиданія поперемѣнно смотрѣла то на круглые блестящіе стѣнные часы, то на бѣлую колыбельку, высчитывая, сколько осталось минутъ до кормленія. И переводя глаза отъ стѣны на ребенка, она случайно задѣла взоромъ темную фигуру женщины, сбивчивымъ робкимъ шагомъ скользившей между двумя ровными рядами постелей.

Мирра сразу узнала подругу свою, Нелли Кастерскую, но, не желая въ этомъ признаться, отвернулась къ окну и легла неподвижно, словно и не видала пришедшей.

Нелли шла медленно, присматривалась ко всѣмъ женщинамъ, такимъ одинаковымъ въ больничныхъ одеждахъ, и, когда увидала Мирру, про себя сказала: „кажется, это она!“ Она ясно видѣла, что ея подруга, Мирра, лежитъ, вся въ бѣломъ, неподвижно вытянувшись, рядомъ съ другими бѣлыми, словно изваянными, женщинами, но не

рѣшалась обратиться къ ней, будто эта была другая Мирра, которую нельзя такъ просто окликнуть. Она стояла и смотрѣла на знакомое и вмѣстѣ съ тѣмъ чужое лицо, стараясь освоиться съ нимъ.

— Мирра!

— А, Нелли! Здравствуй!—отозвалась Мирра, все еще не глядя на подругу.

Потомъ на одну минуту воцарилось молчаніе. Но Миррѣ это молчаніе показалось длиннымъ вопросомъ и, какъ бы желая отмахнуться отъ него, она сразу повернула къ Нелли лицо и заговорила развязно:

— Ну, вотъ, видишь! Ты не ожидала? Садись же! У меня такъ много просьбъ къ тебѣ... Ты найдешь мнѣ комнату? Знаешь, прежняя не годится...

До сегодняшняго дня Нелли не подозрѣвала, что подруга беременна и, узнавъ о случившемся, не могла представить себѣ, кто могъ быть мужемъ Мирры, какъ называла она мысленно отца ребенка. Но рѣшила, что не слѣдуетъ ни о чемъ спрашивать. Казалось ей, лишь только она увидитъ Мирру, все само собой станетъ яснымъ.

Но когда Мирра въ этой необычной и жуткой обстановкѣ вдругъ заговорила, какъ-бы ускользая отъ нея, какими-то ненужными бездушными словами,—Нелли стало страшно за подругу; она сразу почувствовала, что Мирра хочетъ скрыть отъ нея что-то ужасное, что-то тяжелое, и ее охватило неотвратимое желаніе сейчасъ же, во что бы то ни стало узнать все до конца. И съ устъ ея сразу сорвались вопросы.

— Что это? Мирра, отчего ты не сказала? Боже мой, Боже мой! Кто могъ подумать! Почему ты не позвала меня? Ахъ, да какъ же это случилось?

Съ трудомъ ловя въ сознаніи начала и концы разбѣгавшихся мыслей, Мирра пыталась найти отвѣтъ, одинъ краткій, полный отвѣтъ. Казалось ей, этимъ отвѣтомъ она снова замкнетъ какую-то назойливо хлопающую дверь, отго-

родитъ себя отъ всѣхъ людей и останется только съ собой и въ себѣ. Но не было словъ.

— Я родила дочку... Ну вотъ, ну вотъ...—И опять молчала, силилась что-то сказать, но не могла.

— Отъ кого? Мирра, скажи, отъ кого? — настаивала Нелли, хватая ее за руки, будто боясь навсегда потерять нужное ей слово. — Кто твой мужъ? Мирра, Мирра, говори!

— Мужъ?—закричала вдругъ Мирра въ ожесточеніи, дѣлая невольное усиліе приподняться. — Нѣтъ мужа! Слышишь, нѣтъ! Мой ребенокъ! Только мой, всѣмъ скажи это!.. Я не замужемъ. Можете смѣяться надо мной, но отца нѣтъ, не было! Не было, не скажу, не скажу!..

Сидѣлка съ перепуганнымъ лицомъ прибѣжала съ другого конца палаты. Миррѣ дали успокоительныхъ капель. Съ упрекомъ смотрѣла вызванная изъ корридора акушерка на посѣтительницу, разстроившую „die kleine Russin“, и Нелли, не попрощавшись съ Миррой, вышла изъ палаты.

II.

Въ кружокъ Павла Васильевича Мирру ввела Нелли. Павлу Васильевичу было уже за тридцать лѣтъ. Онъ давно работалъ въ партіи, и его имя пользовалось нѣкоторой извѣстностью въ партійныхъ кругахъ. Человѣкъ одинокій и сосредоточенный въ себѣ, онъ мало съ кѣмъ встрѣчался въ колоніи, и отношенія его съ учениками и ученицами всегда оставались офиціально товарищескими.

Павелъ Васильевичъ въ первый разъ попалъ въ тюрьму девятнадцати лѣтъ и провелъ въ одиночномъ заключеніи три года. Арестъ засталъ его посреди серьезныхъ научныхъ занятій и въ тюрьмѣ онъ продолжалъ усердно работать. Онъ напряженно трудился надъ разрѣшеніемъ одного спеціальнаго вопроса въ экономической наукѣ, и въ тихой тюремной обстановкѣ его работа пошла еще успѣшнѣе, чѣмъ на волѣ. Онъ не тяготился заключеніемъ. И когда

обводилъ взглядомъ длинную, узкую камеру съ косымъ потолкомъ, поднимавшимся вверхъ у окна и низко лежавшимъ надъ дверью, то съ удовольствіемъ думалъ, что впереди еще два года одиночества и полнаго покоя для работы.

Бывали въ его однообразной тюремной жизни и праздничные дни, когда вдругъ посреди будничнаго теченія мыслей осѣняло его вдохновенное предчувствіе конечнаго вывода, къ которому придетъ его мысль. Онъ остро испытывалъ тогда, какъ искомый результатъ, теоретическій выводъ, котораго онъ добивается, уже есть гдѣ-то въ мозгу и еще невидимый и неощущаемый логически, направляетъ по нужному пути ходъ его мышленія...

Когда кончился срокъ тюремнаго заключенія, Павелъ Васильевичъ отложилъ завершеніе своей работы до слѣдующаго „сидѣнія“ и отдался практической дѣятельности. Такъ само собой разумѣлось. Это было давно, какъ-то безъ разсужденій, почти безсознательно рѣшено, и онъ не пытался подвергать сомнѣнію правильность этого внутренняго велѣнія. Пребываніе въ тюрьмѣ почти не утомило его; пострадало только зрѣніе, и не только зрѣніе физическое, но какъ бы и духовное. Онъ часто ловилъ себя на томъ, что не различаетъ цвѣтовъ и не знаетъ названій самыхъ простыхъ обиходныхъ предметовъ. И позже онъ сохранилъ привычку, усвоенную въ тюрьмѣ: въ часы отдыха отъ занятій, инстинктивно оберегая силу зрѣнія, сидѣлъ съ закрытыми глазами.

Теперь за-границей среди прочихъ дѣлъ онъ взялся, по просьбѣ товарищей, прочитать рядъ лекцій въ кружкѣ молодежи.

Онъ почти не зналъ въ лицо своихъ слушателей. Отъ человѣка запоминалъ обыкновенно лишь какую-нибудь внѣшнюю подробность, и по этимъ случайно застрявшимъ въ памяти частностямъ, напр., по родинкѣ на щекѣ, или голубому банту, оріентировался въ своей аудиторіи. Лица

Мирры онъ тоже не помнилъ. У него въ памяти запечатлѣлся лишь одинъ ея привычный жестъ, которымъ она отбрасывала косу, падавшую черезъ плечо на грудь.

Нервное быстрое движеніе головой вверхъ, широкій округленный взмахъ рукой и взвивающійся въ воздухѣ черный эластичный жгутъ волосъ,—это представленіе замѣняло ему образъ Мирры. Но Мирра хорошо знала его наружность. Сидя каждую недѣлю во время занятій кружка противъ него за столомъ, она подолгу всматривалась въ него, и оттого, что видѣла его лицо такъ часто и такъ близко, оттого, что знала всѣ привычныя движенія его, и интонацію, и манеру произношенія, этотъ чужой и далекій ей человѣкъ сталъ казаться ей давно знакомымъ и даже близкимъ.

Павелъ Васильевичъ былъ высокъ и грузенъ, но ступалъ такъ неувѣренно и мягко, что не казался толстымъ. Миррѣ нравился его высокій и выпуклый лобъ, гладко обтянутый свѣжей, никогда не морщившейся кожей, но остальная часть лица не гармонировала съ этимъ лбомъ, и Мира всегда жалѣла, что нельзя снять съ него чего-то лишняго, будто наросшаго, какой-то рыхлой одутловатости, и она думала, что въ молодости, вѣроятно, этого не было, что такая же гладкая, свѣжая кожа, какъ на лбу, обтягивала его щеки и подбородокъ, а глаза не скрадывались блескомъ очковъ.

Въ эту зиму Павелъ Васильевичъ чувствовалъ себя нездоровымъ. Онъ недавно вернулся изъ Россіи, гдѣ опять сидѣлъ въ заключеніи. Но на этотъ разъ онъ не работалъ въ тюрьмѣ. Онъ сидѣлъ въ общей камерѣ съ проворовавшимися чиновниками, и начальникъ тюрьмы не пропускалъ тѣхъ книгъ, которыя онъ просилъ.

И на волѣ теперь не налаживалась у него ни практическая дѣятельность, ни умственная работа. Посреди занятій имъ вдругъ овладѣвало какое то томленіе. Будто гдѣ-то подъ черепной крышкой сгущались пары и давили на мозгъ;

все вокругъ пріобрѣтало мутный колоритъ, и тупыя неповоротливыя мысли назойливо прилѣплялись къ ненужнымъ пустякамъ. Онъ боролся съ собой, стараясь сосредоточиться на нужномъ, но часто ловилъ себя на томъ, что не думаетъ, а мысленно повторяетъ одну и ту же фразу, съ тупымъ удовольствіемъ варьируя ударенія на словахъ.

Онъ подолгу лежалъ теперь на постели, къ чему привыкъ во время послѣдняго пребыванія въ тюрьмѣ, и грезилъ о фантастическихъ, никогда не виданныхъ имъ пейзажахъ. Представлялъ себѣ то безконечныя бѣлыя равнины, сверкающія снѣжными искрами, то матово-синѣющіе склоны холмовъ или длинныя цѣпи бѣло-розовыхъ горъ въ дымкѣ опаловыхъ и серебристыхъ тумановъ, и съ трудомъ вырывался теперь изъ міра красочныхъ грезъ, когда приходилось возвращаться къ практическимъ и неотложнымъ дѣламъ.

Но все же днемъ онъ пытался работать.

А по ночамъ, страдая безсонницей, стоялъ часами у окна и мучительно думалъ о снѣжныхъ равнинахъ, о синихъ тѣняхъ, отбрасываемыхъ бѣлыми холмами, и казалось ему, что только этотъ ровный снѣговой блескъ можетъ разсѣять сѣрый туманъ, окутавшій его мозгъ и душу. Случайно онъ услышалъ о предполагавшейся въ колоніи прогулкѣ по озеру. Онъ подумалъ, что, быть можетъ, ему удастся обмануть свое настроеніе маленькимъ подобіемъ отдыха и рѣшилъ принять участіе въ экскурсіи молодежи.

Пароходъ отчалилъ отъ берега. Павелъ Васильевичъ, растерянный, стоялъ у борта и силился совладать съ непріятнымъ головокруженіемъ, которое въ немъ вызывали покачиваніе парохода и видъ водяной ряби вокругъ. Онъ старался не смотрѣть на воду, но вокругъ шумѣли и безпорядочно суетились люди, и ему стало казаться, что голова

у него кружится не отъ вида воды, а отъ быстраго кружения и мелькания вокругъ него безчисленныхъ надоѣдливыхъ человѣческихъ фигуръ.

Его, очевидно, всѣ знали. Онъ же, стараясь разобраться въ окружающихъ лицахъ, иногда улавливалъ въ обращавшихся къ нему людяхъ что-то знакомое, но опредѣленно не зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Помня свою забывчивость, онъ преувеличенно вѣжливо и предупредительно здоровался со всѣми, но эта масса чужихъ людей, запертыхъна узкомъ пространствѣ парохода, увеличивала въ немъ раздраженіе и тоску.

Избѣгая людей, онъ поднялся на верхнюю палубу. Было очень вѣтрено. Опершись на перила палубы, на вышкѣ стояла Мирра и глядѣла на удалявшійся берегъ. Ее онъ узналъ сразу, и радуясь, что вспомнилъ даже ея имя, окликнулъ ее, улыбаясь.

Она обернулась, нерѣшительно протянула ему руку и ждала, чтобы онъ заговорилъ.

— Какъ вѣтрено!—сказалъ онъ, и разговоръ завязался.

Вѣтеръ освѣжалъ его усталую голову, а ея тихій, нѣжный голосъ успокаивалъ его раздраженіе. Она говорила съ нимъ не свободно. Какъ-то внутренне вытянулась передъ нимъ и даже сбивалась въ разговорѣ отъ неувѣренности. Когда говорила, опускала глаза, или отводила ихъ въ сторону, а когда молчала, розовымъ червячкомъ трепетали и извивались ея тонкія, сжатыя губы.

Павелъ Васильевичъ пристально смотрѣлъ на нее, не чувствуя, какъ она ежится подъ его испытующимъ взглядомъ. Когда его вниманіе сосредоточивалось на какомъ-либо предметѣ внѣшняго міра, онъ всегда разсматривалъ его тяжело и назойливо.

Разговоръ шелъ вяло, но они не замѣчали, что больше молчали, и не тяготились молчаніемъ.

Потомъ она стала разсказывать о замкѣ, башни котораго виднѣлись изъ-за зелени на берегу, и увлекшись раз-

сказомъ, привыкнувъ къ упрямому взгляду Павла Васильевича, подняла голову и глядѣла прямо и ясно ему въ лицо. Онъ былъ значительно выше ея. Она вытянула шею, приподняла подбородокъ и даже широко раскрыла глаза въ инстинктивномъ стремленіи подняться вверхъ, ближе къ нему. А онъ попрежнему смотрѣлъ на нее въ упоръ, разсѣянно слушалъ и отвѣчалъ, а между разговоромъ думалъ о томъ, что давно уже не сближался съ женщинами, и въ головѣ его возникали старыя волнующія воспоминанія.

Въ этотъ день они не разставались.

Когда прибыли на мѣсто назначенія, экскурсанты пошли осматривать мѣстность.

Пришлось взбираться на гору. Мирра и Павелъ Васильевичъ шли вмѣстѣ, но не рядомъ. Она старалась не отставать отъ своего спутника, но онъ шелъ быстро и ей было неловко просить его, чтобы онъ замедлилъ шагъ. Она устала, поблѣднѣла и плелась сзади. И когда совсѣмъ отчаялась и собралась съ силами, чтобы просить его обождать, онъ вдругъ замѣтилъ, что ея нѣтъ рядомъ, оглянулся и неожиданно для нея мягко и ласково разсмѣялся, протягивая къ ней сверху обѣ руки.

— Охъ, голубушка, да вамъ не угнаться за мною! Очень устали?

— Нѣтъ, я не устала,—и сдѣлала послѣднее усиліе, чтобы догнать его.

— Не устали? Вотъ молодецъ!—И Павелъ Васильевичъ засмѣялся, видя, какъ она спѣшитъ, едва переводя дыханіе.—Дайте руку!—Одной рукой онъ привлекъ ее къ себѣ, а потомъ другой обнялъ за талію. — Вотъ такъ я васъ поведу. Легче идти, правда?

Мирра очутилась какъ бы въ его объятіяхъ. Ей было отъ этого неловко, но она не рѣшалась отклонить его помощь, и шла дальше, съ каждымъ мгновеніемъ все мучительнѣе ощущая неловкость, а въ то же время упрекала себя за смущеніе: онъ хотѣлъ помочь ей, а у нея такія дур-

ныя чувства. Она старалась идти спокойно и говорить просто, будто ничего неловкаго и не было, а онъ теперь сталъ шутливо болтать съ ней, все крѣпче обвивая рукой ея талію. Она сжималась, съеживалась, стараясь какъ-нибудь незамѣтно отодвинуться отъ его тѣла, но не рѣшалась ни на одно рѣзкое движеніе.

Потомъ они стали спускаться внизъ. Уже не разговаривали между собой. Она покорно шла, не порываясь освободиться. Ей хотѣлось скорѣе быть уже между людей...

Наконецъ добрались до пристани. Былъ уже вечеръ, сталъ накрапывать дождь, и публика стремилась скорѣй попасть на пароходъ. Павелъ Васильевичъ и Мирра медленно подвигались по сходнямъ. Мирра впереди, Павелъ Васильевичъ тѣсно за ней. Со всѣхъ сторонъ напирали.

— Осторожнѣе! Позвольте!—говорилъ Павелъ Васильевичъ, защищая Мирру отъ толчковъ. Кто-то навалился сзади. Его прижали къ ней. Она почувствовала, какъ лежитъ спиной на его груди. Затѣмъ ощутила, какъ рука его тихо скользнула по ея бедру, по таліи и нѣжно прильнула къ груди, прикрытой лишь батистомъ кофточки. Одно мгновеніе рука сжимала ея грудь и потомъ отстранилась. Они продвинулись впередъ.

— Слава тебѣ, Господи!—шутливо говорилъ Павелъ Васильевичъ.—Вотъ и дождь уже проходитъ. Хорошая будетъ ночь! Не люблю ѣздить днемъ на пароходѣ, а ночью ѣхать пріятно...

Пароходъ отчалилъ. Къ Павлу Васильевичу подсѣла какая-то дѣвица, придумавшая умный вопросъ, чтобы завладѣть его вниманіемъ, и онъ обстоятельно и вдумчиво сталъ отвѣчать ей, увлекаясь заданной ему темой. Дѣвица усѣлась рядомъ съ нимъ и, млѣя отъ удовольствія, взглядами стала сзывать остальныхъ своихъ товарищей. И они подходили. Вокругъ Павла Васильевича собралась группа молодежи. Мирру какъ-то оттерли и она, сидя поотдаль,

смотрѣла на Павла Васильевича и въ смущеніи вспоминала все, случившееся съ нею сегодня.

Да и было ли что? Не показалось ли ей? Не было ли это простой случайностью? Такой серьезный и далекій, онъ не могъ чувствовать того, что она ему приписывала. И, стыдясь своихъ мыслей, Мирра старалась думать о чемъ-либо другомъ Но ея воображеніе упорно, до мельчайшихъ оттѣнковъ воспроизводило всѣ подробности сегодняшняго дня и когда она представляла себѣ, какъ онъ ласкалъ ея грудь, какая-то холодная, терпкая жуть пронизывала ее всю...

III.

Послѣ окончанія занятій кружка Павелъ Васильевичъ задержалъ Мирру.

Ему нужно собрать кое-какія статистическія данныя. Для этого необходимо порыться въ книгахъ. Нелли указала на нее. Возьмется ли она за эту работу?

Мирра просіяла отъ радости.

— Конечно, у нея столько свободнаго времени, и она умѣетъ обращаться съ энциклопедіей. Ее всегда называли книжнымъ червемъ...

— Ну и отлично! Въ такомъ случаѣ она будетъ его помощницей!

На слѣдующій день Мирра пришла къ Павлу Васильевичу съ рукописью. Она работала весь день и полъ-ночи. Павелъ Васильевичъ только руками развелъ:—Ну и работница!

Онъ сидѣлъ въ креслѣ за столомъ, она стояла рядомъ съ нимъ. И вдругъ, какъ тогда на пароходѣ, она почувствовала, что его рука скользитъ по ея таліи. Она вздрогнула и отстранилась. Потомъ украдкой взглянула на него. Онъ сидѣлъ совсѣмъ спокойный и внимательно провѣрялъ колонку цифръ въ ея рукописи. И она подумала, что это ей опять только показалось.

Съ этихъ поръ у Мирры завязались странныя, непонятныя для нея отношенія съ Павломъ Васильевичемъ. Онъ попрежнему мало говорилъ съ ней, рѣдко улыбался, но когда они оставались одни, онъ, какъ бы мимоходомъ, цѣловалъ ее, жадно ласкалъ, не говоря ни слова по этому поводу. Это всегда выходило случайно, почти неожиданно для него самого. Эти ласки освѣжали его, и ему трудно было удержаться отъ нихъ. Въ Миррѣ онъ сталъ цѣнить толковую помощницу, но попрежнему не думалъ о ней и не интересовался ею. А она безвольно поддавалась ему и потомъ плакала, томилась. Она не могла разобраться въ томъ, что происходило. Представленіе о любви, твердое и ясное, сложившееся по романамъ, не могло быть приложено къ тому, что было между ней и Павломъ Васильевичемъ. Она про себя составляла длинныя рѣчи, которыя готовилась сказать ему при ближайшемъ свиданіи, рисовала себѣ, какъ потребуетъ отъ него объясненій и разорветъ эти гадкія отношенія. Но еще глубже, въ томъ этажѣ сознанія, гдѣ она не осмѣливалась зажигать свѣта, она таила смутную неоформленную надежду, что объясненіе кончится не разрывомъ, а чѣмъ-то лучезарнымъ, волнующимъ, радостнымъ. И во снѣ упорно, въ десятый разъ, видѣла его передъ собой на колѣняхъ, ласкала рукой его волосы и говорила ему нѣжныя, дѣтскія слова любви...

Мирра постучалась въ дверь.

— Войдите!

Павелъ Васильевичъ лежалъ на постели. На полу, возлѣ стола, были разбросаны листы исписанной бумаги.

— Что съ вами?

— Кажется, боленъ,—отвѣтилъ Павелъ Васильевичъ и сдѣлалъ усиліе приподняться.

— Посмотримъ, что вы принесли.

Но подняться онъ не могъ.

— Голова кружится,—сказалъ онъ досадливо и снова опустился на подушки.

Мирра спохватилась.

— Лежите! Я такъ покажу.

Возлѣ кровати не оказалось стула. Мирра машинально оглянулась вокругъ.

— Садитесь здѣсь!—Павелъ Васильевичъ отодвинулся, освобождая для нея мѣсто на постели. Она сѣла. И уже смущенная, торопясь, стараясь не остановиться ни на секунду, стала разсказывать ему, что успѣла сдѣлать за эти дни. Онъ слушалъ, не дѣлая противъ обыкновенія замѣчаній, и она, сказавъ все, что нужно было по поводу работы, замолчала. Потомъ украдкой взглянула на него. У него былъ утомленный, больной видъ.

— Поѣдемте, Мирра, со мной въ горы!

Онъ взялъ ее за руку и потянулъ къ себѣ. Она пыталась сопротивляться.

— Ну не надо!

Онъ оставилъ ея руку и опять лежалъ, сжимая пальцами виски. Мирра знала, что надо встать, сказать ему все, что она думаетъ объ ихъ отношеніяхъ, и уйти отъ него навсегда, но сидѣла и ждала.

Тогда онъ опять привлекъ ее къ себѣ и теперь, не обращая вниманія на ея протесты, сталъ бурно ласкать ее.

Она лежала ничкомъ, лицомъ въ подушки. Онъ поднялся и сѣлъ рядомъ. Онъ чувствовалъ, что надо что-то обдумать, рѣшить и сказать ей. Но почему-то ждалъ, чтобы она первая заговорила.

Но она молчала. На полу, у постели, возлѣ носка старой изношенной туфли лежала маленькая бѣлая пуговичка. Павелъ Васильевичъ уставился на нее и долго смотрѣлъ, не отрывая глазъ.

А Мирра тихо лежала, даже не плача, и потомъ, когда совсѣмъ стемнѣло, ушла, не проронивъ ни слова.

Павелъ Васильевичъ остался одинъ, оправилъ постель, зажегъ лампу и сѣлъ къ столу. Ему казалось, что привычная обстановка успокоитъ его. Но все какъ бы сдвинулось съ мѣста въ его мысляхъ и чувствахъ. Тогда онъ прибѣгнулъ къ испытанному средству: попробовалъ словами формулировать то, что безпокоило его. Вѣдь онъ не насиловалъ ея. Она сама хотѣла этого. Иначе она давно перестала бы ходить къ нему. Да она, вѣроятно, и не сердита на него,— вѣдь она не упрекала, не плакала. Выходило, что ничего не случилось тяжелаго, непоправимаго; что надо взять перо и продолжать случайно прерванную работу. Но безпокойство въ душѣ его росло. Будто надо было сдѣлать что-то большое рѣшительное, чтобы уничтожить случившееся. Павелъ Васильевичъ поднялся и сталъ ходить по комнатѣ. Снова свѣтлымъ пятнышкомъ выдѣлялась на полу маленькая пуговичка. Онъ поднялъ ее, чтобы выбросить. Она мѣшала ему думать. Но не могъ выкинуть ее. Почему-то родилось ощущеніе, будто онъ долженъ непремѣнно вернуть ее Миррѣ. И Павелъ Васильевичъ долго сидѣлъ, смотрѣлъ на пуговичку и безсвязно и напряженно думалъ о томъ, что случилось...

Мирра ждала его каждый день. Боялась выйти изъ дому, чтобы онъ не пришелъ безъ нея.

Теперь она найдетъ въ себѣ силы сказать ему все. Она знаетъ, что вся его жизнь уходитъ на служеніе дѣлу и потому онъ такъ боится любви. Но она не помѣшаетъ ему. Она ничего не проситъ для себя... Пусть онъ только скажетъ, что немножко любитъ ее. Но скажетъ не поцѣлуями, а словами. А потомъ она попрежнему будетъ помогать ему, но „того“ больше не надо. Вѣдь ей тоже нельзя любить. И она готовится посвятить свою жизнь великому дѣлу...

Черезъ нѣсколько дней Павлу Васильевичу представился случай по дѣлу партіи уѣхать изъ города. Онъ радостно ухватился за эту возможность.

Передъ отъѣздомъ онъ пошелъ къ Мирръ. Но она въ первый разъ послѣ случившагося ушла изъ дому. Павелъ Васильевичъ не засталъ ея. И обрадовался этому. Написалъ ей записку:

„Милая Мирра! Я заходилъ проститься. Завтра уѣзжаю въ Женеву. Очень жалѣю, что не засталъ Васъ. Вы не сердитесь на меня, хорошая? Вашъ П. В.“

Нелли удалось осторожно и нѣжно вывѣдать у Мирры исторію ея несчастья и теперь она мучилась вопросомъ слѣдуетъ ли обо всемъ написать Павлу Васильевичу. Въ концѣ концовъ, рѣшила довести стороной до его свѣдѣнія о случившимся.

Въ заключеніе дѣлового письма одинъ изъ друзей Нелли, по ея настоянію, написалъ Павлу Васильевичу: „А у насъ въ колоніи груда новостей. На прошлой недѣлѣ публика была занята неожиданнымъ бракосочетаніемъ соціалиста-революціонера Чекуши съ соціалъ-демократкой Итиной. (Боятся, какъ бы не появилась на Руси новая компромиссная партія отъ этого брака). На этой недѣлѣ у всѣхъ на устахъ еще болѣе сенсанціонная новость: маленькая Мирра Гравицъ родила еще болѣе маленькаго ребенка. Въ колоніи гадаютъ, какова партійная принадлежность его отца. Мирра держитъ это въ тайнѣ. Ужъ не либералъ ли онъ? Тогда мѣстной соціалъ-демократіи угрожаетъ серьезная опасность съ двухъ сторонъ“...

Товарищъ Юрій Михайловичъ былъ очень доволенъ своимъ произведеніемъ. Онъ находилъ, что тонко и бьетъ въ самую точку. Нелли коробилъ вульгарный тонъ письма, но ничего иного она придумать не могла...

Мирра была уже у себя дома. Нелли нашла ей свѣтлую комнату съ альковомъ, гдѣ за пологомъ помѣщалась постель.

— Ребенку будетъ такъ спокойнѣе!—говорила она.

Противъ ожиданій Мирры ее никто ни о чемъ не разспрашивалъ. Маленькая Зинка спокойно спала по цѣлымъ днямъ, просыпаясь лишь тогда, когда наступало время ее кормить. И Мирра стала надѣяться, что жизнь ея еще не совсѣмъ разбита. Она вынула изъ сундука свои старыя книжки и тетрадки съ конспектами и, отыскавъ ту главу, гдѣ девять мѣсяцевъ тому назадъ прервала чтеніе Маркса, стала продолжать свои занятія.

И о Павлѣ Васильевичѣ, котораго неотступно ждала девять мѣсяцевъ, теперь перестала думать, Если бы онъ пришелъ къ ней мѣсяца два тому назадъ, она облила бы его потокомъ жалобъ и оскорбленій, а потомъ, больная и одинокая, сдалась бы на первое его ласковое слово и осталась бы съ нимъ навсегда, если бы онъ это позволилъ... Но если бы онъ явился теперь, ей нечего было бы ему сказать. Ея жизнь устраивалась безъ него, и онъ былъ для нея уже чужимъ человѣкомъ...

А Павелъ Васильевичъ ѣхалъ къ ней въ Берлинъ... Письмо Юрія Михайловича ошеломило его. Ему ни разу не пришло въ голову, что у Мирры можетъ быть ребенокъ отъ него. Цѣлый день онъ ходилъ разстроенный неожиданнымъ извѣстіемъ, не понимая, что ему надо дѣлать теперь. И вечеромъ, когда въ десятый разъ поймалъ себя на томъ, что обдумываетъ, какъ предотвратить то, что уже случилось,— ему пришла въ голову простая мысль: онъ можетъ исправить все, женившись на Миррѣ...

IV.

Павелъ Васильевичъ постучалъ въ дверь комнаты Мирры.

— Войдите!

Навстрѣчу ему изъ-за занавѣси алькова вышла Мирра.

Когда Павелъ Васильевичъ шелъ къ ней, ему смутно рисовалась постель, какой-то странной формы посуда—аксессуары родовъ, случайно застрявшіе въ памяти. Но ничего такого не было. Небольшая свѣтлая комната, много цвѣтовъ на окнахъ, книги на столѣ. Постели совсѣмъ не было видно, она помѣщалась въ альковѣ, за занавѣской. Мирра стояла передъ нимъ такая же худенькая, съ узкими плечами, какъ прежде, одѣтая во что-то темное. И лишь бѣлый передничекъ, придававшій ей хозяйственный дѣловитый видъ, былъ новостью. Да еще что-то новое было въ ней, чего онъ сразу не могъ уловить, но потомъ вспомнилъ: ея роскошныя черныя косы, которыя она раньше носила спущенными, были заложены большимъ узломъ на затылкѣ.

— Мирра, отчего вы не написали?

Она молчала, потрясенная его появленіемъ.

— Что жъ ты молчишь? Ты не рада, что я пріѣхалъ?

— Когда... когда... вы пріѣхали? — пролепетала она ненужныя слова.

Онъ подошелъ къ ея письменному столу и сѣлъ.

— Мирра, намъ надо поговорить! Отчего вы мнѣ не написали обо всемъ?

Съ усиліемъ она сказала:

— Что писать?...

— Не говорите такъ, Мирра! Обо всемъ. Вѣдь это такъ важно.

Она опять молчала.

Онъ не зналъ теперь, съ чего начать тотъ нужный и важный разговоръ, для котораго пріѣхалъ. Онъ представлялъ себѣ, что она будетъ плакать, жаловаться, и онъ утѣшилъ бы ее. Но она молчала, словно въ изумленіи смотрѣла на него, и онъ не зналъ, что ему слѣдуетъ дѣлать.

Изъ-за занавѣси алькова раздались странные звуки. Кто-то не то взвизгивалъ, не то судорожно зѣвалъ. Мирра насторожилась и быстро юркнула за пологъ.

— Сейчасъ, одну минутку!—крикнула она оттуда. И

только теперь, хотя онъ какъ будто ни на минуту не забывалъ объ этомъ, онъ ярко вспомнилъ о ребенкѣ. До сихъ поръ казалось, что они были только вдвоемъ въ этой свѣтлой комнатѣ. Тяжело было, что нельзя подойти къ Миррѣ, нельзя разбить ея отчужденность, но эти звуки напомнили, что есть еще что-то другое, сложное и раздражающе ненужное...

Вдругъ рѣзкій, пронзительный и какъ послышалось Павлу Васильевичу, необыкновенно злой крикъ огласилъ комнату.

Онъ вскочилъ. Въ первый моментъ ему показалось, что онъ долженъ бѣжать туда, помогать кому-то... Но такъ же внезапно, какъ начался, крикъ сразу прекратился и его смѣнили слабые звуки сопѣнія и чмоканія.

Павелъ Васильевичъ понялъ: Мирра кормитъ.

И когда понялъ это, будто какую-то физическую боль или физическое раздраженіе почувствовалъ во всемъ тѣлѣ. Вспоминались какія-то уродливыя обнаженныя женскія тѣла, которыя онъ видѣлъ, зайдя изъ любопытства въ акушерскую клинику, уличныя нищенки съ грязными, отвислыми грудями... Чтобы отогнать кошмарные образы, онъ сталъ медленными, твердыми шагами ходить по комнатѣ, пробуя насвистывать, но ухомъ продолжалъ мучительно ловить звуки изъ за занавѣси.

Наконецъ, Мирра снова вышла. Такая же скромная и робкая, какъ раньше. Но ему казалось, что ея темная съ бѣленькими пуговичками блузка сохранила на себѣ какіе-то слѣды недавняго разстегиванія.

— Мирра, намъ надо поговорить! — опять повторилъ онъ.

Она попыталась улыбнуться.

— Не надо ни о чемъ говорить, Павелъ Васильевичъ.

— Мирра, можетъ быть, вамъ что-нибудь нужно?

Онъ вовсе не то хотѣлъ сказать.

— Нѣтъ, ничего!

— Скажите, Мирра, быть можетъ, деньги?

— Спасибо, у меня есть.

— Мирра, какъ ваше здоровье?—вдругъ спросилъ онъ и ему показалось, что именно объ этомъ онъ долженъ былъ и такъ долго забывалъ спросить.

— Теперь я уже здорова.

— Вы не должны забывать, что я вашъ лучшій другъ!—и сейчасъ же понялъ, что этого не надо было говорить.

А она съ того момента, какъ онъ вошелъ, напрасно искала въ своей памяти всѣхъ тѣхъ словъ, какія готовилась ему сказать. Всѣ ея прежнія мысли и надуманныя рѣчи не согласовались теперь съ тѣмъ чувствомъ враждебнаго выжиданія, которое единственно владѣло ею. И она молчала.

Павелъ Васильевичъ чувствовалъ, что теперь надо начать о самомъ главномъ. Но нельзя было вдругъ ей, такой чужой, какъ будто даже не понимающей цѣли его прихода, предложить сдѣлаться своей женой. Казалось, что ко всему, что съ ней происходитъ и къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ не шла мысль о женитьбѣ, и онъ весь со своими намѣреніями и ощущеніями былъ лишнимъ. Неожиданно для самого себя онъ всталъ и сказалъ:

— Прощайте, Мирра!

Она машинально протянула ему руку.

— Помните, что у васъ нѣтъ лучшаго друга!—прибавилъ онъ, уже стоя въ дверяхъ и забывая, что только что мысленно забраковалъ эту самую фразу.

Когда онъ сходилъ съ лѣстницы, онъ вспомнилъ, что не взглянулъ на ребенка и не спросилъ, дѣвочка это или мальчикъ.

V.

— Смотри, Зиночка, какъ хорошія дѣвочки ходятъ! Видишь, на той сторонѣ! Разъ-два, разъ-два...

— Зинка хорошая дѣвоцка!

— Да, Зина хорошая, очень хорошая. Зина будетъ ножками быстро, быстро ходить. Мама купитъ Зиночкѣ куколку.

— Зинка хоцетъ кукуку!

— Большую куклу, съ ножками, съ ручками, съ глазками.

Зинка бодрится и нѣсколько минутъ шагаетъ, высоко поднимая ножки въ тактъ шагамъ Мирры.

— Лазъ-два, лазъ-два,—приговариваетъ она.

— Зинкѣ ножки бобо!—заявляетъ она черезъ нѣсколько минутъ и останавливается.

Мирра рѣшительно стискиваетъ ручку Зинки и тянетъ ее за собой. Зинка плачетъ и упирается.

Безпомощно стоитъ рядомъ съ ней Мирра. Она идетъ на партійную явку. Надо условиться съ представителемъ комитета, какъ вести занятія съ ввѣреннымъ ей кружкомъ. Мирра боится, что уже опоздала, а тутъ Зинка не хочетъ итти. Придется взять извозчика. А Марѳа, секретарь комитета, противъ ѣзды на извозчикахъ на мѣсто явки. Говоритъ, это не конспиративно. Но что дѣлать? И Мирра кличетъ извозчика. Зинка стихаетъ.

— Зинка ѣхать изонцикѣ?— говоритъ она заискивающе.—Зинка хорошая, ножки гадкія,—хитро прибавляетъ она.

Но Мирра угрюмо молчитъ.

— Потомъ Зинка подетъ ножками!—говоритъ дѣвочка, чтобы задобрить маму.

— Гадкая дѣвочка! — твердитъ Мирра, сажая ее на извозчика. — Мама отдастъ деньги извозчику и не купитъ куклы.

Теперь Зинкѣ жалко куклы и она плачетъ.

— Что за несносный ребенокъ! — думаетъ Мирра.

Поспѣшно вылѣзла Мирра изъ коляски, осматриваясь, не увидалъ бы кто изъ товарищей.

Не имѣя терпѣнія вести Зинку по лѣстницѣ, она взяла ее на руки и потащила наверхъ.

Блѣдная, растрепанная, едва переводя дыханіе, вошла она въ гостиную, когда Николай Васильевичъ собрался уже уходить.

— А, Мирра, поздновато! А что это за безплатное приложеніе?

— Моя дочь! Знакомьтесь!—стараясь улыбнуться, отвѣтила Мирра, оправляя бантикъ въ волосахъ Зинки.

— Хорошая дѣвица! Только, знаете, Мирра, я думаю, не годится ее съ собой таскать.

— Почему же, Николай Васильевичъ? Она смирная, никому не помѣшаетъ.

— Не въ томъ дѣло, это привлекаетъ вниманіе, это не конспиративно.

— Мнѣ негдѣ оставить ее, Николай Васильевичъ!..

Онъ пожалъ плечами.

— Что же дѣлать? Отошлите ее домой, отдайте въ дѣтскій садъ!

— У меня нѣтъ родныхъ, для дѣтскаго сада она мала...

Николай Васильевичъ перебилъ ее.

— Не знаю, не знаю, Мирра! Поговоримъ о дѣлѣ, я тороплюсь...

Мирра вернулась домой усталая и разстроенная, а Зинка, довольная, что и обратно ѣхала на „ивонцикѣ", смѣялась и закидывала Мирру безъ конца вопросами.

Зинкѣ шелъ третій годокъ. Уже въ продолженіе цѣлаго года Мирра жила съ нею въ Петербургѣ, все пытаясь пристроиться къ партійной работѣ. Но это было ей трудно. Небольшая сумма денегъ, полученная три года тому назадъ въ наслѣдство отъ бабушки и казавшаяся ей неисчислимымъ богатствомъ, была уже прожита. Приходилось перебиваться уроками, переводами, а Зинка связывала по рукамъ и ногамъ. Полъ-года тому назадъ Мирра, кое-какъ устроивъ свои дѣла, попыталась работать. Она прочла пять лекцій

въ небольшомъ рабочемъ кружкѣ и, довольная своимъ успѣхомъ, расцвѣла и ободрилась. Но тутъ Зинка заболѣла тифомъ, пришлось итти съ ней въ больницу. Теперь послѣ выздоровленія Зинки, Мирра опять начала работать въ партіи.

Вечеромъ была назначена массовка. Цѣлый день Мирра волновалась, готовилась, училась вслухъ произносить вступительныя и заключительныя фразы своей рѣчи. Но Зинкѣ не нравилось сегодняшнее поведеніе ея мамы. Во время болѣзни дѣвочка избаловалась и привыкла, чтобы Мирра всецѣло принадлежала ей. Почуявъ, что сегодня мамѣ не до нея, она всячески старалась привлечь ея вниманіе. Она вспоминала тѣ фокусы, которые обыкновенно забавляли Мирру и другихъ окружающихъ, и продѣлывала ихъ, въ надеждѣ и сегодня вызвать восхищеніе.

— Зинка-тупоцистъ!—говорила она и, смѣшно нахохлившись, тащила огромную половую щетку изъ кухни.

— Положи на мѣсто щетку, упадешь!—кричала Мирра, даже не улыбаясь.

— Зинка-тупоцистъ!—обиженно настаивала дѣвочка.

— Оставь—говорю!

— Зинка хочетъ тупоцистъ!

Раздраженная Мирра вскочила съ мѣста и вырвала у Зинки щетку.

— Эта дѣвчонка не дастъ ни минуты спокойно позаняться!..

Наступилъ вечеръ. Миррѣ пора уходить. Рабочій Кирюша, вѣроятно, уже ждетъ на углу, чтобы проводить ее за заставу. Но Зинка не хочетъ засыпать. Она давно уже лежитъ на своемъ диванчикѣ и мурлычетъ что-то.

— Молчи, Зинушка, надо спать!

— Зинка поетъ пѣсенку!

— Не надо пѣть, дѣвочка! Закрой глазки, глазки устали. Зинка протяжно зѣваетъ и третъ кулачонками глазки.

— Кази казку!

— Жила была курочка,—начинаетъ протяжно Мирра,—

бѣленькая, бѣленькая курочка, и у курочки были дѣточки, маленькіе, маленькіе цыпляточки. Курочка говоритъ: кво, кво, кво, а цыплятки отвѣчаютъ ей: пи, пи, пи!..

— Пи, пи, пи!—повторяетъ Зинка.

— Молчи, Зинка, а то не стану разсказывать... И вотъ приходитъ собака, большая, большая собака и говоритъ: гау, гау, гау...

— А цто говоритъ коска?—спрашиваетъ Зинка...

Наконецъ, Зинка какъ будто дремлетъ. Мирра на цыпочкахъ пробирается къ двери.

— Мама!—вопитъ Зинка и разомъ садится на постели.

— Нѣтъ, нѣтъ, мама здѣсь, не бойся, Зиночка!—и Мирра цѣлуетъ ее, укутываетъ, укладываетъ.

— И вотъ приходитъ большая, большая собака, и говоритъ собака маленькимъ цыплятамъ: маленькіе, маленькіе цыплята, не уходите отъ своей мамы, а то придетъ кошка, большая, черная и съѣстъ васъ: амъ, амъ, амъ!..

Зинка начинаетъ засыпать.

Но лишь только Мирра собирается уходить, Зинка снова поднимаетъ крикъ.

— Спи—кричитъ Мирра, выходя изъ себя.—Сію минуту спать, негодная дѣвчонка!—И больно сжимаетъ Зинкину ручку.

— А-а-а-а!—вопитъ Зинка, стараясь кричать какъ можно громче. Но гнѣвъ Мирры растетъ. Съ искаженнымъ лицомъ хватаетъ она дѣвочку за плечи и трясетъ ее въ изступленіи, пока крикъ не замираетъ на губахъ ребенка.

— Молчать, молчать! За окно выброшу, гадкая дѣвчонка!

— Босе не буду, босе не буду!—лепечетъ испуганный ребенокъ, всхлипывая со стономъ.

— Сейчасъ лицомъ къ стѣнкѣ, закрыть глазки и спать! Слышишь, спать!

Голосъ Мирры звучитъ непритворно сердито и Зинка испугана. Она свертывается калачикомъ и, сопя и всхлипывая, закрываетъ глазки, лежитъ и чутко прислушивается.

Вотъ скрипятъ мамины осторожные шаги. Вотъ мама открываетъ шкафъ, вынимаетъ шляпку, идетъ къ двери, берется за ручку...

— Мама!..—вопитъ Зинка.

Но Мирра затыкаетъ уши и бѣжитъ по корридору къ выходу. Кирюша ждетъ ее. Она опоздаетъ. Внизу въ подъѣздѣ ей все еще кажется, что она слышитъ душераздирающій крикъ Зинки.

— Агата зайдетъ къ ней,—утѣшаетъ себя Мирра, вспоминая обѣщаніе сосѣдки по комнатѣ присмотрѣть за ребенкомъ. Она выходитъ на улицу, стараясь думать о томъ, что ждетъ ее вечеромъ за заставой, но внутри неумолчно дрожитъ жалобный крикъ Зинки...

VI.

Въ вестибюлѣ передъ зеркаломъ Лидія оправила волосы, граціозно изогнула станъ, придала изящный поворотъ головѣ. Внимательно осмотрѣла себя въ зеркалѣ и осталась довольна собой. Стройная, гибкая фигура. Свѣтлс-зеленая ленточка, на подобіе обруча, въ золотистыхъ волосахъ. Зеленые бусы на открытой шеѣ, гладкое черное платье—реформъ и хризантема на груди. Большіе глаза цвѣта моря и яркокрасныя губы...

Тамъ, дома, въ уѣздномъ городѣ, было бы даже неловко одѣться съ такой нарочитой „стильностью“; смотрѣли бы, какъ на костюмированную, но здѣсь, въ столицѣ, все можно...

— Идемте, Лидія Николаевна! — сказалъ ея спутникъ.

— Идемъ!

— Тщательно сохраняя изгибъ тѣла и положеніе головы, она граціозно пошла вверхъ по широкой лѣстницѣ.

Левъ Абрамовичъ шелъ за нею. Онъ старался ступать такъ, чтобы дыра на башмакѣ не выступала изъ-подъ брюкъ. Не поспѣвая за Лидіей, онъ ковылялъ нѣсколькими ступеньками ниже ея.

— Лидія Николаевна, Лидія Николаевна, чего вы такъ спѣшите?

Но она не оборачивалась и не отвѣчала, стараясь держаться на нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Она вела себя такъ, будто они вовсе не вмѣстѣ пришли.

За эти два счастливыхъ дня Левъ Абрамовичъ привыкъ чувствовать себя на равной ногѣ съ Лидіей. Тамъ, въ глухомъ городишкѣ надъ Днѣпромъ, она, русская дворянка, красавица и умница, центръ всѣхъ сплетенъ и всѣхъ вожделѣній, была для него, голоднаго экстерна, недосягаема.

Но когда вчера утромъ онъ, уже петербургскій студентъ, встрѣтилъ ее, растерявшуюся провинціалку, у дверей вагона, ихъ роли сразу перемѣнились. Она, оглушенная и затертая, помятая толчками и пинками чужой равнодушной толпы, почувствовала себя лишенной своего провинціальнаго величія. А онъ по-питерски барственно-небрежно, безъ словъ, съ помощью жестовъ и кивковъ управлялъ извозчиками, швейцарами и носильщиками, спокойно и увѣренно разбирался въ ужасавшемъ ее вихрѣ людей, звуковъ, огней и движеній города,—и она всецѣло подчинилась его распорядительности и освѣдомленности.

Въ теченіе двухъ дней она не отпускала его отъ себя и даже дома, въ непривѣтливой меблированной комнатѣ, боялась оставаться одна.

И только сейчасъ на лѣстницѣ литературнаго клуба, куда онъ привелъ ее посмотрѣть знаменитостей столицы, онъ, видя ее убѣгающей впередъ, снова почувствовалъ себя маленькимъ, голоднымъ Лейбой Вольфзономъ, котораго выгоняютъ за невзносъ платы изъ университета... Онъ быстро догналъ ее и фамиліарно, какъ раньше на улицѣ, взялъ объ руку. Она хотѣла отстраниться, быть можетъ, оттолкнуть его, но, склонившись къ ней, онъ уже возбужденно шепталъ, скашивая глаза и брови направо:

— Смотрите, вотъ тамъ съ бородой, брюнетъ—это Егоровъ!

— Гдѣ?

— Да вотъ, съ дамой въ синемъ.

Лидія замерла на мѣстѣ. Самъ Егоровъ, знаменитый писатель-беллетристъ! Она знала его по портретамъ. У нея дома на стѣнѣ висѣло его изображеніе. Но почему-то она представляла его себѣ непремѣнно на эстрадѣ, съ рукой, картинно протянутой впередъ, какъ рисовала себѣ вообще всѣхъ великихъ людей.

Левъ Абрамовичъ уже тянулъ ее дальше.

— Подождите,—упиралась Лидія,—что за дама съ Егоровымъ?

Онъ не зналъ, но смѣло отвѣтилъ:

— Артистка.

— Какая?

— Мунова.

Этого имени Лидія не знала, но онъ произнесъ его, какъ нѣчто, столь всѣмъ извѣстное, что ей неловко было спросить поясненій и она смолчала.

— Идемте!—звалъ ее Левъ Абрамовичъ.

Но Лидіи не хотѣлось выпускать изъ поля зрѣнія Егорова. Мучительно любопытно было знать, о чемъ онъ бесѣдуетъ, и она придвинулась къ нему ближе.

Потомъ полнымъ, мелодичнымъ голосомъ, звучавшимъ нѣжно при пониженіяхъ, она громко произнесла:

— Какъ много красивыхъ нарядовъ и ни одной красивой женщины!..

Егоровъ обернулся. Будто легкая тѣнь изумленія мелькнула въ его глазахъ, но сейчасъ же, отвративъ взглядъ отъ Лидіи, онъ сказалъ своей собесѣдницѣ, мягкимъ, нѣсколько глухимъ голосомъ:

— Идемте, Марія Петровна, кажется, Сергѣй Ивановичъ пришелъ.

И они ушли.

Лидія осталась на мѣстѣ; ей казалось, будто ее больно обидѣли. Тамъ, въ родномъ городкѣ, когда она появлялась въ „Собраніи", она всегда чувствовала, будто вся публика, и обстановка, и огни зала были лишь рамкой, декораціей для ея красоты и талантовъ. Чѣмъ шикарнѣй былъ залъ, чѣмъ больше народа, тѣмъ выше ея торжество. А здѣсь десятки, сотни, быть можетъ, тысячи людей проходятъ мимо, задѣваютъ ее своими одеждами, толкаютъ и будто вовсе не видятъ ея. Для всѣхъ она лишь часть толпы, лишь мазокъ на слитномъ фонѣ цвѣтовъ и оттѣнковъ, никто не хочетъ знать, не хочетъ замѣтить ее...

— Смотрите, вотъ идетъ Панскій!

Лидія оживилась.

— Гдѣ, гдѣ?

Панскій! Критикъ соціалъ-демократъ. Она много читала его.

— А это жена его?

— Нѣтъ! Онъ разошелся съ женой,—съ наслажденіемъ отвѣтилъ Левъ Абрамовичъ, гордый своей освѣдомленностью.

— Оглянитесь! Нѣтъ, налѣво! Новомирскій—редакторъ „Сѣвернаго Луча"!

Лидія едва успѣвала слѣдить за всѣми, кого онъ указывалъ ей.

Литераторы, художники, два-три артиста, партійные дѣятели и публицисты,—всѣ эти избранные проходили мимо нея, а Левъ Абрамовичъ, захлебываясь, называлъ ихъ и передавалъ ей, разукрашивая своей фантазіей, сплетни, ходившія про нихъ въ публикѣ и извѣстныя ему изъ газетъ, или по наслышкѣ. И обоимъ имъ казалось, что отъ этихъ разговоровъ всѣ эти люди становились ближе и доступнѣе имъ, что сплетни и пересуды дѣлаютъ большихъ людей похожими на обыкновенныхъ незамѣтныхъ людей толпы, и уже не восторгъ и преклоненіе возбуждали въ нихъ великіе люди, а зависть и досаду за то, что незаслуженно вылѣзли впередъ и заслонили ихъ собой, за то, что заполнили своимъ

шумомъ и блескомъ весь воздухъ, не оставивъ мѣста для нихъ, простыхъ смертныхъ...

Иногда Левъ Абрамовичъ мимоходомъ раскланивался съ кѣмъ-либо изъ толпы. И на любопытный вопросъ Лидіи небрежно отвѣчалъ: „курсистка!“ или „знакомый студентъ“, не считая нужнымъ называть имена простыхъ людей толпы, съ которыми десятками знакомишься въ столовой и въ аудиторіи университета...

Изъ залы донёсся звонокъ.

— Идемте! займутъ мѣста!

Лидія двинулась было за нимъ, но, не пройдя и двухъ шаговъ, замерла на мѣстѣ.

Прямо на нее, хотя и не глядя на нее, шелъ Норскій, видный московскій фельетонистъ. Лидія знала его. Въ прошломъ году проѣздомъ, возвращаясь изъ временной и случайной ссылки, онъ попалъ въ ея родной городокъ. Въ пользу мѣстной организаціи онъ читалъ рефератъ, послужившій позже темой для нескончаемыхъ самобытныхъ рефератовъ въ городкѣ. Его лекцію организовала, конечно, Лидія. Норскій провелъ съ нею вечеръ наканунѣ отъѣзда, ухаживалъ за нею, звалъ въ Москву, предсказывая ей блестящую будущность, жалѣлъ о ея погибающихъ въ глуши талантахъ и, прощаясь, поцѣловалъ у нея руку.

Сіяющая и волнующаяся Лидія бросилась теперь къ нему навстрѣчу. Произведенное ею движеніе заставило его опустить на нее глаза. Потомъ онъ машинально обернулся, какъ бы изслѣдуя, къ кому за его спиной относится ея восторженный взглядъ, и прошелъ мимо.

Норскій не узналъ Лидіи. Правда, лицо ея показалось ему знакомымъ. Но мало ли лицъ въ большомъ городѣ столь примелькается, постоянно встрѣчаясь въ клубахъ или на Невскомъ, что кажутся знакомыми, особенно хорошенькія женскія личики...

Разстроенная, и вдругъ уставшая, стояла Лидія, не слушая того, что говорилъ ей Левъ Абрамовичъ.

— Какая хорошенькая!—донеслось до нея сбоку.

Она быстро оправилась и приняла привычную позу.

— Гм-да!—процѣдилъ другой голосъ, даже не спросивъ обычнаго:—Кто она?

Лидія взглянула имъ вслѣдъ. Говорившій первымъ былъ небезызвѣстный поэтъ Пѣночкинъ, его собесѣдникъ—какой-то незнакомый Льву Абрамовичу господинъ.

Очевидно, они продолжали говорить о ней. Пройдя нѣсколько шаговъ, Пѣночкинъ обернулся и встрѣтился взглядомъ съ Лидіей. Она не отвела глазъ, и, сохраняя неподвижность рта, улыбнулась ему одними лишь глазами. Улыбаться глазами—это было ея особеннымъ искусствомъ.

Потомъ потупилась и, капризно-кокетливо поводя плечами, стала говорить что-то Льву Абрамовичу.

Пѣночкинъ прошелъ нѣсколько шаговъ, еще разъ обернулся и остановился въ дверяхъ зала, ожидая, пока она пройдетъ мимо. Лидія это видѣла.

— Что же вы такъ печальны, мой добрый геній, мой рыцарь безъ страха и упрека? — спросила Лидія Льва Абрамовича, улыбаясь и дѣлая видъ, что всецѣло занята имъ.

Онъ оторопѣлъ отъ неожиданнаго ея вниманія.

— Я, я, Лидія Николаевна, я счастливъ... я...

— Даже счастливъ?

Въ этотъ моментъ они поровнялись съ Пѣночкинымъ и Лидія разсмѣялась звонко, переливчатыми соловьиными трелями... Въ сторону Пѣночкина даже не взглянула; она и безъ того чувствовала эффектъ своего удивительнаго смѣха.

Съ трудомъ отвоевалъ Левъ Абрамовичъ мѣсто для Лидіи. Со всѣхъ сторонъ вокругъ нея толпились, сидя и стоя, люди. Они безцеремонно толкали ее и разговаривали между собой черезъ ея голову. Рядомъ съ ней сухенькая

барышня въ пенснэ вертѣлась во всѣ стороны, отыскивая глазами въ толпѣ Егорова, и почти плача умоляла сосѣда показать его. А сзади какая-то дѣвица съ волосами, начесанными на уши, и золотымъ обручемъ на лбу, томно-небрежнымъ голосомъ разсказывала своему спутнику, что ей вчера предлагали познакомиться съ Норскимъ... И Лидія думала: — Неужели во всемъ этомъ залѣ нѣтъ человѣка, который зналъ бы, что и она, Лидія Рынцева, выше сотенъ тѣхъ, что сидятъ вокругъ, что она гордость родного города, что она обладаетъ сценическимъ и ораторскимъ талантомъ, что она умнѣй и начитаннѣе многихъ изъ этихъ выскочекъ и недоучекъ, заслонившихъ ее...

Съ эстрады раздался звонокъ. Рефератъ начинался.

Лидія по наслышкѣ знала лектора и съ любопытствомъ смотрѣла на него. Это былъ высокій, стройный блондинъ съ сухимъ, нервнымъ лицомъ. Его темные глаза подъ тонкими, рѣзко очерченными бровями были всегда прищурены, блѣдныя подвижныя губы изогнуты насмѣшливой гримасой. Онъ не носилъ ни усовъ, ни бороды, низко стригъ свои свѣтлые волосы; его лицо непріятно поражало отсутствіемъ мягкости и какой-то напряженностью, но въ то же время было интересно въ профиль, благодаря изящной постановкѣ головы и красивой линіи лба и носа.

Сергѣю Ивановичу Рѣкушу было лѣтъ подъ тридцать, но репутація молодого, подающаго надежды литератора держалась за нимъ уже въ теченіе десяти лѣтъ. Онъ все время стоялъ въ началѣ своей карьеры. Блестяще окончивъ историко-филологическій факультетъ, онъ въ качествѣ подающаго надежды молодого ученаго, былъ оставленъ при университетѣ. Въ теченіе трехъ лѣтъ, которыя онъ числился при университетѣ, онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе общей прессы интересными работами въ области древнегреческой литературы, но затѣмъ, неожиданно для своихъ учителей, оставилъ университетъ; къ изумленію своихъ товарищей, женился на молоденькой нѣмочкѣ, купеческой

дочкѣ, и переѣхалъ изъ Петербурга въ маленькій уѣздный городокъ Петербургской же губерніи. Черезъ годъ онъ дебютировалъ въ толстомъ журналѣ изящными, музыкальными стихами, за которыми вскорѣ послѣдовала фантастическая новелла, написанная блестящимъ оригинальнымъ языкомъ. На молодого поэта сразу обратила вниманіе критика и даже публика. Рецензенты снисходительно хвалили его и выражали надежду на расцвѣтъ его дарованій, а столичное общество заинтересовалось личностью молодого писателя и охотно включило его въ число модныхъ и любимыхъ участниковъ литературныхъ вечеровъ. Рѣкушъ вернулся въ столицу и, почти окончательно порвавъ съ университетскими кругами, сталъ вращаться среди литературной богемы. Говорили, что молодой беллетристъ пишетъ романъ, и друзья его заранѣе разсказывали чудеса объ этомъ новомъ произведеніи. Но романъ не появлялся, и публика успѣла забыть и о немъ и объ его авторѣ, когда вдругъ послѣ двухлѣтняго молчанія Рѣкушъ неожиданно разразился смѣлой и остроумной, хотя и парадоксальной, статьей на тему о вырожденіи русской литературы. Статья въ видѣ большого фельетона напечатана была въ газетѣ, и молодой литераторъ снова сталъ героемъ дня, на этотъ разъ какъ будто надолго. Повидимому, теперь онъ прочно утвердился на амплуа газетнаго критика и фельетониста и писалъ много и охотно.

И сегодня онъ выступалъ въ клубѣ съ докладомъ на литературную тему.

Лидія, которая у себя въ провинціи читала столичныя газеты, знала направленіе мыслей Рѣкуша и теперь съ интересомъ слушала его.

Рѣкушъ говорилъ о тенденціяхъ новѣйшей литературы. Слушая его, Лидія невольно вспоминала цитаты, опровергавшія его, доводы, изъ тѣхъ же авторовъ, на которыхъ онъ ссылался. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, эти отдѣльныя соображенія сплетались въ ея головѣ въ стройную цѣпь возраженій. Въ противовѣсъ его блестящей кол-

лекціи цитатъ, которыя онъ читалъ по бумажкѣ, въ ея памяти вставалъ рядъ не менѣе яркихъ отрывковъ, которые она помнила наизусть. Губы ея невольно шептали четверостишіе, которое Рѣкушъ намѣренно игнорировалъ, а она считала особенно характернымъ. Ловя его слова и фразы, она въ умѣ оборачивала ихъ остріемъ къ нему, а противъ его выводовъ у нея наготовѣ была маленькая стройная теорія, заимствованная у той школы марксистскихъ литераторовъ, на которую онъ преимущественно нападалъ. Она не помнила сейчасъ, откуда взяла эту теорію, склонна была считать ее своей и спѣшно украшала ее его же словечками и эпитетами, обращенными противъ него.

Когда Рѣкушъ кончилъ, у Лидіи была готова стройная рѣчь. Задумавшись, она невнимательно слѣдила за послѣдней частью его рѣчи и опомнилась лишь тогда, когда раздались бурныя рукоплесканія публики.

— Прошу оппонентовъ записываться!—сказалъ предсѣдатель, когда въ залѣ стало тихо.

— Возражать ему!—будто не она сама, а кто-то другой шепнулъ ей эти слова и дрожь волненія, поднявшись отъ ногъ, пробѣжала по всему ея тѣлу. Потомъ дрожь прошла и осталась томительная слабость.—Какъ начать?—Лидія старалась обдумать это и не могла. Мысли разбѣгались. И не рѣшивъ, слѣдуетъ ли возражать и какъ начать, она уже пробиралась къ столу. Люди за столомъ были заняты оживленной бесѣдой между собой. Предсѣдатель что-то записывалъ. Ея приближенія не замѣтили.

— Запишите меня!—произнесла Лидія хриплымъ голосомъ,

Бесѣда за столомъ сразу смолкла.

— Запишите меня къ слову!—повторила Лидія уже полнымъ и звонкимъ голосомъ. Люди у стола всѣ смотрѣли на нее въ упоръ.

— Вы первою желаете говорить? Еще никто не записанъ.

— Пусть первою!

— Ваше имя?

— Лидія Рынцева.

И Лидія растерялась. Всѣ смотрѣли на нее и она не знала, что съ собой дѣлать. Предсѣдатель уже записалъ ея имя, а она все еще стояла, потомъ повернулась, хотѣла уйти, но тутъ, увидавъ всю залу, смотрящую на нее, смѣшалась, неловко ступила, ненужно схватила шлейфъ и быстро засеменила въ сторону.

— Простите, сударыня, лучше вамъ остаться здѣсь!

— Будемъ начинать!—засуетились люди у стола. Предсѣдатель позвонилъ. Первые ряды уже сидѣли, жадно глядя на Лидію, все еще стоявшую передъ столомъ.

— Дама возражаетъ!—шумно и быстро передавалось по залу.

— Гдѣ?

— Тамъ блондинка красивая!

— А, декадентка!

— Кто она? кто она?

Быстро и стремительно, какъ раньше направлялась къ столу, поднялась Лидія на трибуну.

Чернымъ фономъ съ безчисленными розовыми пятнами лицъ показался ей залъ. И на одно мгновеніе ей почудилось, будто весь этоъ рой лицъ движется на нее. Она вскинула рѣзкимъ движеніемъ вверхъ голову и вдругъ откуда-то, будто ей самой неизвѣстная, выкатилась первая красивая фраза вступленія. Залъ замеръ. Она говорила, не видя публики, смотря куда-то поверхъ головъ, говорила, сама прислушиваясь къ своимъ словамъ, порой узнавая въ нихъ фразы, приготовленныя ею во время реферата, порой чувствуя, какъ онѣ тутъ же въ ходѣ рѣчи появляются изъ за завѣсы, отдѣляющей запасъ ея наличныхъ мыслей отъ темной кладовой воспоминаній. Фразы рождались, округлялись, падали изъ устъ помимо ея воли и разумѣнія, повинуясь какой-то внутренней связующей и распредѣляющей

ихъ силѣ. А голосъ въ созвучіи съ ними поднимался и замиралъ, то торжествующе вибрируя, то спускаясь до драматическаго полушопота.

Она кончила такъ же внезапно, какъ начала, бросивъ въ заключеніе публикѣ пророческую ликующую мысль...

Въ тотъ моментъ, какъ голосъ ея смолкъ, она опустила голову и увидѣла всю залу, словно застывшую въ одной позѣ стремленія къ ней. Быстро сбѣжала Лидія съ трибуны. Нѣсколько секундъ еще висѣло надъ залом молчаніе и затѣмъ сразу, какъ пушечный выстрѣлъ, грянулъ первый взрывъ апплодисментовъ и, разорвавшись на тысячу звуковъ, покатился волнами, то замирая, то снова возникая съ неожиданной силой. Лидія стояла, прислонившись къ каѳедрѣ. Въ головѣ и въ душѣ было пусто, будто отзвонили колокола и какія-то полу-осознанныя ненужныя воспоминанія о морѣ, о прибоѣ возникали въ мозгу.

— Такъ это вы!—услышала Лидія рядомъ съ собой знакомый голосъ.

Это былъ Норскій, не узнавшій ее раньше въ коридорѣ клуба.

Лидія встрепенулась:

— Леонидъ Григорьевичъ! Какъ я рада!

— А я то давеча не узналъ васъ.

— Гдѣ вамъ съ высоты вашего величія замѣтить меня?—стараясь оправиться отъ волненія и съ трудомъ удерживая дрожь голоса, говорила она.

Объ руку съ Норскимъ вышла Лидія изъ зала въ буфетъ. Нѣсколько человѣкъ изъ публики шло тѣсно за ними. Въ дверяхъ имъ преградилъ дорогу потный и задыхающійся Левъ Абрамовичъ. Онъ уже успѣлъ сотнѣ людей, знакомыхъ и незнакомыхъ, заявить о своей близости къ Лидіи, разсказать ея біографію.

— Лидія Николаевна! Поздравляю, поздравляю!—кричалъ онъ, едва переводя дыханіе.

— А, это вы!—разсѣянно бросила Лидія и снова обернулась къ Норскому.

— Лидія Николаевна, куда же вы?—семеня за ней, спрашивалъ Левъ Абрамовичъ. Вѣдь еще будутъ возраженія!

— Не знаю, ничего не знаю! Видите, этотъ большой человѣкъ ведетъ меня куда-то...

Норскій сильно сжалъ ея руку и раскатисто засмѣялся, не обернувшись даже въ сторону Льва Абрамовича.

— Не пущу, не пущу, такъ и знайте!—прогремѣлъ онъ, увлекая ее.

— Не браните меня,—говорилъ онъ Лидіи, стараясь по возможности понизить свой густой басистый голосъ.— Глазами я не узналъ васъ, мои глупые близорукіе глаза плохо служатъ мнѣ, но душою узналъ! Съ того момента, какъ я прошелъ мимо васъ, я почувствовалъ, что со мной должно случиться что-то хорошее и неожиданное. А когда раздался первый звукъ вашего голоса, я сразу узналъ васъ...

— Не будьте такимъ эгоистомъ, Леонидъ Григорьевичъ! Представьте и меня!—Пѣночкинъ, подойдя сзади, хлопнулъ Норскаго по широкой спинѣ.

— А, вы, дружище! Ну, такъ и быть, только уговоръ: не ухаживать!

— Тамъ ужъ видно будетъ!

Пѣночкинъ жалъ руку Лидіи и смотрѣлъ ей въ глаза улыбающимся многозначительнымъ взглядомъ, будто напоминая ей о чемъ-то, извѣстномъ лишь имъ обоимъ. Да и ей, глядя на него, почему-то казалось, что между ними уже существуютъ какія-то установившіяся отношенія, хотя она сейчасъ впервые пожала ему руку...

— Вотъ мы и познакомились!—говорилъ Пѣночкинъ, не выпуская ея руки.—А ну, засмѣйтесь-ка еще разъ!

Ей почувствовалось что-то обидное въ его словахъ и рукопожатіи; не отвѣчая, она рѣзко выдернула свою руку.

— Вотъ и разсердились! Это хорошо! Значитъ, мы съ темпераментомъ!

Этого тона послѣ своего сердитаго движенія она не ожидала. Норскій тоже улыбался, а не сердился на наглость Пѣночкина. Очевидно, такъ надо. И она испугалась, что взяла невѣрный тонъ и показалась имъ смѣшной наивной провинціалкой...

— Такъ вы хотите, чтобы я смѣялась? Извольте.—И она разсмѣялась прямо ему въ лицо, какъ прежде въ дверяхъ, по-соловьиному.

— Вы довольны? — спросила она, затихнувъ и вызывающе взглянула на него.

— Что это? Уже кокетничаютъ? — спохватился Норскій.—Гоните его, гоните, Лидія Николаевна, онъ извѣстный соблазнитель!

Пренія въ залѣ кончились. Публика бурнымъ потокомъ хлынула въ буфетъ и корридоры. Многіе подходили и здоровались съ Пѣночкинымъ и Норскимъ, а тѣ представляли своихъ знакомыхъ Лидіи.

Изъ дверей зала, окруженный тѣснымъ кольцомъ публики, вышелъ и референтъ. Онъ нетерпѣливо отвѣчалъ на вопросы окружающихъ и разсѣянно пожималъ руки знакомымъ, видимо стараясь выбраться изъ тѣснаго круга обступившихъ его людей.

— Ахъ, познакомьте меня съ Рѣкушемъ! — сказала Лидія.

— Черезъ минуту будетъ у вашихъ ногъ!—Пѣночкинъ бросился къ Рѣкушу.

— Идемъ, я познакомлю тебя съ твоей удивительной оппоненткой.

— Отстань, не хочу ни съ кѣмъ знакомиться!—раздраженно отвѣчалъ Рѣкушъ.

— Не дури, смотри, что за прелесть, къ тому же я обѣщалъ.

— Ты знаешь, я терпѣть не могу митинговыхъ дѣвицъ, да еще такихъ модернизированныхъ, съ хризантемами...

— Ну ужъ эта не митинговая, не тотъ жанръ! Идемъ!

— Сказалъ, не пойду! Отстань!—лицо Рѣкуша искривилось злобой.

— Чортъ съ тобой, юродивый!—Пѣночкинъ умчался къ Лидіи, а Сергѣй Ивановичъ Рѣкушъ, освободившись, наконецъ, отъ осаждавшихъ его знакомыхъ, подошелъ къ Миррѣ, стоявшей одиноко въ углу буфетной залы.

Сергѣй Ивановичъ и Мирра были земляками и знали другъ друга давно. У нихъ было много общихъ воспоминаній. Скучая настоящимъ, не задумываясь о будущемъ, Сергѣй Ивановичъ съ особой нѣжностью относился ко всему прошлому, и оно всегда рисовалось ему въ мягкихъ матовыхъ тонахъ. И Мирра, теперь такая далекая отъ него, была ему дорога, какъ часть этого нѣжнаго прошлаго. Онъ никогда не былъ ни влюбленъ въ Мирру, ни даже особенно друженъ съ ней. Они и въ ранней юности были различными людьми, къ тому же между ними была значительная разница лѣтъ. И въ то время, какъ она, гимназистка, штудировала политическую экономію Чупрова и предпочитала Надсона Пушкину, онъ, студентъ, уже разочаровавшійся въ наукѣ, увлекался поэзіей молодой школы декадентовъ, стихи которыхъ привлекали его своею образностью и звучностью. Мирра не понимала его и старалась презирать за антиобщественныя тенденціи, а онъ любилъ ее за нѣжный музыкальный голосъ, за тихую задумчивость.

Лѣтомъ она жила обыкновенно у своей бабушки на дачѣ, на берегу моря. А онъ любилъ море, любилъ ихъ бревенчатую дачу на краю обрыва, любилъ читать вслухъ стихи и чуть не каждый день пріѣзжалъ къ Миррѣ на лодкѣ, и часами читалъ ей на берегу стихи, которые она считала ненужнымъ вздоромъ, „безсмысленной декадентщиной“, но слушала, завороженная ритмическими переливами его голоса, звенящими сочетаніями музыкальныхъ словъ и рокотомъ моря...

И теперь онъ по временамъ приходилъ къ ней, читалъ ей стихи, разсказывалъ Зинкѣ страшныя сказки и вспоминалъ съ нею вмѣстѣ о южномъ морѣ, о гимназическихъ ея друзьяхъ.

Сегодня, послѣ реферата, который онъ самъ считалъ неудачнымъ, разстроенный похвалами нуждавшихся въ немъ друзей и злорадствомъ торжествомъ людей, отъ него независящихъ, Рѣкушъ особенно обрадовался, увидѣвъ ее, какъ всегда тихую и незлобивую.

— Я сегодня васъ такъ люблю, Миррочка,—говорилъ онъ ей,—вы совсѣмъ иная, чѣмъ они всѣ!

— Я васъ всегда люблю, Сережа!—улыбаясь, отвѣтила Мирра.

— Миррочка, идемъ бродить со мной на всю ночь!

— Нѣтъ, милый, я устала, очень устала! Завтра надо встать въ шесть часовъ утра!

— И какъ вамъ это не надоѣстъ? Плюньте на всѣ ваши дѣла! Вѣдь это вамъ вовсе не нужно! И что вы за партійная работница!!

Мирра промолчала.

— Съ какой-нибудь дурой съ шести часовъ разговаривать будете! Знаю ваши дѣла!

— И это дѣло!—какъ-то тускло сказала Мирра, лишь бы что-нибудь отвѣтить. Они были въ разговорѣ у той грани, дальше которой не могли приблизиться другъ къ другу.

— Прощайте, Сережа!—Мирра протянула ему руку, опустивъ глаза.

— Гдѣ Нелли?—спросила она, останавливая за рукавъ мимо бѣжавшаго студента.

— Нелли? Она васъ ищетъ! Стойте здѣсь, я ее пришлю.—Студентъ умчался.

— Проводить васъ домой, Мирра?—опять ласково спросилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Проводите!

— Ну такъ айда!—онъ схватилъ ее объ руку и потянулъ за собой.

— Подождите, подождите, мы пойдемъ вмѣстѣ съ Нелли. Я должна переговорить съ ней.

— Съ той толстой дурой? Ни за что!

— Вовсе она не толстая и не дура!—Мирра обиженно отвернулась и пыталась выдернуть свою руку.

— Ну, не сердитесь! Я вѣдь только такъ. Она страшно худенькая, ваша Нелли, совсѣмъ, какъ былиночка; а вы все же бросьте ее и идите со мной!

— Нельзя, Сереженька!

— Миррочка, милая, дорогая, убѣжимъ сейчасъ! Ну пусть она ищетъ, ну чортъ съ ней!

— Нельзя, нельзя, Сережа, я обѣщала...

— Обѣщала! Ну и носитесь со своимъ обѣщаніемъ!

Онъ рѣзко оставилъ ея руку и быстро ушелъ, не попрощавшись.

Мирра осталась одна въ пустѣющемъ залѣ въ ожиданіи Нелли.

VII.

Сергѣй Ивановичъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ безчисленныхъ знакомыхъ, толпившихся на лѣстницѣ и въ вестибюлѣ, сбѣжалъ внизъ и, надѣвая на ходу шубу, выскочилъ на улицу. Теперь онъ не зналъ, что дѣлать съ собой. Это всегда бывало съ нимъ послѣ окончанія какой-либо работы или публичнаго выступленія. Пока онъ писалъ или говорилъ, ему казалось важнымъ и нужнымъ то, что онъ дѣлалъ. Процессъ творчества увлекалъ его. Но когда наступало время оцѣнить сдѣланное, собственное произведеніе уже не интересовало его, казалось ему сочетаніемъ словъ безъ души.

Онъ шелъ по улицамъ, стараясь шагать твердо и шумно, будто живой звукъ шаговъ могъ разбить мертвую пустоту внутри, и думалъ, внутренне ежась, что черезъ десять минутъ

очутится дома, и жена его, розовая нѣмочка Матильда, станетъ, коверкая русскія слова, разспрашивать о рефератѣ. И вмѣсто того, чтобы итти домой, онъ безцѣльно шагалъ по улицамъ, долго, безостановочно, пока съ удовольствіемъ не почувствовалъ, что продрогъ и что мысль о рюмкѣ водки вызываетъ въ немъ пріятныя представленія. Тогда онъ кликнулъ извозчика и поѣхалъ въ „Римъ“.

„Римъ“, ресторанъ средней руки, былъ любимымъ мѣстомъ полуночныхъ сборищъ молодыхъ литераторовъ и художниковъ. Послѣ реферата въ клубѣ многіе поѣхали ужинать въ „Римъ“. Здѣсь же очутилась и Лидія со своими новыми друзьями. Она была уже нѣсколько утомлена. Ея спутники, чѣмъ больше пили, тѣмъ становились развязнѣе и веселѣе, а на нее вино дѣйствовало угнетающимъ образомъ. Она чувствовала, что становится скучной и неинтересной и черезъ силу смѣялась.

Въ ресторанѣ къ ихъ компаніи присоединился молодой бѣлокурый художникъ.

— Станиславъ Галимскій, изъ вашихъ соціалъ-демократовъ!—представилъ его Пѣночкинъ Лидіи.

Галимскому налили вина, но онъ не пилъ. На Лидію онъ глядѣлъ долго, въ упоръ, отводя взоръ лишь тогда, когда она, обезпокоенная его настойчивымъ взглядомъ, изумленно подымала на него глаза. Онъ сидѣлъ молча въ продолженіе цѣлаго часа, но когда Пѣночкинъ налилъ Лидіи четвертый бокалъ вина, онъ наклонился къ ней и, слегка заикаясь, сказалъ полу-шопотомъ:

— Полноте, вамъ не хорошо пить!

— Ха, ха, ха!—залилась Лидія и сама испугалась, такимъ хриплымъ вышелъ ея смѣхъ.—Какой вы скромникъ! Пейте лучше и вы со мной!—и она постаралась весело улыбнуться.

Онъ не отвѣтилъ ей и снова сидѣлъ молчаливый и задумчивый.

— Рѣкушъ!—произнесъ вполголоса Пѣночкинъ, указывая на входившаго Сергѣя Ивановича.

Сергѣй Ивановичъ стоялъ въ дверяхъ зала, колеблясь, войти ли ему. Всѣ эти люди, пьющіе и смѣющіеся, были ему въ этотъ моментъ противны. Онъ зналъ хорошо всѣхъ членовъ литературной богемы, обычныхъ завсегдатаевъ „Рима“. Въ ихъ средѣ онъ самъ проводилъ большую часть жизни и считалъ ихъ добрыми ребятами, но въ тѣ дни, когда имъ овладѣвало болѣзненное раздраженіе, всѣ ощущенія его будто обострялись и онъ каждую черту человѣка воспринималъ въ какомъ-то чудовищно увеличенномъ видѣ, будто всѣ психическіе цвѣта сгущались въ его глазахъ и сѣрое плакало, какъ черное, а розовое кричало, какъ красное...

Стараясь не смотрѣть на окружающихъ, онъ пробрался къ крайнему столу и сѣлъ рядомъ съ Галимскимъ, пожавъ ему одному за столомъ руку. Усѣвшись, онъ поднялъ голову и тутъ увидѣлъ вонзившіеся въ него жадные глаза Лидіи.

— Сергѣй Ивановичъ Рѣкушъ, Лидія Николаевна Рынцева!—представилъ ихъ другъ другу Пѣночкинъ.

— Очень рада, что, наконецъ, знакомлюсь съ вами,— заговорила Лидія.

— И я тоже, милая барышня, и я тоже,—отвѣчалъ Рѣкушъ, съ трудомъ разрывая пелену замкнутости, обложившую его сознаніе.

И какъ только заговорилъ, смутное неоформленное раздраженіе противъ всѣхъ людей и всего людского сконцентрировалось и направилось на одну Лидію, которая еще прежде больно задѣла его въ своей рѣчи послѣ реферата.

— Да, да, очень радъ,—повторилъ онъ.—Вы такъ хорошо говорили сегодня! И вы это все такъ знаете! Вы правы, у меня все неясно въ головѣ, я не имѣю основы въ своихъ воззрѣніяхъ на искусство,—слова его звучали непритворно

грустно.—Соціальное искусство! Можетъ быть, это и было бы хорошо...

Окружающіе притихли. Когда онъ заговорилъ, всѣ насторожились; они его знали и ожидали, что онъ высмѣетъ ее, уничтожитъ своимъ сарказмомъ, но онъ говорилъ такъ серьезно, что они готовы были вѣрить въ его искренность.

— Ха, ха, ха! Попались барышнѣ на язычокъ!—загрохоталъ Норскій.

— Да, да,—продолжалъ Рѣкушъ,—я вотъ не знаю, дѣйствительно не знаю, почему одно твореніе искусства мнѣ нравится, а другое нѣтъ. Вотъ, по-вашему, барышня, кто лучше—Горькій или Толстой?

Лидія любила больше Толстого, но ей показалось, что по мысли Рѣкуша надо любить больше Горькаго; предпочитать Толстого было такъ просто и естественно, что объ этомъ нечего было и спрашивать, и она отвѣтила:

— Представьте себѣ, что Горькаго! Какъ ни какъ, а Толстой больше ужъ не говоритъ такъ громко нашему сердцу...

— Горькаго?! Это по теоріи соціальнаго искусства, вѣроятно! И вамъ не совѣстно! И вы вылѣзаете на каѳедру и кричите этимъ олухамъ, а они слушаютъ... Горькій лучше Толстого!

Она растерялась. Съ трясущимися углами губъ, блѣдная, она старалась еще защищаться.

— Будьте терпимѣе, я могу доказать свое положеніе...

— Доказать! Покорно благодарю! Я нутромъ чувствую, что такое для меня Толстой, а вы хотите доказывать! Я всегда только нутромъ сужу, что хорошо, что гадко! Почему хорошо? Не знаю и не хочу знать! Почему я языкомъ ощущаю: это солено, это сладко? Ощущаю,—и все тутъ Такъ и въ искусствѣ. Шестое чувство, быть можетъ... А у васъ его не имѣется, барышня! Вы—барышня глухая, слѣпая, калѣка... Такъ не учите другихъ, зрячихъ, не кривляйтесь...

Лидія чувствовала, какъ сдавило у нея въ горлѣ. Она боялась расплакаться. И раздвинувъ ротъ въ безжизненную улыбку, она еле сдерживала слезы, уже обжигавшія глаза.

— Перестаньте!—сказалъ тихо Галимскій, беря Рѣкуша за руку.—Она плачетъ.

Рѣкушъ смолкъ и посмотрѣлъ на нее. И когда увидѣлъ ея лицо съ гримасой улыбки и слезами, текущими будто украдкой изъ глазъ, раздраженіе его упало, и теплая, сладкая волна жалости залила душу. Сразу осѣкся его голосъ и, протягивая ей руку, онъ ласково, шутливо сказалъ:

— Простите меня, ради Бога! Вы умница, большая умница! Вѣдь это вы мнѣ нарочно сказали про Горькаго.

Потомъ онъ ушелъ. Проснулась жалость, участіе къ человѣку и теперь снова въ душѣ его было полно и звучно и онъ торопился скорѣе уйти отъ нихъ, чтобы не расплескать чаши тепла и любви...

Гулко и звучно звенѣли теперь его шаги по камнямъ мостовой. И онъ думалъ: Матильда еще не легла. Матильда боится, что я вернусь пьянымъ. Бѣдная Матильда!.. И представлялъ себѣ, какъ войдетъ къ ней, добрый и трезвый, и будетъ ей разсказывать. А она ничего не пойметъ и ласковыми спокойными глазами будетъ смотрѣть на него, а потомъ скажетъ:

— А Колька сегодня научилъ стихи—и разскажетъ ему про стихи Кольки и про кухарку и про полотеровъ... А потомъ онъ будетъ ее цѣловать, и жалѣть, глупенькую, обманутую.

Затѣмъ вспомнилъ о Миррѣ, о томъ, какъ она осталась одинокая, опершись о перила лѣстницы въ клубѣ, и представлялъ себѣ, какъ завтра пойдетъ къ ней и будетъ читать ей стихи и играть съ Зинкой...

VIII.

Домой Лидію изъ ресторана „Римъ“ проводилъ художникъ Станиславъ Галимскій. Лидія не могла оправиться послѣ инцидента съ Рѣкушемъ. Напрасно старалась она убѣдить себя, что сегодняшній день былъ радостнымъ торжественнымъ днемъ въ яе жизни. Вѣдь она выступила съ упѣхомъ, завоевала себѣ извѣстность, пріобрѣла друзей! Мелочная исторія съ Рѣкушемъ вытравила все радостное; одна большая обида стояла въ душѣ, и только о ней могла думать Лидія. И она шла молча, съ трудомъ отвѣчая Галимскому. А онъ чувствовалъ себя почему-то виноватымъ передъ ней за выходку Рѣкуша и за цинизмъ пьяной компаніи, и въ то же время ему хотѣлось оправдать въ ея глазахъ всѣхъ ихъ, такъ какъ онъ любилъ ихъ и считалъ славными ребятами, какими вообще считалъ всѣхъ людей, съ которыми сталкивался.

Робкій на людяхъ, въ большомъ обществѣ, въ освѣщенныхъ залахъ, онъ умѣлъ много и интимно говорить, шагая въ вечернемъ полумракѣ по пустыннымъ улицамъ съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, особенно вдвоемъ со женщиной, съ любою женщиной. Вообще съ женщинами онъ чувствовалъ себя лучше, чѣмъ съ мужчинами. Въ жизни и людяхъ его привлекало одно лишь женское. Не замѣчая этого, все, что онъ любилъ, природу, революцію, искусство, онъ любилъ бережно, съ тоской и нѣжностью, какъ любятъ далекихъ недосягаемыхъ женщинъ.

— Боже мой, Боже мой! Неужели мы уже пришли?— въ тоскѣ и съ испугомъ воскликнула Лидія, когда они остановились передъ глухо запертыми воротами сѣраго петербургскаго дома, на которомъ выдѣлялись два матово свѣтящихся значка, 42, номеръ ея дома.

— Да, это—вашъ домъ! А вамъ не хочется еще домой? Тогда пойдемъ дальше, ночь прекрасная.

— Нѣтъ, нѣтъ, я устала! Но я такъ боюсь одна... Вѣдь

это тамъ, высоко на лѣстницѣ. Вдругъ я не попаду въ свою квартиру...

И она представляла себѣ то жуткое чужое мѣсто, огороженное четырьмя стѣнами, которое называлось ея комнатой, темную деревянную постель, скрипѣвшую и стонавшую при каждомъ движеніи, и будто прятавшую кого-то за своей черной спинкой.

— Ахъ, зачѣмъ я сюда пріѣхала!

Боязнь передъ темной чужой комнатой, осадокъ отъ позора этого вечера почему-то сплелись у нея съ представленіемъ о большомъ, безсмысленно шумномъ городѣ, надъ которымъ не было неба и гдѣ надъ сѣрыми каналами повисла зловонная мгла..

— Хочу ѣхать домой!—лепетала она и утирала украдкой слезы уголкомъ муфты.

Тогда Галимскій сталъ утѣшать ее, какъ утѣшаютъ дѣтей, обманывая перспективой счастливаго завтра.

Завтра утромъ, рано утромъ онъ придетъ къ ней. Она сейчасъ заснетъ, а чуть откроетъ глаза поутру, онъ будетъ стучаться въ ея дверь...

Но она боится итти по лѣстницѣ, боится одна ложиться въ темнотѣ. Она не знаетъ, сумѣетъ ли сама зажечь лампу...

Онъ проводитъ ее по лѣстницѣ до дверей, а потомъ спустится поскорѣе внизъ и станетъ на противоположной сторонѣ тротуара передъ ея окнами! Она войдетъ въ комнату, увидитъ его на улицѣ и ей не будетъ страшно...

Вотъ хорошо! Какъ рыцарь, онъ будетъ стоять подъ ея окнами! Нѣтъ ли у него и гитары?

Въ слѣдующій разъ онъ достанетъ гитару для полноты картины. Не разучить ли заодно и серенаду?..

Шутя, они взобрались наверхъ, на четвертый этажъ.

— Звоните, а я бѣгомъ внизъ!

Лидія торопливо раздѣлась въ передней и, войдя въ

комнату, бросилась къ окну. Она и забыла о томъ, что собиралась бояться.

Станиславъ уже стоялъ на своемъ посту, на противоположной сторонѣ подъ фонаремъ. Она хорошо видѣла его высокую фигуру, широкополую шляпу художника, и ей казалось, что она различаетъ и его мягкую бѣлокурую бородку. Было весело стоять такъ и смотрѣть на него невидимкой.

Потомъ она зажгла лампу. Очевидно, онъ увидалъ ея силуэтъ въ освѣщенномъ окнѣ,—снявъ шляпу, онъ помахалъ ею въ воздухѣ.

Лидія поставила лампу на подоконникъ и, стоя передъ окномъ, стала расплетать косы. — Видно ему или нѣтъ?— Хотѣлось, чтобы было видно.

Потомъ принялась раздѣваться, поглядывая непрестанно въ окно. Онъ все стоялъ, прислонившись къ забору, и глядѣлъ вверхъ.

Раздѣвшись, она, въ одной рубашкѣ, подошла къ окну, постояла минуту и задула лампу. Мысленно какъ бы становясь на его мѣсто, она рисовала себѣ образъ полуобнаженной красавицы, появившейся на мгновенье въ блескѣ золотистыхъ волосъ передъ его очарованнымъ взоромъ...

Легла въ постель и лежала не шевелясь нѣсколько минутъ. Потомъ не выдержала. Босыми ногами перебѣжала черезъ комнату къ окну. Онъ все еще стоялъ.

Она юркнула въ постель и, засыпая, все чувствовала, какъ онъ стоитъ тамъ внизу, охраняя ея сонъ.

IX.

Съ нѣкотораго времени, къ великому ужасу жены своей, Матильды, Сергѣй Ивановичъ Рѣкушъ сталъ пить. Однажды на пирушкѣ по случаю юбилея одного изъ своихъ литературныхъ друзей онъ, уступая настоянію собутыльниковъ, даже безъ удовольствія, выпилъ лишнее. И когда тѣло

его сдѣлалось грузнымъ и слабымъ, а голосъ сталъ хрипло срываться, онъ почувствовалъ, какъ въ душѣ его раздвинулась какая-то раньше наглухо запертая стѣна, и онъ самъ вошелъ въ себя, будто въ высокій, гулкій сводчатый храмъ, гдѣ съ высоты лились нѣжные и торжественные звуки колокола. Онъ легъ головой на столъ, широко разставилъ пьяныя ноги и слушалъ, томясь и замирая отъ блаженства, пѣснь колокола въ своей душѣ. Это же ощущеніе колокольнаго звона внутри онъ испытывалъ иногда и въ трезвомъ состояніи, но рѣдко. Однажды это было послѣ тяжкой болѣзни, когда его слабаго, не нашедшаго еще своего мѣста въ мірѣ, послѣ двухмѣсячнаго отсутствія изъ жизни, вывели подъ руки въ первый разъ въ весенній садъ. Другой разъ это было въ дѣтствѣ. Онъ солгалъ ,и его били, онъ защищался, ударилъ ногой въ животъ отца и его заперли въ темный чуланъ; тогда онъ рѣшилъ умереть. И когда уже совсѣмъ приготовился къ смерти, представилъ себѣ свой гробикъ, голубой гробикъ, и свою робкую больную маму, плачущую надъ нимъ, ему стало жалко себя и жалко мамы, и жалко міра безъ себя, и онъ заплакалъ, въ первый разъ въ этотъ ужасный, гадкій день, и тѣло его какъ-то разслабло, растаяло, а въ душѣ зазвучалъ колоколъ.

Теперь, найдя въ винѣ ключъ къ потаенной двери своей души, онъ сталъ терпѣливо и ожесточенно пить въ надеждѣ услышать колоколъ, и почти всегда ему удавалось дойти до стадіи колокольнаго звона, но съ каждымъ разомъ количество нужнаго для этого алкоголя возрастало. Всякій разъ, когда онъ бывалъ раздраженъ и утомленъ сутолокой повседневной жизни, или же больно натыкался на доказательство своего духовнаго ничтожества, онъ искалъ прибѣжища въ винѣ.

Сегодня онъ съ утра метался душой и ничего не могъ дѣлать. Но онъ не давалъ себѣ сосредоточиться на тоскливыхъ ощущеніяхъ, стараясь всецѣло отдаться мелкимъ занятіямъ дня. Онъ внимательно прочелъ двѣ газеты, потомъ

читалъ книжку разсказовъ извѣстнаго беллетриста и старательно дѣлалъ отмѣтки на поляхъ для статьи, потомъ обѣдалъ, стараясь шутить съ сынишкой. Но послѣ обѣда все оказалось исчерпаннымъ, и онъ сталъ ходить возлѣ буфета, куда наканунѣ заперъ три бутылки коньяку. Но боролся съ собой. Вечеромъ въ клубѣ была назначена пирушка, чтобы вспрыснуть выходъ въ свѣтъ новаго сборника стиховъ Пѣночкина. Пить на людяхъ Сергѣй Ивановичъ любилъ больше. Когда вокругъ кричали, толпились люди, ярче и сладостнѣе звучалъ пьяный колоколъ, превозмогая всѣ звуки вокругъ Надо было какъ-нибудь убить время до вечера. Онъ посадилъ на плечо Кольку и, симулируя веселье, сталъ буйно и шумно бѣгать съ нимъ по комнатѣ. Колька визжалъ и гоготалъ отъ восторга. Матильда ласково улыбалась, сидя въ углу за шитьемъ, но крики Кольки и шумъ падающихъ стульевъ не рождали отзвука веселья въ душѣ Сергѣя Ивановича. Онъ круто оборвалъ игру, поставилъ изумленнаго Кольку на полъ и пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. На порогѣ остановился, потоптался на мѣстѣ и снова направился въ столовую, но въ обходъ черезъ спальную, твердо зная, за чѣмъ идетъ, но скрывая это отъ себя. Проходя черезъ спальную, онъ уже бросилъ игру съ самимъ собой и думалъ откровенно и опредѣленно о томъ, подъ какимъ предлогомъ спросить у Матильды ключи отъ буфета. На минуту пріостановился и безсознательно оглянулся, ища какого-либо вещественнаго предлога. И вдругъ въ глаза ему бросились ключи, какъ-то насмѣшливо и вызывающе лежавшіе тутъ же на столикѣ. Онъ схватилъ ихъ и бросился въ дѣтскую, сопя и задыхаясь отъ злобы.

— Сколько разъ онъ говорилъ! Это безобразіе! Онъ понимаетъ, отчего у нея на хозяйство уходитъ столько денегъ. Напрасно говорятъ, что нѣмки — хорошія хозяйки. Вѣдь онъ не рабочая лошадь,—бѣсновался Рѣкушъ, швыряя ключи чуть не въ лицо Матильдѣ. Она поднялась испуган-

ная, недоумѣвающая, роняя рабочій ящикъ на полъ. По полу покатились катушки, пуговки съ мелкимъ звономъ побѣжали по всѣмъ направленіямъ.

— Что такое? Что ты?—спрашивала она и тутъ же нагибалась, чтобы поднять оброненное и, не нагнувшись до конца, снова выпрямлялась, въ ужасѣ глядя на его искаженное злобой лицо.

— Что? Что? Развѣ такъ ведутъ хозяйство? Развѣ разбрасываютъ ключи по всѣмъ столамъ? Онъ столько разъ говорилъ...

Гнѣвъ остывалъ, и въ голосѣ уже не было силы.

Матильда сразу успокоилась.

— Mein Gott! Она думала не вѣсть что! — Матильда вздохнула, всхлипнула и, присѣвъ на полъ, стала собирать разсыпавшіяся вещи:

— Коля, Коленька! Вонъ тамъ катушечка подъ стуломъ, mein Herzchen. Вотъ тамъ, красненькая...

Она даже не поинтересовалась, почему собственно онъ такъ разсердился.

— So ein verrückter Mensch!—сказала она про себя и снова принялась за шитье.

Сергѣй Ивановичъ постоялъ, посмотрѣлъ на ключи, мирно болтавшіеся теперь за поясомъ Матильды, и пошелъ изъ комнаты. Проходя черезъ корридоръ, онъ рѣшилъ пойти къ Миррѣ.

Сергѣй Ивановичъ громко постучалъ. Никто не отозвался. Онъ попробовалъ ручку двери. Дверь была, очевидно, заперта на замокъ.

— Мирры нѣтъ дома:—услышалъ онъ за своей спиной голосъ. Онъ обернулся. Молодая дѣвушка невысокаго роста стояла передъ нимъ. Въ полутьмѣ корридора золотой короной выдѣлялись ея, какъ бы свѣтящіеся волосы.

— Мирра ушла не надолго, — продолжала она. — Обѣщала вскорѣ вернуться.

— Вы тоже ждете Мирру?

— Нѣтъ, я ея сосѣдка по комнатѣ.

— Что же, ждать ее? Вѣдь дверь заперта!

— Мирра опасается, чтобы хозяйка не стала шарить у нея,—шопотомъ пояснила дѣвушка.—Идемте пока ко мнѣ!

Она открыла передъ нимъ дверь комнаты въ концѣ корридора.

Сергѣй Ивановичъ въ изумленіи остановился на порогѣ.

Вся комната занимала въ ширину пространство окна. Подъ окномъ стоялъ небольшой столикъ со стуломъ, а у стѣны налѣво—маленькая будуарная кушетку, занимавшая, несмотря на свою миніатюрность, половину комнаты;—больше никакой мебели не было. Но весь полъ былъ устланъ сибирскимъ ковромъ изъ мѣховыхъ лоскутьевъ; такой же коверъ покрывалъ кушетку и стѣну надъ ней. На противоположной стѣнѣ красовались двѣ пары оленьихъ роговъ. На столѣ лежало нѣсколько истрепанныхъ книжекъ.

— Да это логовище!—воскликнулъ Сергѣй Ивановичъ.

— Ха-ха-ха!—закатилась дѣвушка веселымъ неудержимымъ смѣхомъ.—Логовище? Ха-ха-ха!—И покачивалась отъ хохота и стонала.—Ха-ха-ха! Охъ, Боже мой, Ха-ха-ха!—Потомъ, обезсилѣвъ отъ смѣха, присѣла на корточкахъ на коверъ, обхватила обѣими руками колѣни и продолжала смѣяться.

Сергѣй Ивановичъ стоялъ въ дверяхъ и смотрѣлъ, какъ она хохочетъ. Сначала это забавляло его, но потомъ стало безпокоить.

— Не принести ли вамъ воды?

— Воды? Ха-ха-ха!—Онъ думаетъ, что у нея истерика. Ха-ха-ха! какой онъ смѣшной! Ха-ха-ха!

Невольно заражаясь, и онъ сталъ смѣяться. Послы-

шался сердитый стукъ въ стѣнку. Дѣвушка мгновенно стихла и лишь сдавленно стонала и фыркала, удерживаясь отъ смѣха.

— Тамъ сосѣдъ! Бѣдняжка готовится къ экзамену; я ему сказала, чтобы онъ стучалъ, а то я все забываю.

— А вы часто такъ смѣетесь?

— Часто ли? Ха-ха-ха! Она всегда смѣется. Только не всегда такъ громко. Это она забыла про того бѣдненькаго,—и она кивнула головой въ сторону стѣны, за которой жилъ сосѣдъ.

— Откуда у васъ эти ковры? — спрашивалъ Сергѣй Ивановичъ, усаживаясь на диванѣ. Дѣвушка поднялась съ полу и, садясь рядомъ съ нимъ, отвѣтила:

— Я привезла ихъ изъ дому и рога тоже. Я — сибирячка. Мой отецъ торговалъ мѣхами. У меня былъ коверъ съ оленемъ посрединѣ, да забыла у тетки. А вамъ нравится?

— А какъ васъ звать? Вѣдь мы и не познакомились. Сергѣй Рѣкушъ!—и онъ протянулъ ей руку.

— Я знаю,—лукаво прищурившись, сказала она.

И онъ только теперь замѣтилъ, что у нея черныя, почти сросшіяся брови, приподнятыя вверхъ у висковъ.

— Вы—писатель!

— Какая же вы образованная дѣвица! А какъ васъ звать?—Разъ замѣтивъ ея брови, онъ не могъ уже больше отвести отъ нихъ глазъ и все слѣдилъ, какъ при каждомъ движеніи ея лица странныя брови извивались, то сближаясь въ одну линію, то расходясь на лбу и какъ забавно трепетали на вискахъ загнутые кверху ихъ кончики.

— Вы не только живете въ логовищѣ, вы сами похожи на звѣрька,—сказалъ онъ, продолжая слѣдить за игрой ея бровей.

— Ха-ха-ха! Звѣрекъ! — И опять раскачиваясь и присѣдая, залилась она долгимъ звонкимъ смѣхомъ. Но спо-

хватилась и жалобнымъ, срывающимся отъ смѣха голосомъ закричала, громко стуча въ стѣнку:

— Миленькій! Простите! Это онъ смѣшитъ меня. Ну васъ, ну васъ! — какъ бы отмахиваясь отъ Сергѣя Ивановича, твердила она, фыркая.

Сергѣй Ивановичъ, не сходя съ дивана, протянулъ руку и захватилъ со стола невысокую стопку растрепанныхъ книжекъ.

— Ба, какая шикарная библіотека! Шерлокъ Холмсъ, Парижскія Тайны, Рокамболь... Вотъ такъ коллекція... И это все, что вы читаете, сибирскій звѣрекъ?

— Нѣтъ, я еще читаю „Экономическое ученіе Карла Маркса“ сочиненіе Карла Каутскаго,—раздѣльно, старательно выговаривая каждое слово, проговорила она.

— О! Капитальнѣйшій трудъ... Куда же вы прячете эту премудрость? — и онъ оглядѣлъ комнату, въ которой не было книжной этажерки и лишь въ углу стояла ветхая корзина.

— Я... я держу ее подъ подушкой. Знаете, если съ вечера положить книгу подъ подушку, лучше запоминается. Мы всегда такъ дѣлали въ гимназіи...

И откинувъ уголъ ковра на кушеткѣ, она вытащила маленькую подушечку и изъ подъ нея помятый экземпляръ брошюры Каутскаго.

— Го, го, го!—грузно хохоталъ теперь Сергѣй Ивановичъ.—Изъ какихъ лѣсовъ пріѣхали вы сюда, диковинный звѣрекъ? Да, какъ же васъ, наконецъ, звать?

— Агата, по батюшкѣ, Виссаріоновна...

— А я изъ корридора услышала вашъ смѣхъ, Сережа! Какъ вы познакомились?..—Въ дверяхъ стояла вернувшаяся домой Мирра.

Вечеромъ въ клубѣ, уже опьянѣвъ и нетерпѣливо прислушиваясь, не звучитъ ли колоколъ, Сергѣй Ивановичъ, чтобы убить время, сталъ разсказывать объ Агатѣ.

— Отчего же вы не привезли ее сюда, вашу забавницу?—спросилъ Норскій, опоражнивая вторую бутылку.

— Не желаю быть сводникомъ! — вдругъ закричалъ Сергѣй Ивановичъ, уставившись въ упоръ на Норскаго.

— Ну ты! Ну ты!—заплетающимся языкомъ промямлилъ Норскій и сталъ съ трудомъ вытаскивать изъ-за стола свое грузное тѣло. Всѣ собутыльники молчали. Лишь только Норскій отошелъ на два шага отъ стола, Пѣночкинъ весело засмѣялся.

— Здорово! Хорошо отбрилъ его, Сережа. Молодца!

— Чего радуешься? Я человѣка обидѣлъ, а онъ ржетъ.

Пѣночкинъ смѣшался, не зная, какъ реагировать на эту новую выходку, и предпочелъ опять хихикнуть.

— Что хихикаешь? Я, можетъ, извиненія у него пойду просить!

Противъ Сергѣя Ивановича сидѣлъ человѣкъ, почти случайно попавшій въ ихъ компанію. Онъ былъ земляком Сергѣя Ивановича, соученикомъ по гимназіи, и Сергѣй Ивановичъ самъ затащилъ его сюда, встрѣтивъ случайно на улицѣ и проведя съ нимъ пріятно часъ времени, который не зналъ, куда дѣвать. Докторъ Люблинскій чувствовалъ себя не хорошо въ чужой пьянѣющей компаніи и все время враждебно смотрѣлъ на Сергѣя Ивановича, котораго недолюбливалъ еще въ гимназіи. Ругалъ себя, что пошелъ, но было любопытно и онъ не уходилъ.

Но теперь вдругъ злоба охватила его—вѣдь и онъ былъ возбужденъ: пропустилъ нѣсколько рюмокъ. Перегнувшись черезъ столъ, онъ грубо выхватилъ изъ рукъ Сергѣя Ивановича стаканъ и бутылку, которые тотъ угрожающе поднялъ.

— Перестаньте юродствовать! Это противно,—и стукнулъ бутылкой по столу.

Сергѣй Ивановичъ сразу притихъ и грустными, почти нѣжными глазами, смотрѣлъ на разсерженнаго Люблинскаго. А голосъ его слабый и глухой, какъ бывало у него въ моменты душевной разслабленности, говорилъ:

— А, можетъ, я это изъ самой души? А вы вотъ сердитесь. А я то любилъ васъ...

Бѣшенство овладѣвало Люблинскимъ.

— Вы нагло глумитесь надо всѣми, вы подъ видомъ пьянаго позволяете себѣ безнаказанно оскорблять людей!

— Я... Я... ну бейте! Ну ударьте!—все тѣмъ же изнутри дрожащимъ голосомъ говорилъ Сергѣй Ивановичъ, въ истомѣ ложась головой на столъ. Въ душѣ его словно раскрылись двери высокой звучной залы и колоколъ пѣлъ звонко и торжественно, раскачиваемый невидимой рукой подъ сводомъ. И чѣмъ настойчивѣе звучалъ голосъ Люблинскаго, тѣмъ упоительнѣе пѣлъ колоколъ и хотѣлось отдѣлаться отъ назойливыхъ звуковъ извнѣ, чтобы остаться внутри, въ храмѣ своей души. И поднимая съ усиліемъ голову, онъ сказалъ, глядя съ тихимъ экстазомъ въ глазахъ на Люблинскаго.

— Ну, ты правъ, ударь же меня. Скорѣй ударь!..

Люблинскому стало жутко отъ этихъ глазъ и голоса. И отступая отъ стола, стараясь побороть волненіе, онъ закричалъ:

— Вы сумасшедшій, слышите!

X.

Мирра не теряла изъ виду Павла Васильевича. Она знала, что онъ послѣ свиданія съ ней уѣхалъ въ Россію и вскорѣ былъ арестованъ. Дошли до нея слухи, что онъ былъ очень боленъ въ тюрьмѣ и, когда вышелъ на свободу, снова уѣхалъ заграницу. Потомъ пришло странное, поразившее ее извѣстіе: Павелъ Васильевичъ женился.

Павелъ Васильевичъ поступилъ съ нею грубо и безжалостно. Разбивъ ея жизнь, онъ прошелъ мимо. Этого она

не забыла и не простила ему. Но въ самые тяжелые дни своей жизни она не винила его за то, что онъ не сдѣлалъ ее своей женой. „Ему нельзя было жениться“, думала она, „отвѣтственная, опасная работа, лежавшая на немъ, требовала всего человѣка, и бракъ связалъ бы его“. Оказывалось, что онъ все-таки женился; значитъ, и она могла стать его женой, но онъ не захотѣлъ этого... А вѣдь у Зинки былъ бы тогда отецъ. „Папа“, говорила бы Зинка, „папоцка“. И Мирра старалась выговорить это слово такъ, какъ произнесла бы его Зинка. Оно звучало нѣжно и жалостливо, и Миррѣ хотѣлось плакать.

Ту, другую женщину, онъ, вѣроятно, любилъ иначе, онъ говорилъ ей о своей любви... И Мирра старалась представить себѣ, какія слова любви могъ говоритъ Павелъ Васильевичъ. И вставали передъ нею ея собственныя забытыя грезы, золотые сны того времени, когда она мечтала о дорогихъ нѣжныхъ словахъ, которыя онъ, наконецъ, скажетъ ей, Миррѣ...

О женѣ Павла Васильевича ей ничего не удалось узнать. Никто не слыхалъ о ней.

Потомъ однажды пришло письмо, и Мирра много плакала надъ нимъ. Писала та, незнакомая женщина.

Павелъ Васильевичъ разсказалъ ей „все“, и они вмѣстѣ рѣшили загладить его „грѣхъ молодости“ (такъ и написано было въ письмѣ это обидное игривое слово въ ковычкахъ). Имъ разсказывали, что маленькой дѣвочкѣ тяжело живется въ Петербургѣ. Вообще дѣтямъ въ такомъ возрастѣ вреденъ петербургскій климатъ. А она такъ любитъ дѣтей, да и Павла Васильевича развлекла бы болтовня ребенка. Онъ очень боленъ, Павелъ Васильевичъ; ему нуженъ продолжительный отдыхъ, и они живутъ въ Италіи. Маленькая дѣвочка была бы у нихъ обставлена, какъ принцесса, въ то время, какъ у Мирры она лишена необходимаго. (Это мѣсто было жирно подчеркнуто). Къ тому же,

если бы дѣвочка къ нимъ привыкла, они могли бы усыновить ее, и Миррѣ это развязало бы руки...

Мирра на письмо ничего не отвѣтила.

Послѣ тифа Зинка плохо поправлялась, и врачъ совѣтовалъ увезти ее изъ Петербурга. Очевидно, въ Италіи узнали и объ этомъ. Теперь письмо получила Нелли. Писалъ на этотъ разъ самъ Павелъ Васильевичъ.

„Я совсѣмъ больной человѣкъ, дорогая Нелли“, писалъ онъ. „Я посѣдѣлъ и вы не узнали бы меня“. Ему хочется поговорить о Миррѣ. Еще два года тому назадъ онъ собирался посовѣтоваться съ Нелли, но сначала помѣшала тюрьма, потомъ болѣзнь. Онъ и самъ не понимаетъ, какъ случилась съ нимъ вся эта гнусная исторія. Потомъ онъ собирался жениться на Миррѣ, но это почему то не вышло. Хотя это и было бы для нея не большимъ счастьемъ,—но, быть можетъ, тогда ей жилось бы легче.

„Скажите Миррѣ, что я теперь часто думаю о нашемъ ребенкѣ и мнѣ тяжело, что я не имѣю права заботиться о немъ“.

Онъ писалъ, что живетъ въ роскошной виллѣ, нанятой женой, что вокругъ рѣзвятся дѣти, и ему обидно, что его маленькая дѣвочка чахнетъ на сѣверѣ. Пусть Мирра отдастъ ему свою дочурку на нѣсколько мѣсяцевъ, скверныхъ осеннихъ мѣсяцевъ, потомъ къ зимѣ, если позволятъ ему силы, онъ самъ привезетъ ее обратно...

Жена его поѣдетъ на дняхъ по дѣлу наслѣдства въ Петербургъ, не согласится ли Мирра послать съ ней ребенка? Анна, жена его, очень любитъ дѣтей и ребенокъ быстро привыкнетъ къ ней...

Мирра читала это письмо и странно ей было, что эти человѣческія слова, за которыми чувствовался интересъ къ обыденнымъ житейскимъ вещамъ, писалъ тотъ человѣкъ безъ словъ и чувствъ, лицо котораго она теперь съ трудомъ вспоминала.

Нелли уговаривала ее отпустить Зинку на югъ, но

Мирра противилась ея доводамъ. А въ мозгу, не ожидая ея рѣшенія, будто незванныя, рождались практическія соображенія о томъ, не будетъ ли Зинкѣ холодно ѣхать въ прошлогоднемъ пальтишкѣ и нужно ли купить ей теплыя галоши.

— Здравствуйте!—Въ дверяхъ стояла высокая, худощавая дама въ большой шляпѣ на маленькой головкѣ; головка поворачивалась во всѣ стороны на длинной змѣиной шеѣ.

— Мирра Израильевна? Ну, конечно, это—вы. И спрашивать нечего! Я, кажется, на улицѣ узнала бы васъ. Вы изумлены? Какая я, однако, безтолковая! Вѣдь я еще не представилась. А... вотъ и она! Зина? Правда, вѣдь ее зовутъ Зиной? Подите-ка сюда, прелестная фея!

Незнакомка бросила на стулъ огромную модную муфту и присѣла на корточки.

— Подите-ка сюда, моя прелесть! Что я вамъ привезла! Угадайте, что у меня въ муфтѣ.

— Цто?—протянула Зинка, боязливо оглядывая гостью.

— Кошку! Бѣлую, мягкую, чудную кошку. Мяу, мяу, мяу!

— Зинка хоцетъ коску.

— А что я еще привезла?

— Цто есцо?

— Не скажу.

— Кази!—Зинка осторожно приблизилась къ сидѣвшей на корточкахъ незнакомкѣ и остановилась въ двухъ шагахъ отъ нея.

— Кази, кази!

— Ну, слушай!—Она взяла Зинку за обѣ ручонки и, притянувъ ее къ себѣ, громко и торжественно произнесла:

— Я привезла маленькой дѣвочкѣ Зиночкѣ поклонъ

отъ ея папы.—Затѣмъ быстро вскочила на ноги и повернулась къ Миррѣ.

— Вы знаете теперь, кто я.

Она замолчала и застыла въ позѣ артистки, удачно выполнившей роль и ожидающей готовые грянуть аплодисменты.

Но не болѣе нѣсколькихъ секундъ молчала жена Павла Васильевича. Быстрымъ движеніемъ она приблизилась къ застывшей на мѣстѣ Миррѣ и, схвативъ ее за обѣ руки, снова быстро въ приподнятомъ тонѣ заговорила:

— О, мы должны много и хорошо поговорить съ вами. Я вамъ когда-то писала, вы не хотѣли мнѣ отвѣтить. Вы—гордая, маленькая женщина! Но теперь я не отпущу васъ безъ отвѣта.

— А гдѣ-коска?—Зинка теребила незнакомку за юбку.

— Ахъ, моя прелесть! Сейчасъ, сейчасъ будетъ кошка.

— Отстань, Зинка! Не приставай!—вдругъ закричала Мирра, срывая всю боль и раздраженіе на ребенкѣ.

Но въ присутствіи постороннихъ Зинка мало боялась мамы. Вѣдь она знала, что гости всегда становятся на ея сторону.

— Зинка хочетъ коску!—приставала она.

— Иди на кухню, сейчасъ же на кухню! Не получишь никакой кошки!—волновалась Мирра.

— Ахъ, моя бѣдная дѣвочка, будетъ, моя прелесть, будетъ у тебя кошка и еще много другихъ игрушекъ...

— Напрасно вы задабриваете ребенка, я вамъ не отдамъ Зинки!—вымолвила Мирра и тутъ же испугалась своихъ словъ. Она никогда ни съ кѣмъ не говорила рѣзко, и ей показалось, что она сдѣлала что-то ужасно грубое.

Но незнакомка не смутилась. Любуясь своей собственной добротой и тактомъ, заранѣе представляя себѣ, какъ станетъ разсказывать объ этомъ моментѣ друзьямъ, она схватила Мирру за руку и, крѣпко сжимая ея вырывающіеся пальцы, заговорила интимнымъ полушопотомъ:

— Маленькая гордячка, милая вы моя! Я то вѣдь еще и не просила дать мнѣ Зинку. Я хочу пока только познакомиться съ Зинушкой, чтобы привести поклонъ ея папѣ...

Зинка была въ восторгѣ отъ „тети Анны". Изъ огромной муфты появилась роскошная мяукающая, какъ живая, кошка и еще маленькій клоунъ и собачка.

Захлебываясь и путая отъ волненія слова, Зинка болтала безъ умолку, и обѣ женщины, довольныя тѣмъ, что имъ не приходится разговаривать между собой, играли съ ребенкомъ.

Наконецъ Анна собралась уходить.

— У меня къ вамъ просьба,—и снова проворно и цѣпко схватила Мирру за руку,—отпустите ее на часокъ со мною... Я остановилась у сестры. Тамъ мальчикъ-ровесникъ Зинѣ. Онъ такъ радъ былъ бы гостьѣ...

Миррѣ не хотѣлось отпускать Зинку. Но сегодня все такъ неудобно сошлось. Ей надо было итти на явку, а въ это время дня ни хозяйки, Ксеніи Трофимовны, на которую Мирра иногда оставляла дочку, ни сосѣдки Агаты не было дома. Утромъ она разсчитывала завести Зинку къ Нелли, но теперь было уже поздно. Да и пусть эта изящная дама сама увидитъ, что вовсе не такъ легко возиться съ маленькими дѣтьми. Вѣдь она думаетъ, что Зинкой можно играть, какъ куклой...

— Она будетъ капризничать...—говорила Мирра.

— О, я этого не боюсь! Вѣдь ты будешь слушаться тети Анны, моя прелесть? Хочешь ѣхать къ мальчику Мишѣ?

— Къ мацику Мисѣ!—кричала Зинка, забирая въ охапку свои новыя игрушки.

Когда черезъ два часа Мирра зашла за Зинкой, ей сказали, что Анна уѣхала съ ней и со своимъ племянникомъ въ Зоологическій садъ. Мирру просили подождать, но она, хотя и почувствовала какую-то обиду себѣ въ поступкѣ Анны, испытала, однако, большое облегченіе отъ того,

что Зинки не было. Вѣдь надо было итти на урокъ, и она, отправляясь за Зинкой, собственно не знала, какъ съ ней устроиться. Она сказала, что зайдетъ за Зинкой вечеромъ, и ушла...

— Зинка видѣла слона! Болсой слонъ и длинный носъ!—кричала Зинка, выбѣгая навстрѣчу Миррѣ, когда та вторично явилась за ней.—Зинка будетъ спать постелькѣ!

— Въ какой постелькѣ, Зинушка? въ чемъ дѣло?

— Зиночкѣ очень хочется поспать въ настоящей постелькѣ,—объяснила Анна.—Она бѣдняжечка, говоритъ, что никогда не спала въ кроваткѣ, а все на стульяхъ... Мой племянникъ, Миша, приглашаетъ ее переночевать въ его постелькѣ.

— Папа Зинкѣ подалитъ коватку!—перебила Зинка.—Папа далеко! Папа пьислалъ коску!

Цѣлый день слышала Зинка это, почти новое для нея слово „папа“, и въ ея представленіи оно сливалось со всѣмъ диковиннымъ, что ей показывали сегодня и что ей обѣщали въ будущемъ.

— Позвольте ребенку переночевать у насъ,—вкрадчиво говорила Анна.—Ей будетъ здѣсь такъ хорошо!

— Нѣтъ, нѣтъ! Она не заснетъ безъ меня. Она не дастъ никому спать,—защищалась Мирра.

— Зинка будетъ холосая! Зинка хоцетъ постелькѣ!

— Нѣтъ, Зинушка, ѣдемъ домой, тамъ куколки твои скучаютъ.

— Зинка хоцетъ у Миси!

— Идемъ, моя дѣвочка, идемъ, родная!—Мирра нѣжно цѣловала ребенка въ ручки, въ шейку, въ головку.

— Дѣточка моя, радость, солнышко, поцѣлуй меня, рыбонька, вѣдь ты хочешь итти съ мамой? Мама уложитъ Зинку въ свою постельку.

Но Зинка плакала и стояла на своемъ: она хочетъ спать въ Мишиной кроваткѣ.

— Зиночка, послушай, вѣдь мама боится одна спать!

— Мама не боится, не боится!—протестуя противъ уловки взрослыхъ, надрывался ребенокъ...

— Неблагодарная дѣвочка. Сухое сердце!..—шептала Мирра, спускаясь одна съ лѣстницы.

И вотъ Мирра стояла на перронѣ передъ уходящимъ поѣздомъ. Зинка въ новомъ голубомъ капорѣ и пальтишкѣ, опушенномъ бѣлымъ мѣхомъ, весело кивала ей головкой изъ окна вагона.

— Зинушка, сдѣлай мамѣ ручкой!—говорила Анна, стоя за спиной ребенка, и Зинка махала ручкой, посылала воздушные поцѣлуи.

Мысли Мирры прилѣплялись къ мелочамъ. О самомъ главномъ, о предстоящей разлукѣ съ Зинкой, какъ-то не думалось.

— Надо было и капоръ опушить бѣлымъ мѣхомъ, напрасно пожалѣла нѣсколько рублей...—вертѣлось у нея въ головѣ, и она смотрѣла на капоръ, на пальто, на рукавички, стараясь избѣгать глазами личика Зинки.

— Зиночка, не соси рукавичку,—дѣлала она привычнымъ строгимъ тономъ замѣчаніе ребенку...

— Зинка ѣдетъ поѣздъ,—кричала дѣвочка.—У-у-у!

Прозвонилъ третій звонокъ.

— Бомъ-бомъ-бомъ!—повторяла Зинка.

Пронзительно закричалъ свистокъ паровоза. Словно судорога прошла по длинному тѣлу поѣзда, вагоны вздрогнули, затѣмъ сразу дернулись; что-то задребезжало, забренчало...

Зинка покачнулась отъ неожиданнаго толчка, чуть не упала и испугалась.

— Мама!—вскрикнула она, хватаясь за раму окна,—мама!

Но вагонъ стучалъ и звенѣлъ, будто желая заглушить ея голосъ, а мамы уже не было видно передъ окномъ...

— Мама, мама!—завопила въ ужасѣ во весь голосъ дѣвочка.—Гдѣ мама, мама?..

— Зиночка, Зиночка, успокойся. Вотъ мама, вотъ мама,—и Анна указала ей изъ окна назадъ, туда, гдѣ бѣжала еще за поѣздомъ, но уже отставъ отъ ихъ вагона, Мирра, протягивая руки къ рыдающему ребенку...

Только подъ вечеръ вернулась Мирра домой послѣ проводовъ Зинки. Она боялась, что дверь откроетъ ей хозяйка, но на звонокъ вышла горничная Палаша и не пришлось разсказывать, какъ уѣхала Зинка. На цыпочкахъ прокралась Мирра мимо притворенныхъ дверей столовой, шмыгнула въ свою комнату и заперла дверь на ключъ.

— Палаша! Кто тамъ?—услышала она голосъ Ксеніи Трофимовны.—Мирра Израильевна, а Мирра Израильевна?

Мирра стояла за дверью своей комнаты, стараясь не производить шума, будто этимъ она могла скрыть свое присутствіе.

— Проводили Зинушку-то?—еще разъ крикнула хозяйка и, не получивъ отвѣта, смолкла.

Тогда Мирра, все ступая на цыпочкахъ, повѣсила свою шубку и шляпу, сложила аккуратно платокъ и перчатки и тогда только подошла къ диванчику, гдѣ спала раньше Зинка, и бросилась на него грузно, ничкомъ. Всю дорогу она несла свое горе гдѣ-то глубоко спрятаннымъ. Послѣ проводовъ Зины у нея было еще два неотложныхъ дѣла и, отыскивая улицы, разговаривая съ людьми, она все время отодвигала въ сторону душный клубокъ страданій, очищая мѣсто очереднымъ мыслямъ, дѣловымъ соображеніямъ. И ей казалось самое тяжелое въ томъ, что нельзя вполнѣ отдаться горю, пить его, окунуться въ него, а надо давить, насиловать его.

Теперь, наконецъ, она была свободна. Легла и почувствовала облегченіе отъ того, что не нужно больше пересили-

вать себя, и стала прислушиваться съ тому, что носила въ себѣ глубоко запрятаннымъ цѣлый день. Но какъ будто только казалось раньше, что внутри что-то гложетъ. Когда теперь спокойно и свободно заглянула въ себя, показалось, будто ничего не мучаетъ. И тихо стала думать о Зинкѣ.

Зинка теперь у окна, смотритъ. Деревья бѣгутъ мимо, снѣгъ лежитъ на поляхъ.

— Тетя Анна, Зинка хочетъ на снѣгъ.—На снѣжныхъ кочкахъ сидятъ стаями черныя вороны.—Тетя Анна, Зинка хочетъ волону.—И Мирра улыбается.

— Зинка хочетъ, Зинка всегда все хочетъ.

И вотъ вечеръ, Зинка устала, у Зинки глазки слипаются,. Зинка зѣваетъ, хнычетъ.

— Тетя Анна, Зинка хочетъ мамѣ, — увѣренно говоритъ она и озирается, будто войдетъ мама.

— Мамы нѣтъ, Зиночка, мама далеко, — отвѣчаетъ Анна.—Скоро къ папѣ пріѣдемъ.

— Зинка хочетъ мамѣ!--упрямо говоритъ Зинка...

„Мамѣ, мамѣ“...—шепчетъ Мирра. И кажется ей, что она слышитъ, какъ мечется и рыдаетъ Зинка и какъ звуки ея голоса сливается съ неумолчнымъ, упрямымъ стукомъ колесъ: И-тыр-тыр-тыръ, и-тыр-тыр-тыръ, и-тыр-тыр-тыръ... Будто это не тамъ, на далекомъ пути, посреди снѣжныхъ полей, на границѣ чужого государства стучатъ колеса, а здѣсь, внутри, въ ней самой. И-тыръ и-тыыръ, и-тыръ... ворочаются внутри колеса, ввинчиваются въ душу...

Или это не колеса? Это червякъ внутри гложетъ. Это его несла она домой такъ бережно. Что это? Боль, или тяжесть, или судорога гдѣ-то внутри? Это тоска, живая, жадная тоска, будто піявка. Впивается, всасывается медленно, сверлитъ и тянетъ...—А-а-а-а!—стонетъ сквозь зубы Мирра въ тактъ душевной боли и мѣрно покачивается всѣмъ туловищемъ. Сосетъ. Пусть сосетъ! она знаетъ его, этого червяка тоски. Надо лежать тихо, неподвижно и слушать боль и терпѣть, какъ при родахъ... Вотъ прошла минута, можетъ

быть, двѣ и три, и все гложетъ червякъ... Вотъ теперь тамъ, за дверью, идетъ время, Агатино время, хозяйкино время, значитъ и ея Миррино время идетъ. И придетъ „завтра", когда не будетъ больше сосать, не будетъ острой тоски и настанетъ обыкновенная жизнь.

— А-а-а-а! А-а-а-а! Сосетъ. Все сосетъ! Сколько прошло? Часъ, два часа, вѣчность. Нѣтъ силъ дольше терпѣть...

— А-а-а-а!—стонетъ она уже громче, бѣгая по комнатѣ и прижимая руки къ сердцу. А червякъ душитъ, томитъ, ползетъ къ горлу, сдавливаетъ дыханіе...

И она вскрикиваетъ, стараясь вытолкнуть его изъ горла, но онъ клещами сжимаетъ глотку, напираетъ изнутри.

— А-а-а-а!—дико вопитъ она, и кажется ей, что вопль этотъ выталкиваетъ червяка, грудь становится свободной, широкой и изъ ея звонкой пустоты вырывается вдогонку другъ другу облегчающіе, разрѣшающіе буйные крики...

Агата съ помощью Палаши взломала замокъ въ двери и ворвалась въ комнату. Мирра билась въ истерикѣ.

Потомъ она заснула.

Поздно вечеромъ проснулась она. На столѣ горѣла заслоненная буматой маленькая лампочка. Агата дремала, сидя на стулѣ, дверь въ корридоръ была пріотворена.

Мирра приподнялась на локтѣ. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась какая-то пріятная разслабленность, голова казалась какой-то большой, пустой и звонкой, и очень трудно было приподнять ее съ подушки. Мелькнули какія-то безсвязныя воспоминанія о давнишней поѣздѣ на пароходѣ, представилось голубое море въ золотыхъ звѣздахъ, бликахъ солнца, захотѣлось еще что-то вспомнить, близкое не то морю и солнцу, не то этой лампочкѣ, но не завязывались нити ассоціацій, и внезапно она снова заснула, будто упала въ темную пропасть.

XI.

Лидія въ сопровожденіи Станислава Галимскаго или „Генриха“ (это была его партійная кличка) ѣхала на свою первую массовку.

Когда Лидія собиралась въ Петербургъ, въ ея расчеты вовсе не входило принять участіе въ партійной работѣ. Она намѣревалась поступить на драматическіе курсы и была увѣрена, что будетъ великой артисткой. Но у Станислава, который самъ усердно работалъ въ партіи, сложилась почему-то твердая увѣренность, что она спеціально пріѣхала въ столицу, чтобы работать. Вѣдь она открыто заявляла о своихъ соціалъ-демократическихъ убѣжденіяхъ и въ качествѣ соціалъ-демократки выступала противъ Рѣкуша въ клубѣ.

— У васъ есть явка въ комитетъ?—спросилъ ее Генрихъ на второй день знакомства.

И она вмѣсто того, чтобы прямо сказать, что явка ей не нужна, не имѣя духа въ этомъ сознаться, стала говорить о томъ, что не успѣла передъ отѣздомъ запастись нужнымъ адресомъ и со дня на день ждетъ по этому поводу письм изъ дому.

— Я устрою васъ и безъ явки,—сказалъ онъ.—Моей рекомендаціи будетъ достаточно.

Отступать было поздно, да къ тому же Генрихъ столько наговорилъ ей о великой роли, которую она сыграетъ въ движеніи, что мечты о театрѣ какъ-то потускнѣли.

На пригородной станціи, гдѣ была назначена массовка, Лидію и Генриха встрѣтилъ рабочій Петровъ, который повелъ ихъ въ помѣщеніе школы. Тамъ и должно было состояться собраніе.

— Какой красивый!—говорила Лидія, идя позади съ Генрихомъ. Петровъ ушелъ впередъ, чтобы не компрометировать ихъ своимъ пролетарскимъ видомъ.

— Принцъ въ одеждѣ пролетарія. Не правда ли?—смѣялся Генрихъ.—А кто его знаетъ? Можетъ быть, и въ са-

момъ дѣлѣ принцъ. Вѣдь онъ безродный, изъ воспитательнаго дома!

— Вы меня заинтересовали, Генрихъ!—говорила Лидія, съ особеннымъ удовольствіемъ называя Станислава фамиліарной товарищеской кличкой, и почти бѣгомъ пустилась догонять Петрова.

— Я говорилъ, идите отдѣльно!—недовольнымъ тономъ сказалъ рабочій, когда она поравнялась съ нимъ.—Здѣсь меня всякій городовой знаетъ.

— Я не боюсь!—отвѣтила Лидія и картинно взмахнула головой.

— Ой-ли?—усмѣхнулся онъ.—Вы, товарищъ, казацкихъ нагаекъ еще не пробовали?—и ушелъ опять впередъ.

Лидія смущенная вернулась къ Генриху.

— Вашъ принцъ получилъ дурное воспитаніе и отнюдь не галантенъ съ дамами,—сказала она, опасаясь, что Генрихъ слышалъ ихъ разговоръ.

Генрихъ сталъ разсказывать ей про Петрова, характеризуя его, какъ самаго выдающагося рабочаго въ ихъ районѣ, пользующагося большимъ почетомъ среди товарищей...

Лидія съ большимъ подъемомъ прочла свою лекцію на тему о значеніи второй Думы. Рабочіе наградили ее аплодисментами. Но Лидія была разочарована. Она ждала бурныхъ овацій, представляла себѣ, что станетъ героиней этихъ сѣрыхъ людей, что они окружатъ ее обожаніемъ, поклоненіемъ...

Между тѣмъ рабочіе разбились на группы и мирно бесѣдовали, занятые своими дѣлами и не обращая больше на нее вниманія. Лидія взглядомъ искала Петрова. Наконецъ, онъ подошелъ къ ней.

— Скажите, товарищъ, я говорила достаточно популярно? Вѣдь я незнакома съ аудиторіей. Не было ли слишкомъ трудно?—спросила она, вызывая его на похвалу.

— О, нѣтъ! По-моему, мало содержательно. Хотя говорите вы очень хорошо, товарищъ.

Лидія старалась уговорить себя, что это все же была похвала...

Зато Генрихъ не поскупился на комплименты. Онъ говорилъ въ восторженныхъ выраженіяхъ о ея музыкальномъ голосѣ, объ образности рѣчи...

— Здѣсь есть у меня одинъ пріятель, Кирюша, такъ тотъ спрашиваетъ, не пишете ли вы стиховъ.

— Гдѣ же онъ, вашъ Кирюша?

Генрихъ почти насильно привелъ сконфуженнаго, упирающагося рабочаго.

— Такъ вы полагаете, что я пишу стихи? Ха, ха, ха!— и прищурившись, она смотрѣла на него, какъ посмотрѣла бы на своего дворника, если бы ей разсказали про него что-либо забавное.

Рабочій потупился, ничего не отвѣтилъ и быстро ушелъ, вмѣшавшись въ толпу.

— Вы обидѣли его, Лидія Николаевна!—огорчался Генрихъ.

— Чѣмъ же? Какой вы странный! Вѣдь я ему ничего не сказала. Этотъ, вѣроятно, тоже переодѣтый принцъ?

XII.

Нелли старалась теперь развлекать Мирру; часто заходила къ ней вечеромъ, приводила съ собой гостей. Сегодня она пришла вмѣстѣ съ Генрихомъ и Лидіей. Позвали изъ сосѣдей комнаты Агату. Завернулъ какъ разъ по дѣлу и рабочій Каленовъ, увидѣлъ районную публику и рѣшилъ остаться. Мирра засуетилась, послала за угощеніемъ, заказала самоваръ.

Лидія пришла веселая, румяная съ мороза. Къ Миррѣ попала она случайно. Пришла только по настоянію Генриха,

который былъ большимъ пріятелемъ Мирры и въ былыя времена часто возился съ Зинкой, рисовалъ ей картинки. Но съ Нелли Лидія старалась сблизиться, Нелли ей импонировала, вѣдь она принадлежала „къ верхамъ“, занималась въ кружкахъ съ интеллигентами.

Сначала разговоръ не клеился. Каленовъ прятался за самоваромъ; Мирра суетилась и нервничала, роняла ложки, проливала чай на скатерть. Но Агата быстро оживила публику.

Вчера она была въ театрѣ. Въ первомъ ряду! Рѣкушъ принесъ ей билетъ. Ужасно милый! Но давали какую-то чушь. Ничего не поняла. И зачѣмъ такое ставятъ? И пѣли и танцовали, и глупости говорили, но въ чемъ дѣло, неизвѣстно! Правда, они пришли ко второму дѣйствію, но она не думаетъ, чтобы отъ перваго стало понятнѣе...

Лидія смѣялась.

— Агата, вѣроятно, была на фарсѣ. И какой комикъ этотъ Рѣкушъ! Охота таскать такую дѣвочку на фарсъ; но она напрасно бранится. Бываютъ очень тонкіе и изящные фарсы, не надо пренебрегать юморомъ...

Нелли хотѣла спорить, но Агата, увлеченная воспоминаніями, перебила ее и разсказывала теперь о туалетахъ, какіе видѣла въ театрѣ.

Заговорили о платьяхъ, о модахъ. Генрихъ, любившій красивые наряды, разсказывалъ о костюмахъ, какіе видѣлъ въ Парижѣ. Лидія восхищалась платьемъ артистки, съ которой познакомилась въ „Римѣ“. Невольно заговорили объ этой артисткѣ. Нелли хвалила ея игру; Генрихъ попутно разсказывалъ ходившій про нее анекдотъ. Агата смѣялась до слезъ, заставляла Генриха нѣсколько разъ повторить конецъ, а потомъ сама разсказала анекдотъ, слышанный отъ Рѣкуша, и такъ смѣялась при этомъ, что никто ничего не понялъ.

Мирра улыбалась, но почти не слушала, о чемъ говорятъ. Была довольна, что разговоръ завязался и не прихо-

дится занимать гостей. Разливала чай; сидѣла и думала о своемъ. Потомъ случайно взглянула на Каленова. Онъ не говорилъ и не смѣялся; сидѣлъ, прячась за самоваромъ, будто его и не было.

И Мирра сразу подумала: какіе пустяки говорятъ, а онъ, вѣроятно, надѣялся услышать серьезное, интересное. И ей стало стыдно. Она вмѣшалась въ разговоръ, стараясь перемѣнить тему.

— А вы читали, Генрихъ? Вѣдь заемъ все-таки будетъ заключенъ во Франціи!

Нелли, легко переходя отъ шутливаго разговора къ серьезной темѣ, оживленно подхватила.

— А я, господа, и не сомнѣвалась въ этомъ! Развѣ можно было надѣяться, что общественное мнѣніе помѣшаетъ займу? Французской биржей распоряжается могущественный консорціумъ изъ четырехъ банковъ. Имъ, конечно, выгоднѣе помѣщать капиталы въ иностранныхъ цѣнностяхъ. Въ этой области у нихъ конкуррентовъ на рынкѣ нѣтъ и они могутъ произвольно повышать и понижать курсъ...

Рабочій вытянулъ голову изъ-за самовара и напряженно ловилъ слова Нелли.

— Биржа! Курсы! Повышеніе!.. Боже мой, ничего не понимаю,—простонала Лидія.—У меня былъ дядя, онъ постоянно говорилъ о биржѣ, и я ребенкомъ воображала, что биржа это—такой пароходъ, гдѣ труба и дно раздвижные...

— Такъ что же ты говоришь о консорціумѣ, Нелли?—вмѣшалась Мирра, стараясь возстановить разговоръ.

— Да. Консорціумъ крупнѣйшихъ банковъ подѣлилъ между собою всѣ государства, прибѣгающія къ кредиту Франціи, и, благодаря своей финансовой мощи, онъ независимъ отъ общественнаго мнѣнія. Даже болѣе того, банки въ извѣстномъ отношеніи сами управляютъ общественнымъ мнѣніемъ...

— Милая Нелли, а что такое кон-сор-ціумъ?—Агата,

съ открытымъ ртомъ, съ наморщеннымъ лбомъ, на которомъ сошлись въ одну линію черныя брови, смотрѣла на Нелли.

— Не знаете? Такой звѣрь изъ Парижа, Агаточка,— поспѣшно вставила Лидія.

— Звѣрь? Нѣтъ, вы шутите, Лидія!..—но на лицѣ ея было сомнѣніе.

Всѣ смѣялись и дразнили Агату звѣремъ-консорціемъ. Какъ-то забыли о биржѣ и снова завязался легкій пустой разговоръ.

Потомъ стали расходиться. Первою поднялась Нелли. У нея есть еще сегодня работа. Безъ нея не хотѣла оставаться и Лидія. Она тоже стала прощаться. Агата пошла ее провожать.

Мирра осталась одна съ Каленовымъ. Нѣсколько минутъ сидѣли молча. И ей показалось, что его молчаніе это—упрекъ.

— Вамъ было скучно съ нами, товарищъ?

— Чудно было, право! И о чемъ говорили, не перескажешь. Какъ вода лилась. А вѣдь, думаю, слова только мудреныя, пустяки говорили...

— А вы ждали умной, серьезной бесѣды?

— Да, думалъ, услышу что интересное. Но это Богъ съ вами. А вотъ я себѣ думаю, очень ужъ вы другіе промежъ себя. Не такіе, какъ съ нами. Много вы притворяетесь, когда къ намъ приходите...

Подавленная и усталая сидѣла передъ нимъ Мирра. Она не считала его правымъ, но чувствовала, что не въ силахъ переубѣдить его. И хотя слова его были пустыми, ей почему-то казалось, что презрѣніе его было заслуженно и она низко опускала голову передъ его самодовольной улыбкой.

А онъ продолжалъ, ободренный ея молчаніемъ.

— Да, товарищъ! Вѣдь сплетничали все больше. Глянь,—и вечеръ прошелъ.

— Ахъ, развѣ и вы не сплетничаете промежъ себя?— вдругъ раздражаясь, закричала Мирра.

— Бываетъ, и это бываетъ. Да все не по-вашему. Пойдешь въ гости и посудачишь иной разъ. Но у насъ, товарищъ, и о серьезномъ много теперь промежъ себя говорятъ!

— Да, вамъ бы разговоры, все разговоры! У васъ теперь разговорный періодъ. Вы больше всего говорить любите, слушать разговоры... А мы уже пережили это. Въ пятнадцать лѣтъ и мнѣ важнѣе всего было, о „чемъ“ говорятъ, а теперь мнѣ это почти безразлично. Слышите, мнѣ все равно, о чемъ говорить, главное для меня, кто и какъ говоритъ. Я иду въ общество не для того, чтобы слушать, а чтобы чувствовать, смотрѣть, ощущать... Да, да, мнѣ просто пріятно присутствіе того или другого изъ людей, ихъ наряды, звукъ ихъ голосовъ, мнѣ интересны не ихъ слова, а тѣ нити взаимоотношеній, что невидимыя для глазъ протягиваются между людьми... Ахъ, да вы этого не поймете! Ну, скажите, если вы въ лѣсъ, въ поле идете, вы тоже хотите чему-нибудь поучиться? Ну, я вотъ и въ общество такъ иду, какъ въ поле, отдыхать, а не учиться, не мыслить...

Она раздраженно махнула рукой и замолкла.

Каленовъ не нашелъ, что отвѣтить, да и не совсѣмъ понялъ ее. Ея больной, возбужденный видъ смущалъ его. Было какъ-то безпокойно, будто онъ въ чемъ-то виноватъ передъ ней. Онъ что-то промямлилъ, еще разъ спросилъ о массовкѣ, по поводу которой пришелъ, и былъ радъ, когда, покончивъ съ вопросомъ о завтрашнемъ собраніи, могъ уйти.

А Мирра еще долго сидѣла, не трогаясь съ мѣста. И теперь съ тупымъ удовольствіемъ отдавала себя на терзаніе червямъ души, съ которыми настойчиво боролась весь вечеръ. Чувствовала, какъ внутри ея все распадается, растворяется, теряетъ форму и связь. Уже не могла сама ска-

зать себѣ, чего хочетъ и отъ чего страдаетъ душой. Не знала, кто правъ и кто виноватъ. Да и не было желанія рѣшать эти вопросы. И вопросовъ уже не было больше, и мыслей не было, и чувствъ не было, осталось лишь одно безпокойство внутри. Казалось, будто всѣ мучительные вопросы и мысли, освободившись отъ словесной и логической оболочки, слились вмѣстѣ и впились въ ея душу тупой ноющей болью.

XIII.

Когда Левъ Абрамовичъ Вольфзонъ узналъ, что Лидія приступила къ работѣ въ пригородномъ районѣ, въ которомъ работалъ и Генрихъ, онъ заявилъ въ районѣ, гдѣ раньше числился, что замѣтилъ за собой слѣжку и перешелъ туда, гдѣ была Лидія. Но черезъ три дня его постигла неудача. Онъ шелъ изъ типографіи, гдѣ Агата нагрузила его увѣсистой пачкой литературы, къ Нелли, чтобы вмѣстѣ съ ней разсортировать листки и взять часть себѣ для раздачи рабочимъ. Шелъ онъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа и думалъ о томъ, какъ завтра на засѣданіи района скажетъ Лидіи:

— Теперь мы съ вами, Лидія Николаевна, не только земляки, а и товарищи по району, значитъ, друзья вдвойнѣ!—Фраза эта казалась ему удивительно эффектной и тонкой; онъ съ удовольствіемъ повторялъ ее про себя и на лицѣ его играла радостная улыбка...

Вдругъ на плечо его опустилась чья-то рука.

— Что вы несете, молодой человѣкъ? Извольте слѣдовать за мной...

На слѣдующій день Левъ Абрамовичъ отсутствовалъ на засѣданіи района. Онъ ходилъ быстрыми шагами по узкой камерѣ Н—скаго участка и обдумывалъ свое положеніе.

За стѣной въ сосѣдней камерѣ хриплый голосъ пѣлъ:

„Я ли тебя, ты ли меня полюбила,

„Я ли тебя, ты ли меня извела“

и, дойдя до этого мѣста, упорно начиналъ съ начала.

Этотъ назойливый мотивъ мѣшалъ Льву Абрамовичу сосредоточиться.

— Они взяли меня съ листками. Правда, листки очень рѣзкаго содержанія, но развѣ это доказательство моего участія въ работѣ?—говорилъ онъ себѣ, стараясь разсуждать такъ, будто излагалъ свои мысли кому-либо постороннему. Такъ училъ его въ дѣтствѣ думать старый ребъ Аврумъ, его отецъ.

А какъ же попали ко мнѣ листки? Они были у меня въ рукахъ—фактъ. Слѣдовательно, скажете вы, я ихъ гдѣ-нибудь получилъ и куда-нибудь несъ. Но развѣ ужъ непремѣнно такъ? А развѣ не можетъ случиться, что человѣкъ идетъ по улицѣ и вдругъ находитъ пачку листковъ? Вы скажете, это невозможно, пачки прокламацій не валяются на улицахъ.

Хорошо. Но вотъ идетъ себѣ революціонеръ по улицѣ, несетъ много пачекъ и одну теряетъ. А я иду въ кухмистерскую обѣдать и нахожу эту пачку. Нахожу и иду дальше. И вдругъ подходитъ ко мнѣ сзади человѣкъ... Ну, а почему я не посмотрѣлъ, что въ пачкѣ? Хорошо! А если и посмотрѣлъ? Вижу листки и рѣшилъ отнести ихъ въ полицію. Развѣ они могутъ знать, куда я шелъ? И вдругъ подходитъ ко мнѣ сзади человѣкъ...

Пусть они мнѣ докажутъ, что это не такъ!

А если „онъ“ прослѣдилъ меня изъ типографіи?

Но зачѣмъ же онъ тогда не посмотрѣлъ, куда я иду? Вы думаете, они такіе дураки!

И опять, съ начала разсуждая съ невидимымъ противникомъ, повторялъ Левъ Абрамовичъ всю цѣпь разсужденій, а голосъ въ сосѣдней камерѣ неутомимо выводилъ:

„Я ли тебя, ты ли меня полюбила“...

Вечеромъ принесли кашу въ большой деревянной мискѣ.

— Нельзя ли, служивый, раздобыть тутъ подушечку?— ласково спросилъ городового Левъ Абрамовичъ.

Но служивый ничего не отвѣтилъ и ушелъ, побрякивая ключами.

Голосъ въ сосѣдней камерѣ, наконецъ, замолкъ и въ помѣщеніи участка стихло.

Въ камерѣ было темно. Лишь черезъ рѣшетчатое оконце въ двери пробивался слабый свѣтъ фонаря изъ коридора. На освѣщенномъ пятнѣ на полу вырисовывалась темными линіями тѣнь рѣшетки и, казалось, что въ полъ вдѣлано другое окошечко ромбической формы съ неопредѣленными, теряющимися краями.

Левъ Абрамовичъ лежалъ на жесткихъ нарахъ, глядѣлъ поперемѣнно то на одно настоящее, то на другое призрачное оконце и старался теперь ни о чемъ не думать, чтобы уснуть. Но въ головѣ его какіе-то жернова настойчиво перемалывали все, что попало за день въ мельницу мысли. И работали это жернова какимъ-то ускореннымъ неровнымъ темпомъ.

А что, если „онъ“ прослѣдилъ изъ типографіи?.. Стоялъ на лѣстницѣ, видѣлъ, откуда я вышелъ, сдѣлалъ обыскъ, нашелъ типографію, прочелъ въ листкахъ о партизанскихъ выступленіяхъ, о школахъ стрѣльбы... Каторга... кандалы... шпицрутены... Что за чушь! Что за чушь!—И старался остановить быстрый ходъ жернововъ, но они вертѣлись, вертѣлись...

Почему онъ пошелъ за литературой? Почему не послалъ съ пакетомъ Агату?.. Зачѣмъ онъ пошелъ въ пригородный районъ? Шелъ и думалъ, какъ скажетъ Лидіи: теперь мы вдвойнѣ друзья, да, вдвойнѣ... И вдругъ: молодой человѣкъ, не угодно ли послѣдовать за мной? Нѣтъ, служивый, я иду къ Лидіи Николаевнѣ. Не угодно ли отдать мнѣ вашъ пакетикъ? Нѣтъ, милостивый государь, я не

желаю отдавать вамъ моей фуражки, возьмите у товарища Генриха, у него итальянская шляпа, желаете я вамъ покажу, гдѣ она продается...

— Не пойду! Нѣтъ на то моей воли!! Рѣжьте меня, окаянные!—дикій вопль потрясъ своды участка.

Левъ Абрамовичъ вскочилъ, обливаясь холоднымъ потомъ.

Ахъ да! Это тотъ пьяный... Онъ и давеча кричалъ...

Но о чемъ онъ думалъ сейчасъ, когда завопилъ пьяный? О чемъ то пріятномъ. Нѣтъ, не думалъ, кажется, онъ уже засыпалъ. Этотъ крикъ спугнулъ его сонъ, какой-то хорошій сонъ.

Левъ Абрамовичъ снова улегся, стараясь сосредоточиться на туманномъ осадкѣ какого-то пріятнаго воспоминанія, надѣясь вернуть потерянный сонъ.

— Лидія... да, что то о Лидіи... Если бы не Лидія, я не перешелъ бы въ пригородный районъ...

Въ понедѣльникъ онъ собирался итти съ Лидіей въ судъ на интересный политическій процессъ.

— Вы, какъ юристъ, будете мнѣ хорошимъ чичероне,— сказала она.

Теперь Генрихъ пойдетъ съ Лидіей... И рисовалось Льву Абрамовичу, какъ онъ съ Лидіей идетъ по длиннымъ корридорамъ судебныхъ учрежденій.

— Простите, вамъ надо пройти черезъ это окошечко, тамъ сидятъ осужденные.— И открываетъ въ полу прозрачное окошечко изъ свѣтовыхъ бликовъ, перерѣзанныхъ темной рѣшеткою тѣни, и они идутъ внизъ по узкой скользкой лѣстницѣ.

— Скорѣе!—говоритъ Левъ Абрамовичъ.—Лидія Николаевна, подберите ваши юбки, а то взберутся по васъ крысы...

Но она останавливается.

— Пустите меня, Левъ Абрамовичъ, я не хочу итти дальше!

— Нѣтъ, Лидія Николаевна, вы должны итти, вѣдь вы соціалъ-демократка!

И она идетъ дальше. А потомъ опять останавливается.

— Пустите меня, Левъ Абрамовичъ, наверхъ. Тамъ ждетъ меня Генрихъ!

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, Лидія Николаевна. Генрихъ не ждетъ васъ, онъ арестованъ на улицѣ съ прокламаціями.

— Вѣдь я васъ всегда любила!—и Лидія смотритъ на него ласковыми, жуткими глазами,—вы, Левъ Абрамовичъ, вы все можете, а я не умѣю одна ходить по улицамъ, освободите Генриха!

И они снова бѣгутъ впередъ. И откуда-то спереди уже слышны крики, жалобные, болѣзненные крики.

— Это Генрихъ кричитъ. Его сейчасъ повѣсятъ. Надо спѣшить, спѣшить!

Они бѣгутъ, задыхаются, но ноги, ихъ тяжелыя, каменныя ноги не двигаются съ мѣста. И все же они несутся впередъ. Ноги ихъ приросли, слились съ землей, ихъ нельзя оторвать, но они все же несутся. Быть можетъ, земля бѣжитъ вмѣстѣ съ ними... И вотъ уже видно. Каменный, сводчатый залъ въ подземельѣ и посреди его колодецъ съ каменными краями; надъ колодцемъ виситъ Генрихъ и медленно покачивается на веревкѣ...

Но вѣдь на немъ штаны Льва Абрамовича и сапоги съ заплатой на голенищѣ... Левъ Абрамовичъ смотритъ на повѣшеннаго и узнаетъ себя. Это онъ, Левъ Абрамовичъ, виситъ надъ колодцемъ. Виситъ и медленно покачивается на веревкѣ, а изо рта течетъ пѣна...

— Не казните меня!—вопитъ Левъ Абрамовичъ. А кто-то невидимый уже подбирается къ нему сзади, хватаетъ его цѣпкими руками подъ мышки...

—Вѣдь вы уже повѣсили меня!—кричитъ онъ.—Пустите меня, пустите! Я все скажу, все скажу! Это Генрихъ несъ прокламаціи къ Нелли...

— Такъ вы утверждаете, что нашли пакетикъ на улицѣ?

Элегантный жандармскій ротмистръ съ преувеличенной любезностью протянулъ Льву Абрамовичу черезъ столъ протоколъ.—Потрудитесь прочитать, вѣрно ли я записалъ ваши показанія. И вы полагаете, что его обронилъ проходившій до васъ по этому же мѣсту революціонеръ? Чрезвычайное стеченіе обстоятельствъ!..

— Ничего въ этомъ нѣтъ необычайнаго, г-нъ ротмистръ,— торопливо, съ какимъ-то присвистомъ говорилъ Левъ Абрамовичъ.—Развѣ вамъ не приходилось, г-нъ ротмистръ, находить на улицѣ носовые платки, бумажники, документы?..

— Ха-ха-ха! Не случалось, г-нъ Вольфзонъ, видитъ Богъ, не случалось,—и ротмистръ, несмотря на свои усилія удержать на лицѣ непроницаемую, офиціальную улыбку, разразился веселымъ задушевнымъ смѣхомъ.

— Я, дѣйствительно, неловко выразился. Это очень смѣшно. Но вы понимаете, что я хочу сказать. Увѣряю васъ, мой родной братъ потерялъ однажды на улицѣ свое сочиненіе. Свернулъ его трубочкой и обернулъ плотной бумагой, пришелъ въ университетъ, а у него въ рукахъ пустая трубочка...

Ротмистру опять хотѣлось смѣяться и онъ, вынувъ платокъ, громко и ожесточенно сморкался.

— Видите ли, г-нъ Вольфзонъ, все это очень убѣдительные случаи изъ жизни, но вы не приводите намъ никакихъ существенныхъ доказательствъ. Вотъ, если бы вы намъ указали, кто былъ тотъ революціонеръ... Быть можетъ, у васъ имѣются какія-либо догадки на этотъ счетъ?

— Но я вѣдь не видѣлъ его, г-нъ ротмистръ. Я только предполагаю, что онъ прошелъ по улицѣ раньше меня. Увѣряю васъ, я невиновенъ.

— Ничего не могу сдѣлать для васъ, г-нъ Вольфзонъ. Дѣло пойдетъ обычнымъ порядкомъ. Будьте добры подписать протоколъ допроса.

На слѣдующій день ротмистръ снова вызвалъ Льва Абрамовича.

— Видите ли, г-нъ Вольфзонъ, мнѣ пришло въ голову, что если вы даже и не видали того революціонера, который подбросилъ вамъ подъ ноги пакетецъ, то не имѣете ли вы предположеній, кто бы это могъ быть? Вѣдь вы, г-нъ Вольфзонъ, безъ сомнѣнія, знаете среди своихъ товарищей по университету такихъ, которые имѣютъ дѣло съ подпольными типографіями, прокламаціями и т. п. Это значительно облегчило бы намъ дѣлопроизводство...

И ротмистръ, не поднимая глазъ, чертилъ что-то на бумагѣ.

— Онъ предлагаетъ мнѣ сдѣлаться шпіономъ!..

Что-то быстрое и острое, какъ мелкая судорога, пробѣжало по рукамъ и ногамъ Льва Абрамовича. И захотѣлось расплакаться навзрыдъ, злобно и горько, топать ногами и выкрикивать безсмысленныя уличныя слова брани...

— Но вѣдь онъ думаетъ, что я не революціонеръ!— ввернулась откуда-то облегчающая мысль и потянула за собою новую цѣпь соображеній и чувствъ, не имѣющихъ отношенія къ только что ярко испытанному чувству обиды. Казалось уже такъ, будто оскорбительное предложеніе было сдѣлано вовсе не ему, а тому несуществующему робкому студентику, роль котораго онъ разыгрывалъ передъ жандармскимъ офицеромъ. И въ тонѣ этого студента Левъ Абрамовичъ отвѣтилъ:

— Я не вращался въ этомъ кругу, г-нъ ротмистръ. Я жилъ себѣ въ сторонѣ. Я—бѣдный студентъ и мнѣ надо скорѣй кончить курсъ...—И готовъ былъ дальше безъ конца говорить на эту тему...

Но ротмистръ перебилъ его:

— Жаль, жаль! А я думалъ... Это значительно облегчило бы вашу участь. Вы говорите, что не вращались въ этомъ кругу... Но въ такомъ случаѣ вы, быть можетъ, въ будущемъ не откажетесь насъ информировать?.. Впрочемъ, пока

о будущемъ преждевременно говорить... Какъ вамъ извѣстно, въ прокламаціяхъ рѣчь идетъ о подготовкѣ къ террористическимъ актамъ.—Ротмистръ говорилъ теперь быстро, отрывочными фразами, будто для себя, и Левъ Абрамовичъ, перегнувшись черезъ столъ, напряженно ловилъ слова, будто случайно вылетавшія узъ-подъ усовъ ротмистра.— Да, дѣло не шуточное, придется передать военному суду...

— Военному суду?! Г-нъ ротмистръ, что вы говорите? Вѣдь военный судъ... Что же мнѣ грозитъ, г-нъ ротмистръ?

— Если оправдаютъ—чистая свобода. А въ противномъ случаѣ, вы знаете, военный судъ не шутитъ...

— Что же? Что же?—закричалъ Левъ Абрамовичъ, пытаясь схватить ротмистра за руку. Но тотъ легкимъ движеніемъ откинулся на спинку стула.

— Быть можетъ, висѣлица, г-нъ Вольфзонъ.

И какъ въ страшномъ снѣ, Левъ Абрамовичъ завопилъ дикимъ голосомъ, порываясь черезъ столъ схватить руку ротмистра:

— Не казните меня, не казните!

Но тутъ какія-то невидимыя руки сзади схватили его подъ мышки и, отбиваясь, онъ закричалъ, невольно повторяя выплывшія откуда-то слова страшнаго сна:

— Я все скажу, все скажу!..

— Информировать!—разсуждалъ съ невидимымъ противникомъ Левъ Абрамовичъ, сидя ночью на своей тюремной постели.—Не согласитесь ли вы информировать? Ну, а предположимъ я говорю: Да, г-нъ ротмистръ, я согласенъ информировать. И тогда, что же тогда? Меня выпускаютъ на свободу. А когда меня уже выпустили, я вовсе не согласенъ информировать! Не могутъ же меня заставить: г-нъ Вольфзонъ, на другой же день информируйте насъ. У всякаго есть семья, знакомые, надо навѣстить ихъ... Но Левъ Абрамовичъ вовсе не пойдетъ къ знакомымъ. Онъ пойдетъ въ

пароходную контору и на другой день уѣдетъ въ Америку. И что же имъ будетъ тогда съ того, что Левъ Абрамовичъ согласился информировать? Положимъ, потомъ, когда будетъ революція, возьмутъ ихъ книги и прочтутъ, что Левъ Абрамовичъ Вольфзонъ былъ шпіономъ. Ну и чтожъ? Пусть себѣ читаютъ! Развѣ лучше, если Левъ Абрамовичъ будетъ болтаться на веревкѣ? Да и кто сказалъ, что въ Америкѣ нельзя перемѣнить имени? Дегаевъ, говорятъ, профессоръ въ Чикаго, или гдѣ-то въ Южной Америкѣ. А вѣдь я, слава Богу, еще не Дегаевъ...

— Такъ вы согласны, г-нъ Вольфзонъ? Очень радъ, душевно радъ,—и ротмистръ снисходительно трепалъ его по плечу.—Когда вы мнѣ про пакетикъ сказали: революціонеръ, молъ, мнѣ его подкинулъ, я подумалъ: изъ господина Вольфзона выйдетъ толкъ... Ха-ха-ха!—заливался ротмистръ.

— Хи-хи-хи!—виновато вторилъ ему Левъ Абрамовичъ.

— Такъ вы, значитъ, желаете на свободу, г-нъ Вольфзонъ?

— Хочу на свободу, г-нъ ротмистръ...

— Ну, г-нъ Вольфзонъ, еще маленькая проба, проба пера, такъ сказать, и фюить—отпустимъ васъ на всѣ четыре стороны. Не хотите, Вольфзонъ, на веревочкѣ болтаться? Ха-ха-ха!

— Видите ли, голубчикъ, у насъ тутъ дѣльце одно, запутанное дѣльце...—ротмистръ съ серьезнымъ видомъ углубился въ бумаги.—Есть нѣкій товарищъ Люциферъ... Люциферъ... да... и еще есть одинъ бѣглый ссыльный, г-нъ Носовскій. Слыхали лы вы что-нибудь объ этихъ персонахъ, Вольфзонъ? И не полагаете ли вы, что это одно и то же лицо? Очень хотѣлось бы знать ваше мнѣніе.

Левъ Абрамовичъ раньше не слышалъ ни перваго, ни второго имени и поэтому они показались ему какими-то несуществующими, вымышленными именами. Когда ротмистръ

сказалъ ему о „пробѣ пера“ и о „дѣльцѣ“, ему съ неопровержимой ясностью представилось, что его заставятъ сейчасъ же выдать его ближайшихъ товарищей, быть можетъ, Лидію, Нелли... И теперь, когда онъ услышалъ это чужое, такое нереальное въ своей вычурности имя Люцифера, сразу отлегло отъ сердца и такимъ пустякомъ показалось подтвердить какую-то призрачную связь между двумя чужими неправдоподобными именами, за которыми не скрывалось никакого реальнаго образа...

— Конечно, конечно, одно и то же лицо, не сомнѣвайтесь, г-нъ ротмистръ,—говорилъ онъ торопливо, чтобы скорѣе отдѣлаться.

— И вы засвидѣтельствуете это передъ судомъ, если будетъ нужно?

— Почему же нѣтъ, г-нъ ротмистръ!

— Благодарю васъ,—и ротмистръ сталъ быстро строчить что-то на бумагѣ.

Вручая Льву Абрамовичу его документы, ротмистръ сказалъ:

— Каждое двадцатое вы будете получать жалованье. Но не здѣсь. Сюда безъ зова не являйтесь. Это можетъ васъ скомпрометировать. Адресъ вотъ, на бумажкѣ. Заучите и уничтожьте.

Укладывая въ камерѣ свои вещи, чтобы ѣхать домой, Левъ Абрамовичъ снова разсуждалъ самъ съ собой:

— Информируйте! Какъ вамъ нравится? И не берутъ никакой подписки. Деньги даютъ, понимаете, деньги, и спрашивается, за что? Будете получать жалованье. Имъ не жалко народныхъ денегъ! Товарищъ Люциферъ... Подумаешь, что за имя. Можетъ, такого вовсе и нѣтъ. Навѣрное даже нѣтъ! Думаете, они теперь не дали бы мнѣ денегъ, если бы я попросилъ? Но мнѣ не нужно ихъ денегъ. Чтобы я отъ нихъ бралъ? Больше они меня не увидятъ!

XIV.

Сегодня Мирра въ кружкѣ говорила о соціализмѣ. Еще ночью, лежа безъ сна, она обдумывала, какъ станетъ говорить сегодня. Расчленила теоретическую часть на рядъ простыхъ ясныхъ положеній, подобрала примѣры. Но это было еще не все. Надо было найти слова, которыя передавали бы все обаяніе идеи соціализма. Она чувствовала, какой тонъ, какую мелодію должна имѣть ея рѣчь, но не могла подобрать выраженій. Лежала ночью, крѣпко зажмуривъ глаза, и старалась оформить въ себѣ то чувство, которое рождалось въ ней представленіемъ о соціализмѣ. Вглядывалась въ себя и будто видѣла это чувство, свободно и ярко лежащее внутри, словно граненый, прозрачно-лучезарный кристаллъ. Но сказать объ этомъ словами нельзя было.

Но вотъ теперь, когда заговорила передъ рабочими, сами пришли слова, которыхъ напрасно искала ночью. А можетъ быть, это были все тѣ же обыкновенныя слова, которыя ночью ей казались лишенными души и мелодіи, и, если бы написать ихъ всѣ въ рядъ чернымъ на бѣлой бумагѣ, они построились бы тусклыми фразами изъ сѣрыхъ затасканныхъ словъ. Но теперь въ этой комнаткѣ они казались сіяющими.

По окончаніи занятій Кирюша проводилъ Мирру на станцію. Почти все время шли молча. Мирра не умѣла начинать разговора. А Кирюша пошелъ съ нею, чтобы кое о чемъ спросить ее. Изъ застѣнчивости онъ не рѣшался говорить въ кружкѣ. И теперь на тихой, голубой отъ снѣга улицѣ тоже не могъ заговорить съ ней о нужномъ. Потомъ рѣшилъ, что лучше спросить у рабочаго Петрова и, освободившись такимъ образомъ отъ стѣсненія невысказанной мысли, легко и свободно заговорилъ объ обыденномъ, житейскомъ:

— Карамановъ прислалъ письмо изъ тюрьмы. Сидѣть—

ничего... Много читаетъ. Сосѣдъ по камерѣ, интеллигентъ, помогаетъ, объясняетъ ему. Къ веснѣ хотѣлъ бы на волю.

— У него пустяковое дѣло—выпустятъ!—сказала Мирра, лишь бы отвѣтить. Не интересовало ее то, что говорилъ Кирюша. Хотѣлось остаться одной, думать о своемъ.

Подошли къ станціи.

— Прощайте, товарищъ Мирра! Я лучше пойду, а то жандармъ насъ всѣхъ знаетъ.

Онъ отступилъ въ темноту и пошелъ черной тѣнью по снѣжной дорогѣ. Мирра постояла, потомъ по скрипучимъ деревяннымъ ступенькамъ поднялась на платформу. До поѣзда было еще много времени. Входить въ помѣщеніе станціи не хотѣлось. Представляла себѣ, какъ при свѣтѣ керосиноваго фонаря въ высокой желтой комнатѣ, по угламъ на лавочкахъ сидятъ закутанныя въ темныя платки бабы съ корзинами, протяжно зѣваютъ и крестятся на икону. Она стала ходить по длинной деревянной платформѣ съ конца въ конецъ. Начинала съ темнаго края платформы, выходившаго въ пустынное бѣлое поле, и шла, мѣрно шагая, впередъ къ освѣщенной части передъ дверью и окнами станціоннаго зданія. Не останавливаясь, минуя свѣтлый участокъ, покрытый искрящимся снѣгомъ, погружалась опять въ темноту и торопливо бѣжала къ концу, чтобы скорѣй вернуться и опять идти къ свѣту. Въ третій разъ проходила Мирра платформу и, оставивъ свѣтъ за спиной, приближалась къ темному пустынному краю.

Вдругъ за собой услыхала шаги. Быстрые, звучные. Казалось, кто-то догоняетъ ее. Она не обернулась, хотя очень хотѣлось посмотрѣть, кто за спиной. Почему-то сказала себѣ, сама себя ограничивая: дойду до конца, тогда и увижу, надо умѣть владѣть собой. А шаги все приближались и слышно было, какъ ускорялся ихъ темпъ. Но она не сдавалась и все быстрѣй и быстрѣй бѣжала къ концу. Безъ передышки круто повернула у барьера и лицомъ къ лицу столкнулась съ Генрихомъ.

— Ахъ, Генрихъ! Вотъ смѣшно! А я рѣшила, ни за что не обернусь, тренировала себя—не надо быть любопытной.

Съ Генрихомъ стало сразу весело и легко. Будто не было за минуту жуткой пустоты вокругъ и внутри.

— У васъ, Генрихъ, тоже сегодня былъ кружокъ? Какъ хорошо! Вмѣстѣ поѣдемъ. Не люблю отсюда вечеромъ возвращаться. Все ѣдутъ какіе-то хмурые люди, и вагоны—темные.

— Я искалъ васъ на станціи. Кирюша встрѣтился, сказалъ, что вы здѣсь.

— Кирюша славный! Будто въ немъ что-то затаенное. Только разговаривать съ нимъ не умѣю. Ужасно странно. Съ вами вотъ болтаю легко, а съ нимъ словно стѣсняюсь.

Вагонъ былъ большой и высокій, почти пустой. Лишь въ дальнемъ углу сѣрымъ мѣшкомъ лежалъ солдатъ, накрывъ лицо фуражкой, и спалъ, вздыхая и сопя во снѣ. Мирра и Генрихъ сѣли къ окну, другъ противъ друга. Смотрѣли, ничего не видя, черезъ стекло. Вяло перебрасывались фразами.

Когда Мирра разговаривала съ кѣмъ-либо, она рѣдко смотрѣла въ лицо собесѣднику, чаще говорила, опустивъ голову, но украдкой, когда сосѣдъ, казалось, не видитъ ее, впивалась въ него долгимъ испытующимъ взглядомъ. И когда ея взглядъ замѣчали, смущалась, краснѣла и подолгу сидѣла потупившись, притягиваемая лицомъ собесѣдника и не рѣшаясь взглянуть на него.

Теперь, сидя противъ Генриха, все разсматривала его. Казалось ей, что лицо его измѣнилось. Тонъ лица его обыкновенно такъ мягко и незамѣтно сливался съ бѣлокурымъ цвѣтомъ волосъ и бороды. Малоподвижные свѣтлосѣрые глаза, въ которыхъ почти не видно было зрачка, всегда казались будто подернутыми кисеей, и взглядъ ихъ не достигалъ, не безпокоилъ.

А сегодня онъ словно былъ какой-то другой. Все лицо

потемнѣло и собралось. Необычно напряженъ былъ мягкій, лѣнивый ротъ, а въ глазахъ окруженные твердымъ темно-сѣрымъ кольцомъ остро и безпокойно мерцали расширенные зрачки.

— Отчего вы такой мрачный, Генрихъ? Вы измѣнились за послѣднее время,—сказала Мирра.

— Нѣтъ причинъ для веселья, товарищъ Мирра, — сразу раздражаясь и, какъ бы находя облегченіе въ этомъ раздраженіи, заговорилъ онъ.—Я не могу такъ работать! Вѣдь мы притворяемся, играемъ въ соціалъ-демократическую дѣятельность! Развѣ не ясно, что все идетъ врозь? Движеніе мелѣетъ, а мы тѣшимся иллюзіей массовой организаціи. Пора, наконецъ, признать, что мы разбиты и посмотрѣть въ лицо этому факту. Мы дѣлаемъ вовсе не то, что нужно въ нашемъ положеніи потерпѣвшихъ крушеніе, и окончательно губимъ дѣло...

— Ну, Генрихъ! Ужъ и крушеніе. Вѣдь все не такъ плохо. А что работа мелѣетъ... Вѣдь не работы нѣтъ, а людей не хватаетъ. Интеллигенція уходитъ отъ насъ. Но среди рабочихъ и теперь такъ хорошо. Вотъ увидите, выборы покажутъ, что мы вовсе еще не разбиты.

— Эхъ, Мирра!.. Знаете, эта кружковщина, эта жизнь въ партійномъ муравейникѣ лишаетъ васъ, да и всѣхъ насъ, способности видѣть вещи, какъ онѣ есть, не съ точки зрѣнія муравья. Вамъ важно, чтобы вашъ кружокъ шелъ хорошо!.. И вы думаете, что-нибудь измѣнится отъ того, что десятокъ соціалъ-демократовъ попадетъ въ Думу?

— Вы сами знаете, какъ это важно,—робко сказала она. Но больше ничего не отвѣтила.

Многіе говорили теперь, что работа идетъ на убыль, и вмѣсто того, чтобы удвоить силы на ея поддержаніе, уходили въ сторону. И когда начинались эти разговоры, Мирру охватывало такое ощущеніе, будто и ее кто-то насильно тащитъ прочь. Разубѣдить другихъ было трудно, она и сама знала, что говорятъ они не пустыя слова, но ей казалось что говорятъ

они съ какою-то ожесточенной радостью и съ облегченіемъ умываютъ руки.

Разговоръ прекратился. Когда пріѣхали въ городъ, молча пошли рядомъ по тихой зимней улицѣ, а когда приблизились къ дому Мирры, все же не хотѣлось разойтись.

— Зачѣмъ домой, Мирра? Еще рано. Проводите вы теперь меня.

И они опять пошли по улицѣ.

— Вамъ нравится Лидія?—неожиданно спросилъ Генрихъ.

— Нѣтъ, не очень.

— Почему такъ?

— Манерная такая, тщеславная и будто не наша, а откуда-то такъ, снизошла—и Мирра тутъ же испугалась своей рѣзкости,—да я вѣдь не знаю ея, только такъ, поверхностное впечатлѣніе...

— Какъ вы не разбираетесь въ людяхъ, Мирра! Вамъ вотъ изъ рабочихъ Кирюша нравится, а Петрова вы сторонитесь. А вѣдь Петровъ—это гора. Кирюша же заурядный рабочій.—Генрихъ говорилъ опять съ раздраженіемъ, въ повышенномъ тонѣ, шагалъ быстро, не считаясь съ Миррой, и ей стало жалко, что она отозвалась такъ рѣзко о Лидіи, а въ то же время было обидно отъ его словъ.

— Вы раньше не сердились на меня такъ, Генрихъ. Вы и ко мнѣ измѣнились,—и она старалась сказать это твердо съ упрекомъ ему, но вышло, какъ жалоба.

Генрихъ сразу пріостановился, повернулся къ ней лицомъ.

— Дайте руку! Обидѣлись? Вы совсѣмъ ребенокъ, Мирра! И страшно похожи на Зинку.

— Благодарю! Принимаю за комплиментъ.

— А когда улыбаетесь, совсѣмъ—Зинка. Знаете, я вотъ все Зинкинъ портретъ писать собирался, да такъ и не успѣлъ. Хотите, вмѣсто Зинки васъ напишу? Скоро къ вамъ приду и начнемъ. Хватитъ терпѣнія позировать?

Она молча кивала головой. Знала, что онъ не придетъ и не будетъ писать ее. Когда онъ бывалъ съ нею, былъ внимателенъ и ласковъ, но когда разставались, забывалъ о ней.

XV.

Генрихъ работалъ въ партіи уже болѣе двухъ лѣтъ. Сынъ богатаго помѣщика польскаго происхожденія, онъ совсѣмъ разошелся съ семьей. Способный ученикъ академіи, онъ давно не учился живописи.

Дѣтство и юность его прошли въ барскомъ имѣніи отца. Пани Ганка, мать его, безмѣрно любила и баловала его.

Подражая матери, онъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ былъ глубоко религіозенъ. Въ ту свѣтлую пору весь міръ казался ему какъ бы прекраснымъ транспарантомъ, освѣщеннымъ божественной благостью, излучаемой небомъ. Шестнадцатилѣтнимъ отрокомъ часами простаивалъ онъ на колѣняхъ предъ ликомъ Богоматери въ уѣздномъ пустынномъ костелѣ. Отдавалъ небесной мадоннѣ свою душу и сердце и въ каждомъ дуновеніи вѣтра, въ каждомъ солнечномъ лучѣ видѣлъ знаменіе отъ нея. Ходилъ по землѣ, какъ по плитамъ божьяго храма и чувствовалъ ея шаги рядомъ съ собой. Въ вечернемъ закатѣ и утреннихъ росахъ чудилась ему улыбка ея, а иногда въ религіозномъ экстазѣ чувствовалъ взглядъ ея обращеннымъ прямо къ себѣ...

И вся жизнь была единымъ и цѣльнымъ стремленіемъ къ ней, а весь міръ стоялъ гармоническимъ храмомъ на незыблемомъ основаніи всесвязующей вѣры.

Рано сказалась въ немъ страсть къ живописи. Въ дѣтствѣ онъ, подражая иконамъ, охотно рисовалъ женскія головки съ ореоломъ вокругъ. Въ юности влюбился въ изображеніе мадонны. Объѣздилъ всю Европу, чтобъ увидѣть всѣхъ мадоннъ міра. Но не нашелъ среди нихъ той, которую создалъ себѣ самъ и которую любилъ. Того ея взгляда, который въ моменты экстаза чувствовалъ устремленнымъ

съ высоты на себя, не нашелъ ни на одномъ полотнѣ. И задался мечтою самому воплотить этотъ взглядъ...

Ровною свѣтлою лентой блестѣлъ впереди его жизненный путь. Онъ собирался ѣхать за-границу, въ Парижъ, учиться живописи. И, мечтая о славѣ, беззаботно прожилъ послѣднее лѣто въ имѣніи отца. Ходилъ по полямъ и лѣсамъ съ альбомомъ и ящикомъ красокъ, но не охотно рисовалъ деревья и воду, а больше встрѣчныхъ крестьянокъ, молоденькихъ дѣвушекъ. И въ каждой будто видѣлъ отблескъ священнаго лика мадонны и въ веселые, стыдливые глазки влагалъ на рисункѣ тѣнь страданія и благости. А дома рисовалъ молоденькихъ паненокъ, кузинъ и племянницъ, съ бѣлыми ручками и нѣжнымъ оваломъ лица. И всегда былъ слегка влюбленъ. Даже сразу въ двоихъ. Одну цѣловалъ на скамьѣ за рѣкою шутливо и ласково, а думалъ и мечталъ о другой, о кузинѣ съ задумчивымъ взглядомъ и внезапнымъ мелодичнымъ смѣхомъ...

Но у царскихъ вратъ его храма, у порога изъ юности въ капище жизни ждало его чудовище позора и ужаса.

Его мать, пани Ганка, глаза которой во снѣ онъ отожествлялъ съ глазами идеальной мадонны, пропала изъ дому въ свѣтлую іюльскую ночь. И стало вскорѣ извѣстно, что она ушла съ молодымъ офицеромъ, она, его мать... На лошадяхъ съ собаками и слугами гнался старый панъ за своей женой. Но вернулся одинъ. И ничего не хотѣлъ разсказывать Стасю. Да тотъ и не спрашивалъ. Представлялъ себѣ мать, а рядомъ съ нею мальчишку, игрока и кутилу, съ лоснящимся аккуратнымъ проборомъ и наглыми усиками, и весь содрагался. Не хотѣлъ и отъ другихъ слышать разсказовъ о ней, сторонился всѣхъ и сталъ жить одинокимъ затворникомъ, не видаясь даже съ отцомъ.

Но тяжелѣй всего было то, что не могъ больше молиться. Осквернились въ памяти глаза его матери и показалось, будто опозорены были не ея глаза, а глаза небесной мадонны. Не могъ больше представить ее себѣ въ

прежней благостной святости и отвернулся душой отъ нея, старался не думать о ней и не приходила къ сердцу молитва.

Сталъ въ уединеніи читать и остальное довершили суровыя трезвыя книги. Но чѣмъ больше читалъ, тѣмъ страшнѣй становилось жить въ мірѣ, лишенномъ единства и внутренней божественной связи...

Осенью онъ уѣхалъ изъ родного гнѣзда въ Петербургъ. Въ Парижѣ боялся встрѣтиться съ матерью.

Учился въ академіи, прилежно рисовалъ акты съ корпулентныхъ натурщицъ, но по старой привычкѣ время отъ времени возвращался къ мадоннамъ. Но не находилъ больше ни въ памяти, ни на холстѣ своей прежней непорочной мадонны. Рисовалъ женскія головы со страданіемъ позора и грѣховною мукой въ глазахъ.

Но мадонны теперь уже меньше интересовали его. Пришло новое. Книги и люди открыли передъ чувствомъ и мыслью его неизвѣстный ему до сихъ поръ заманчивый путь. И будто снова возродился для него вокругъ потускнѣвшій, распавшійся послѣ потери религіи міръ и отстроился заново гармоническимъ, цѣльнымъ зданіемъ. Теперь онъ опять зналъ, для чего нога его оставляетъ слѣдъ на землѣ—впереди развернулась панорама будущей жизни людей. И опять чувствовалъ себя не одинокой пылинкой, влекомой безсмысленнымъ вихремъ случайностей, а слитнымъ необходимымъ звеномъ великой цѣпи свершеній. Какъ когда-то въ дни религіознаго экстаза, свѣтъ великой идеи озарилъ и преобразилъ въ глазахъ его жизнь и людей...

Онъ сталъ въ ряды борцовъ за соціализмъ. Пересталъ грезить о славѣ и не рисовалъ больше мадоннъ. Но безсознательно попрежнему при встрѣчѣ съ женщиной искалъ въ ней свою забытую мечту. И представленіе о мадоннѣ такъ и осталось раздвоеннымъ въ немъ. О той небесной мадоннѣ, которой молился въ костелѣ, мадоннѣ съ чистымъ страданіемъ и невѣдѣніемъ земного въ глазахъ, могъ ду-

мать теперь только словами, въ воображеніи потускнѣлъ ея ликъ, заслоненный другою мадонной, съ порочною мукой и гордымъ надрывомъ въ глазахъ...

Въ Лидіи въ первый же вечеръ увидѣлъ что-то, казалось, напомнившее ему его мать, его вторую мадонну, и больше уже не могъ отойти отъ нея.

Они быстро сблизились. Съ перваго же вечера онъ сталъ ея вѣрнымъ рыцаремъ. Но находясь при ней почти неотлучно, онъ все время присматривался къ ней, тревожно искалъ въ ней ту, которая была нужна ему. И несмотря на близость съ ней, былъ одинокъ. Ласкалъ ея тѣло, старяясь въ ласкахъ соприкоснуться интимно съ ея душой, но не находилъ ея. Когда былъ рядомъ съ ней, вѣрилъ, что это она, и тянулся къ ней изъ своего одиночества. Но когда оставался одинъ, ярко, вспоминалъ ее всю, съ ея словами и жестами, съ нетерпѣливой жадностью во всемъ существѣ и понималъ, что она чужая ему. Но она снова звала его и онъ шелъ къ ней. Опять надѣялся сомкнуться съ нею душой и оставался возлѣ нея, стремясь къ ней и страшась въ ней чужого, непостижимаго.

А Лидіи онъ былъ нуженъ. Она не могла быть одна. Когда не было рядомъ его, ласковаго и заботливаго, она страшилась стѣнъ своей комнаты, шумной слѣпой улицы. Но съ нимъ часто скучала, мимоходомъ отвѣчала на ласки и легко раздражалась, когда онъ не умѣлъ угодить ей. Она искала вокругъ все новыхъ и новыхъ людей. Въ студенческой столовой, гдѣ обѣдала партійная публика, на вечерахъ, въ клубахъ, гдѣ она встрѣчалась со своими знакомыми изъ литературныхъ круговъ, у нея было уже много поклонниковъ. Но тѣми, кого сразу привлекала къ себѣ, она интересовалась мало. Тянулась къ тѣмъ, кто сторонился ея или равнодушно проходилъ мимо.

XVI.

Секретарша Марфа, по обыкновенію, явилась первой на засѣданіе района. Сидѣла одна въ комнатѣ, гдѣ должны были собраться, и ждала остальныхъ. Было обидно и досадно.

Почему они всегда опаздываютъ! Засѣданія назначаются днемъ, чтобы вечеръ былъ у работниковъ свободенъ. Вотъ и сегодня опоздаютъ и затянутъ засѣданіе. А вечеромъ необходимо послать кого-нибудь за заставу. Быть можетъ, соберется кружокъ изъ женщинъ, женъ рабочихъ. О такомъ женскомъ кружкѣ Марфа давно мечтала. Теперь дѣло какъ будто налаживается. Только, кого послать? Лучше всего было бы Лидію. Она увлекательно говоритъ. Но она не поѣдетъ. Не захочетъ уйти до конца засѣданія... Придется ѣхать Миррѣ. Вѣдь если даже только двѣ женщины придутъ, надо съ ними заняться, чтобы положить начало... Почему же никто не идетъ?

Посмотрѣла на часы. Только четверть часа послѣ срока. Она сама, очевидно, пришла слишкомъ рано. Боялась опоздать. Вѣдь сегодня боевое засѣданіе. И она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и повторяла про себя доводы, которые приведетъ сегодня противъ блока съ кадетами.

Узенькое изможденное лицо схимницы свѣтилась напряженною мыслью, а тонкія блѣдныя губы шептали острыя язвительныя фразы заготовленнаго возраженія меньшевику Михаилу.

И пока про себя спорила съ нимъ, воображаемымъ, явился и онъ самъ.

Маленькій, сутуловатый, съ большой головой, съ острымъ, сверкающимъ взглядомъ. Сразу заспорили. Она иронизировала, язвила его политикой компромиссовъ, а онъ серьезно и методически выкладывалъ груду доводовъ, всевозможныхъ статистическихъ вычисленій, историческихъ справокъ, ссылокъ на законы и поставленія. Ей казалось, что онъ

не даетъ ей говорить и она перебивала его, вставляла язвительныя замѣчанія, оборачивала его доводы противъ него, но онъ спокойно отражалъ ея натискъ и снова упорно и систематически нанизывалъ цѣпь своихъ доказательствъ.

Почти одновременно явились всѣ остальные. Сначала—рабочіе: Петровъ, Каленовъ, Кирюша и еще пять человѣкъ, сейчасъ же за ними Лидія съ Генрихомъ, Мирра и товарищи Николай Васильевичъ и Елисѣй.

Засѣданіе началось. Когда разсаживались, Лидія, ускользнувъ отъ Генриха, усѣлась рядомъ съ Николаемъ Васильевичемъ.

Николай Васильевичъ давно интересовалъ Лидію. У него была весьма незаурядная наружность. На блѣдномъ лицѣ рѣзко выдѣлялись красныя, будто накрашенныя губы. Глаза, полузакрытыя длинными рѣсницами, казались то темноголубыми, то черными,—такъ сильно расширялся зрачокъ.

Увидѣвъ его впервые, Лидія въ кругу знакомыхъ объявила его бастардомъ. Она собственно и сама хорошенько не знала, почему онъ „bastard“ и что за смыслъ она вкладываетъ въ это слово, но почему-то всѣ хохотали и находили это прозвище мѣткимъ, а у нея самой возникла при этомъ цѣлая гамма неясныхъ ассоціацій, гдѣ переплетались представленія о татарахъ-проводникахъ въ Крыму, о какихъ-то шатрахъ и яркихъ тканяхъ...

Николай Васильевичъ былъ душою района. Студентъ-технологъ, онъ ушелъ съ головой въ партійную работу и не заглядывалъ въ институтъ. Очевидно онъ былъ бѣденъ, былъ плохо одѣтъ, обѣдалъ не каждый день и, когда ѣлъ въ столовой, то только супъ, уничтожая при этомъ огромное количество хлѣба. Но уроковъ не давалъ, и никто не слыхалъ отъ него жалобъ на нужду или просьбъ о работѣ. Его любимой дѣятельностью въ партіи была организаціонная. Онъ умѣлъ и говорить недурно, хотя не обладалъ ни пафосомъ, ни большой эрудиціей, но не любилъ выступать

публично. Предпочиталъ говорить съ каждымъ отдѣльно, съ глазу на глазъ. Всюду всегда шушукался по угламъ, быстро и энергично обдѣлывая свои дѣла, виртуозно спаивая, склеивая, комбинируя и сортируя людей. Его распорядительности и руководству подчинялся весь районъ. Безъ него, казалось, и района не было бы, а осталась бы кучка разрозненныхъ неловкихъ людей. Имъ никто не восхищался, рабочіе не выражали ему восторговъ, но неизмѣнно выбирали его представителемъ въ общегородской комитетъ и делегатомъ на партійные съѣзды, минуя увлекательныхъ трибуновъ и ученыхъ теоретиковъ, выставлявшихъ свои кандидатуры.

Лидіи часто и помногу приходилось съ нимъ бесѣдовать. Онъ организовывалъ кружки рабочихъ, съ которыми она занималась, съ нимъ обсуждала она программу своихъ лекцій, съ нимъ же обдумывала и планы предпріятій для добыванія средствъ, нужныхъ организаціи. Ни разу, однако, не удалось Лидіи свернуть разговоръ съ дѣловыхъ темъ. Онъ былъ вѣчно занятъ и, переговоривъ толково и обстоятельно, отмѣтивъ и записавъ ей въ книжку все нужное, быстро уходилъ. Лидію раздражала эта манера. Она знала, что у этого человѣка была жена, говорили даже хорошенькая и веселая жена, но она не могла себѣ представить его разговаривающимъ о чемъ-либо семейномъ. Слыхала она, что у него былъ ребенокъ, но умеръ отъ скарлатины, и что во время его болѣзни Николай Васильевичъ не отходилъ отъ его кроватки. И Лидіи мучительно хотѣлось увидѣть этого человѣка въ семейныхъ или любовныхъ положеніяхъ. Много разъ пыталась она заговорить съ нимъ о новой пьесѣ, новомъ романѣ, но онъ въ такихъ случаяхъ разсѣянно слушалъ ее, жуя по своему обыкновенію бумажный шарикъ, или перебивалъ ее какимъ-либо вопросомъ, касающимся партійной работы. Она никогда не могла застигнуть его врасплохъ, но неустанно возобновляла свои попытки и такъ

втянулась въ игру, что постоянно была насторожѣ, всегда слѣдила за нимъ и пробовала закинуть удочку.

Засѣданіе вышло бурнымъ. Николай Васильевичъ, ярый большевикъ, келейно сумѣлъ привлечь на свою сторону большинство въ комитетѣ, заранѣе переговоривъ съ рабочими. Генрихъ и Мирра были за соглашеніе съ кадетами и изъ прежняго опроса рабочихъ были увѣрены, что восторжествуетъ ихъ мнѣніе. Хотя Петровъ былъ противъ согла. шенія, но другой вліятельный рабочій Каленовъ, былъ на ихъ сторонѣ и они считали, что у нихъ большіе шансы на успѣхъ. Лидія не составила себѣ опредѣленнаго мнѣнія по этому поводу, еще колебалась, но Генрихъ думалъ, что она поддержитъ его. Къ тому же, еще вчера, въ гостяхъ у знакомыхъ, она что-то говорила о желательности дружнаго выступленія оппозиціи. Но въ пылу засѣданія Лидія неожиданно для себя самой выступила сторонницей Николая Васильевича. И онъ, найдя въ ней помощницу, придвинулся ближе къ ней, шептался съ ней, сговариваясь о томъ, что возражать противникамъ, дѣлился съ ней впечатлѣніями и въ увлеченіи хваталъ ее за руки или подталкивалъ въ бокъ. Эта атмосфера близости и единенія съ нимъ возбуждала Лидію и она поддакивала ему во всемъ, смѣялась въ тонъ его смѣху и вмѣстѣ съ нимъ издѣвалась надъ посрамленными противниками. Прошла резолюція, предложенная Николаемъ Васильевичемъ; Каленовъ и его товарищи, на которыхъ разсчитывалъ Генрихъ, тоже голосовали за нее. Генрихъ, серьезно огорченный исходомъ засѣданія, замѣшкался, бесѣдуя съ Миррой. Лидія вышла вмѣстѣ съ Николаемъ Васильевичемъ.

Было очень морозно. На Николаѣ Васильевичѣ была старая осенняя студенческая шинель, которой онъ даже не застегнулъ, какъ слѣдуетъ. Ежась отъ холода, онъ быстро пошелъ впередъ, продолжая начатый на лѣстницѣ разговоръ.

Лидія не успѣла какъ слѣдуетъ одѣться. Въ раз-

стегнутыхъ ботикахъ, придерживая одной рукой подолъ платья, который обыкновенно подстегивала, она бѣжала за нимъ.

— Представьте себѣ,—говорилъ Николай Васильевичъ,— Каленовъ чуть не испортилъ мнѣ всей кампаніи. Даже непонятно, какъ онъ, съ его натурой, можетъ раздѣлять ихъ взгляды! Я потратилъ на него два вечера, и, знаете, онъ— дѣльный противникъ! Онъ высказалъ нѣсколько соображеній, новыхъ даже для меня. Но все же я убѣдилъ его... Вчера цѣлый вечеръ толковали, но онъ не далъ мнѣ отвѣта. Говоритъ: я подумаю. Я у него заночевалъ. На утро всталъ, а его уже нѣтъ. Прибѣжалъ черезъ полъ-часа: „ну“ говоритъ, „Николай Васильевичъ, долой соглашеніе! Я уже и съ ребятами переговорилъ!“...

— Ахъ да,—попробовала вставить запыхавшаяся Лидія,—Каленовъ выдающійся рабочій, будущій народный трибунъ!..

Но онъ не далъ ей продолжать и сталъ разсказывать о своемъ разговорѣ съ меньшевиками изъ городского комитета.

Онъ шелъ все быстрѣй, какъ бы разгоняясь на ходу, а Лидія, выпустивъ уже юбку изъ окоченѣвшей руки, безпрерывно оступаясь въ незастегнутыхъ ботикахъ, ковыляла позади. Его слова доносились къ ней какъ бы издалека.

— Эй, гдѣ вы?—закричалъ онъ вдругъ, замѣтивъ, что ея нѣтъ рядомъ.—Что-жъ вы такъ плететесь? Холодно!

И онъ снова помчался впередъ. Лидія старалась сообразить, гдѣ они находятся. Она рѣдко ходила одна пѣшкомъ и потому не знала улицъ. А сейчасъ, покрытыя снѣгомъ, всѣ улицы казались ей одинаковыми. И вдругъ пришло ей въ голову, что, быть можетъ, она идетъ не по направленію къ дому.

— Николай Васильевичъ, гдѣ мы?—спросила она догоняя его.

— А? Что?..

— Гдѣ мы, Николай Васильевичъ? Я домой хочу.— И плаксиво, нарочито по-дѣтски, тянула послѣднія слова.

— Ничего, дойдете!

И опять зашагалъ легко вприпрыжку, а она за нимъ, усталая, озябшая. Долго шли они и Лидія, уже не отвѣчая ему и не слушая его, старалась лишь не потерять его изъ виду.

Наконецъ, онъ круто остановился у какой-то подворотни и протянулъ ей руку.

— Прощайте, товарищъ!

— Куда вы, Николай Васильевичъ, гдѣ мы?

— Я то дома, спасибо за проводы!—И Николай Васильевичъ засмѣялся весело, задорно.

— Какая это улица, гдѣ мой домъ?

— Екатерингофскій проспектъ, мое почтеніе! Спасибо за компанію!—и ушелъ въ подворотню.

Пока онъ не скрылся, Лидія не успѣла почувствовать обиды. Она такъ боялась остаться одна на чужой и пустынной улицѣ, что готова была бѣжать за нимъ, умолять его проводить ее до дому. И когда она уже стояла одна передъ воротами его дома, она тутъ только поняла, что онъ зло подшутилъ надъ ней. Стараясь подавить навертывавшіяся слезы, добѣжала она до перваго извозчика и поѣхала домой.

А Генрихъ, не найдя Лидіи послѣ засѣданія ни у подъѣзда, ни на улицѣ, поѣхалъ къ ней. Узнавъ, что она еще не вернулась, онъ остался ждать ее и въ безпокойствѣ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Увидѣвъ еще съ улицы свѣтъ въ своихъ окнахъ, Лидія догадалась, что Генрихъ ждетъ ее. Бурно ворвалась она въ комнату и сразу набросилась на него со слезами и упреками:

Зачѣмъ онъ оставилъ ее одну? Онъ знаетъ, что она не помнитъ дороги, что она боится ходить одна... У нея ботики растегнулись... она замерзла... простудилась... она совсѣмъ больна. И все онъ, онъ одинъ виноватъ, онъ со своей не-

внимательностью!.. Она никогда не забудетъ ему сегодняшняго вечера... И если-бы Николай Васильевичъ надъ нею не сжалился, она погибла бы совсѣмъ...

Она не сказала, въ чемъ состояла помощь, оказанная Николаемъ Васильевичемъ, да Генрихъ и не спрашивалъ. Онъ вообще не возражалъ ей. Вѣдь она сама ушла, не дождавшись его, и онъ зналъ, что не въ немъ причина ея огорченій. Но къ чему объясняться? Развѣ это успокоитъ ее.

Молча опустился онъ передъ ней ни колѣни и сталъ снимать съ ея ногъ мокрые ботики. И башмаки подъ ними были сырые. Не спрашивая ея, дрожащей рукой онъ растегнулъ и снялъ ихъ. Потомъ стянулъ и чулки и мягкими, горячими губами прильнулъ къ холодной кожи ея ногъ.

— Милые, бѣлые пальчики, я согрѣю васъ. Бѣдныя ножки...

XVII.

Лидія обѣщала Генриху быть вечеромъ дома. Но пришелъ Пѣночкинъ и увезъ ее въ „Римъ“. Генриху Лидія оставила записку: „Пріѣзжай въ „Римъ“, повеселимся“. Но Генрихъ не поѣхалъ. Сталъ ждать ея возвращенія и до поздней ночи просидѣлъ въ ея комнатѣ, рисуя пастелью ея портретъ.

Пѣночкинъ былъ не въ духѣ. Рѣкушъ неодобрительно отозвался о новомъ сборникѣ его стиховъ. А Пѣночкинъ не сомнѣвался, что Рѣкушъ похвалитъ,—вѣдь вотъ уже двѣ недѣли, какъ онъ пользовался гостепріимствомъ Пѣночкина. По дорогѣ Пѣночкинъ жаловался Лидіи, что онъ не понимаетъ, почему Рѣкушъ на него сердится. Если есть за что, сказалъ бы прямо. Вотъ съ Норскимъ легче! Того надо хорошенько угостить и поухаживать за его „кузиной“. Видала ли ее Лидія Николаевна? „Кузина“, несомнѣнно, красивая женщина!

Лидіи стало скучно отъ этихъ разговоровъ. Она старалась перемѣнить тему, говорила ему шутливыя волнующія слова въ томъ тонѣ, какъ это водилось между ними, но онъ все возвращался къ Рѣкушу, къ своему сборнику.

— Вѣдь вы, Лидія Николаевна, на сцену собираетесь, такъ не упускайте Норскаго! Онъ и театральный рецензентъ!

— О, да этого еще далеко!

— Надо быть запасливой. Вы ему сильно нравитесь.

— Это что, замаскированный комплиментъ?—и Лидія улыбнулась игриво.

— Нѣтъ, я, право, про него говорю.

— Ну, а про себя не хотите говорить?

— Если желаете, скажу...

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!—Лидія смущенно опустила глаза и ждала, чтобы онъ былъ дерзкимъ.

Но не вязался такой разговоръ, опять соскальзывалъ на больные вопросы о критикѣ, объ успѣхѣ...

Когда пріѣхали въ ресторанъ, тамъ было еще тихо. Опять тускло о чемъ-то говорили. Пѣночкинъ волновался и ждалъ.

Наконецъ, пріѣхалъ изъ театра Норскій. Ворвался шумно въ залу со своей свитой. Съ нимъ „кузина“, тяжелая женщина, съ яркимъ лицомъ и пышными волосами. Она шла объ руку съ Лерскимъ, беллетристомъ. За ними плелись другіе, болѣе мелкіе поэты, писатели. Шумно разсѣлись. Норскій басисто грохоталъ на всю залу. Стучали по столу, звали лакеевъ. Потомъ что-то за столомъ не понравилось. „Кузинѣ“ дуло отъ окна въ открытую спину. Съ грохотомъ отодвигая стулья, поднялись, пересѣли на другое мѣсто. За другими столиками въ залѣ теперь всѣ притихли. Указывали другъ другу на Норскаго.

Пѣночкинъ и Лидія подсѣли къ пріѣхавшимъ.

— А, вы, поэтъ! Лидія Николаевна, счастливъ, что

наконецъ васъ вижу! А Рѣкушъ то здорово васъ смазалъ!— и Норскій ударилъ Пѣночкина по плечу.

— Онъ сердится на меня, Леонидъ Григорьевичъ. Я то знаю, чѣмъ его умилостивить, да не стоитъ... Пусть себѣ лается... Ну а вамъ, Леонидъ Григорьевичъ, нравится? Вѣдь вы еще не высказались...

— Гм... Гм... Ничего. Посмотримъ! Ну, а пока угощайте. Вѣдь при васъ гонораръ... Вамъ, поэтамъ, хорошо. За сколько продали?

— Продать то, продали, да уже пропили.

— Лидія Николаевна! Что вы будто прячетесь отъ меня? Я васъ всюду ищу. Думалъ, въ театрѣ встрѣчу, не ходите?—И ногой съ шумомъ отодвигая стулъ, Норскій поднялся и пошелъ вокругъ стола къ Лидіи.

Пѣночкинъ предупредительно всталъ и уступилъ Норскому свое мѣсто возлѣ нея.

— А вы къ кузинѣ ступайте!—говорилъ Норскій Пѣночкину.—Подождите, подождите! что-то скажу!—и пригнувшись къ его уху, что-то шепталъ ему, брызгая слюной и фыркая ему въ шею и щеку.

Но кузина была не въ духѣ. Не пускала Пѣночкина сѣсть рядомъ и, будто не слыша его вкрадчивыхъ словъ, кричала черезъ столъ Норскому:

— Леонидъ, почему же ты мнѣ не представляешь дамы?

— И то правда, голубушка! Это—Марья Евграфовна, моя кузина. А это, Машенька, Лидія Николаевна... тоже моя кузина!..—И довольный шуткой грохоталъ, наваливаясь бокомъ на Лидію.

— Вы сегодня кислая! Говорятъ, вы съ рабочими возитесь. И къ чему вамъ? Думскую кампанію подготовляете, товарищъ Лидія? Ха, ха, ха! И на что вамъ Дума? По мнѣ такъ лучше и совсѣмъ ея не надо. Я откровенность люблю. Пѣночкинъ вотъ не скажетъ, а я такъ не боюсь. Намъ безъ Думы лафа. Вотъ, газетка теперь мой фельетонъ печатаетъ

о театрѣ, Сергѣя Ивановича критическій фельетонъ, Пѣночкина стихи, Огнева разсказецъ, а начнется Дума, вылѣзутъ разные еврейчики и насъ по шапкѣ,—скучища пойдетъ: „Думскіе разговоры", „Интервьѣ съ лидеромъ оппозиціи", „Кулуары" и еще стенографическій отчетъ на десяти столбцахъ...

— Ну, васъ-то всегда печатать будутъ, Леонидъ Григорьевичъ!—отвѣтила Лидія.

— Будутъ! Что и говорить, меня по уменьшенному тарифу, но печатать будутъ—публика требуетъ. А имъ и того хуже!—и Норскій обвелъ взглядомъ свою свиту.—А вы, Лидія Николаевна, этоть пролетаріатъ бросьте! Даже досадно! Вѣдь такая хорошенькая!—и гладилъ подъ столомъ ея руку, обнаженную по локоть.—Это все Галимскій! Вѣдь тоже соціалъ-демократъ. И ему на что это? Талантливый былъ бы художникъ. Карьеру себѣ испортитъ.

— Онъ дѣйствительно очень талантливъ?—оживилась Лидія.

— Страшно даровитый. Самый выдающійся ученикъ академіи.

— Ну ужъ и самый!—запротестовалъ Пѣночкинъ.

— А вамъ что, завидно, что „самый"? Вѣдь онъ не стихи пишетъ, значитъ тебѣ не въ обиду.

— Ахъ, Галимскій!—затрещала кузина.—Галимскій обѣщалъ мой портретъ писать! Отчего онъ не приходитъ? Такой милый! Такой милый!

— Былъ, да сплылъ. Не про тебя, матушка, теперь Галимскій. Вотъ Лидія Николаевна, если захочетъ, онъ ея портретъ напишетъ,—говорилъ Норскій.

— Лидія Николаевна! — кричала кузина, лорнируя Лидію, сидѣвшую прямо противъ нея за столомъ.—Вы, милочка, заставьте его написать и пусть ваше имя проставитъ! Это очень много значитъ; вѣдь вы на сцену идете?

— Марья Евграфовна, вашъ бокалъ! Лидія Николаевна, держите крѣпче!—Пѣночкинъ въ роли хозяина хлопоталъ

вокругъ бутылокъ шампанскаго. Марья Евграфовна подняла свой стаканъ, понюхала вино и, брезгливо морщась, поставила его обратно на столъ.

— Донское! Развѣ вы не знаете, что мы не пьемъ шипучки?.. Леонидъ, онъ угощаетъ насъ донскимъ.

Пѣночкинъ смѣшался. Но черезъ минуту онъ уже негодовалъ самъ и стучалъ кулакомъ по столу.

— Донское! Негодяи!! Я заказывалъ Дуаэнъ. Человѣкъ! Что за наглость!—и свирѣпо вращалъ глазами, набрасываясь на явившагося лакея.—Въ этомъ ресторанѣ невозможная прислуга!..

Выпили Дуаэнъ. Потомъ допили и донское. И Лидія пила. Украдкой оглядывалась, не пріѣхалъ ли Генрихъ. Охотно вернулась бы съ нимъ домой. Но его не было, и она пила противъ воли, чтобы не отстать отъ другихъ и не быть смѣшной.

Вскорѣ почувствовала себя грузной и какой-то большой, широкой. Потомъ показалось, что между ней и окружающимъ міромъ легла какая-то полупрозрачная среда, и всѣ вокругъ ощущались безтѣлесными, расплывающимися и мнилось ей, что, хотя они тутъ возлѣ, если протянуть руку, не достанешь ихъ.

Она что-то съ трудомъ говорила и пока произносила слова, казалось ей, что говоритъ дѣльное и нужное, но черезъ минуту забывала сказанное и не знала, что хотѣла говорить дальше.

Всѣхъ спрашивала, пьяна ли, и когда кто-нибудь начиналъ смѣяться за столомъ, вторила долгимъ и дрожащимъ смѣхомъ, не зная, чему смѣется.

Домой поѣхали уже утромъ. Лидію провожалъ Пѣночкинъ. Пока допивали шампанское, Лидія задремала на полъ-часика въ ресторанѣ и теперь чувствовала себя протрезвившейся. На улицѣ опять увидѣла міръ яснымъ и твердымъ. Почувствовала себя легко и радостно въ утреннемъ мглистомъ воздухѣ. Не было теперь томительнаго ту-

маннаго отчужденія отъ окружающихъ, но внутри все было еще безпорядочно и подвижно, не замкнулись грани между потаеннымъ и показнымъ и говорилось охотно и свободно обо всемъ самомъ интимномъ.

И Пѣночкинъ былъ теперь веселѣй. Кузина обѣщала напомнить о немъ Норскому.

— Какъ вы мило пьете, Лидія Николаевна!—говорилъ онъ.—Женщины обыкновенно пьютъ безобразно.

— Я тоже была глупой! И сама не помню, что болтала. Да и не люблю вина, даже шампанскаго. Вовсе не вкусно! Пила, чтобы посмотрѣть, какъ чувствуешь себя пьяной. Интересно! Мнѣ всегда все хочется испытать.

— Вотъ какая вы жадная!

— Да, жадная. Знаете, когда я слышу, что съ кѣмъ-нибудь случилось что-нибудь необычайное, даже непріятное, тяжелое,—я завидую ему. Когда кого-либо забираютъ въ тюрьму,—право, мнѣ хочется, чтобы и меня забрали. Когда была война, я завидовала всѣмъ уходящимъ на Востокъ. Нѣтъ, это не то, что я хочу сказать. Знаете, у меня есть два кузена. Я ихъ очень люблю и, когда была война, мы всѣ въ семьѣ боялись, страшно боялись, что ихъ заберутъ въ солдаты, но знаете, въ глубинѣ души, тамъ гдѣ-то въ самой глубокой ямѣ, я со сладкимъ замираньемъ ждала того трагическаго момента, когда ихъ заберутъ. Когда къ нашему городу приближалась холера, я тоже нетерпѣливо ждала ее... Всякій переполохъ, всякая опасность прежде всего рождаютъ во мнѣ жадное любопытство, да, какую-то лихорадку, судорогу любопытства. И знаете, въ любви я такая же. Я начинаю интересоваться какимъ-либо мужчиной вовсе не отъ того, что испытываю къ нему влеченіе. Нѣтъ, у меня возникаетъ желаніе узнать, увидѣть, какъ любитъ, какъ ласкаетъ этотъ мужчина... Какія глупыя вещи я вамъ говорю!—спохватилась она вдругъ.—У васъ пройдетъ теперь желаніе ухаживать за мной, правда?

— Нѣтъ, напротивъ! Это забавно. Вы очень интересная

женщина, Лидія Николаевна. И возбуждаете во мнѣ... какъ это по-вашему... любопытство.

Лидія инстинктивно отстранилась.

— Не безпокойтесь! Я буду сегодня до конца въ роли патера и прослушаю вашу исповѣдь. Я умѣю сдерживать свое любопытство. Иногда представлять себѣ бываетъ пріятнѣе, чѣмъ видѣть.

— Я уже кончила, кончила... И зачѣмъ я все это сказала!.

— Не огорчайтесь! Это все очень мило... Я увѣренъ, что въ любви вы очень оригинальны. Понимаете ли вы, напримѣръ, что влагаютъ люди въ понятіе измѣна, невѣрность?

— Да, кажется, понимаю, но я не могу испытывать ужаса передъ измѣной...—вяло сказала Лидія. Послѣ возбужденія наступила усталость и теперь опять было трудно и неинтересно говорить.

— А я вотъ просто-таки не понимаю,—говорилъ Пѣночкинъ.—Вообще не понимаю ни одной драматической коллизіи чувствъ. Я постигаю ужасъ нищеты, радость славы, успѣха... Это, кажется, единственныя человѣческія чувства во мнѣ. Больше всего я люблю бросать камешки въ море и смотрѣть, какъ они рикошетомъ летятъ по водѣ. Вѣроятно, такое же наслажденіе испытываетъ кошка, играя бумажкой... Полное и самоцѣльное удовольствіе. Я люблю лѣтомъ собирать грибы и бродить по лѣсу. Я люблю гоняться за женщинами и дѣлаю это такъ же радостно и безо всякихъ угрызеній совѣсти, какъ... ну, какъ мой песъ Бойко... Еще есть во мнѣ ужасъ смерти. И не только за себя, но и за другихъ. Не знаю, есть ли это чувство у животныхъ. Вѣроятно, есть. Знаете, я иногда просто испытываю неловкость въ человѣческомъ обществѣ. Люди о чемъ-то говорятъ, разбираются въ тонкихъ, субтильныхъ мелочахъ взаимныхъ отношеній, утопаютъ въ выдуманныхъ словахъ: честно, благородно, тактично, корректно и т. д., а мнѣ ка-

жется, что они притворяются, нарочно манерничаютъ и про себя смѣются другъ надъ другомъ... Такъ бы заржалъ вдругъ въ пику имъ всѣмъ, заржалъ бы искренне, по-жеребячьи... Вотъ-те и на, Лидія Николаевна, а вы дремлете?

— Я... Нѣтъ... Я такъ... Я слышала, вы хотите ржать по-жеребячьи... А я спать хочу, ой, спать хочу!—Лидія зѣвнула протяжно, съ наслажденіемъ.

XVIII.

Умственное развитіе Сергѣя Петрова началось задолго до знакомства его съ революціонной средой. Еще мальчикомъ, окончивъ курсъ школы, онъ пристрастился къ чтенію. Мечты его рано приняли романтическое направленіе. Питомецъ воспитательнаго дома, онъ не зналъ ни отца, ни матери. Въ дѣтствѣ твердо и горячо вѣрилъ, что счастливый случай столкнетъ его съ родителями, непремѣнно прекрасными и возвышенными людьми, благородной крови... Живя этими мечтами, онъ всегда старался одѣваться чисто, говорить и вести себя такъ, какъ это дѣлали благородные мальчики въ книгахъ. Въ тяжелую переходную эпоху отъ отрочества къ юности въ душѣ его произошелъ переломъ. Преклоненіе передъ людьми высшихъ слоевъ смѣнилось жгучей ненавистью къ нимъ. И теперь еще внутренне, хотя уже не признаваясь себѣ въ этомъ, онъ считалъ себя выходцемъ изъ этого высшаго слоя, но тѣмъ острѣй презиралъ его и проклиналъ, отожествляя ненависть ко всему міру богатыхъ и счастливыхъ съ ненавистью къ своимъ неизвѣстнымъ родителямъ. Но онъ не зналъ еще путей борьбы съ господами жизни. И терзаясь безплодной и безысходной ненавистью, онъ, словно въ пику враждебному міру порядочныхъ людей, или на зло своимъ благороднымъ родителямъ, братался съ подонками общества, льнулъ къ разнымъ бывшимъ людямъ и неудачникамъ, разжигавшимъ въ немъ злобу противъ баловней жизни. Въ этотъ темный періодъ

своей жизни онъ научился пить и быстро пристрастился къ вину.

Петровъ самъ натолкнулся на марксистскую литературу. Умѣя читать книгу, онъ безъ посторонней помощи разобрался въ основахъ ученія и, когда рѣшилъ, что можетъ уже быть практически полезенъ движенію, сталъ искать нужныхъ ему людей. Онъ сразу завоевалъ себѣ видное положеніе въ организаціи. Новыхъ товарищей онъ подраздѣлилъ на „дѣльныхъ“ и „пустозвоновъ“ и съ самаго начала сталъ въ твердыя опредѣленныя отношенія къ тѣмъ и другимъ. Но близко не сошелся ни съ кѣмъ изъ новыхъ друзей и особенно чуждался женщинъ-товарищей. Эти женщины своими одеждами, манерами и языкомъ напоминали ему книжныхъ героинь, тѣхъ „благородныхъ женщинъ“, о которыхъ онъ мечталъ въ отрочествѣ и ранней юности, и онѣ влекли его къ себѣ. Но онъ зналъ, что надо забыть объ ихъ женственности, что нельзя нѣжно понижать голосъ, обращаясь къ нимъ, и опускать глаза подъ ихъ взорами, что надо рѣзкимъ и сухимъ тономъ говорить съ ними о серьезныхъ мужскихъ дѣлахъ и отрывистымъ небрежнымъ движеніемъ пожимать ихъ тонкія, нѣжныя ручки. И это тяготило его. Всегда опасаясь взять невѣрный тонъ и внутренне негодуя на себя за свою сентиментальность, онъ держалъ себя преувеличенно холодно и даже грубо съ ними.

Лидія произвела на него особенно сильное впечатлѣніе, и именно поэтому онъ сталъ съ ней съ самаго начала во враждебныя отношенія и ревниво слѣдилъ за собой, съ тайной болью день за днемъ доказывая себѣ, что она—по верхностная, пустая и неинтересная дѣвушка. Мирра интересовала его меньше, но съ ней, такой печальной и хрупкой, особенно трудно было говорить грубымъ и дѣловитымъ тономъ и, маскируя свое стѣсненіе, онъ обращался къ ней всегда насмѣшливо, словно издѣваясь надъ ней, и Мирра боялась его. И только съ веселой хохотушкой Агатой Петровъ чувствовалъ себя просто, по дружески. Она не

отличалась чертами романтическихъ героинь, не казалась ему принадлежащей къ другому враждебному и въ то же время манящему къ себѣ міру. Агата напоминала ему манерами и обращеніемъ простыхъ дѣвушекъ изъ-за заставы. Она сама первая подошла къ нему такъ же просто и весело, какъ дѣвушка его круга, и въ ея тонѣ не было и тѣни маскируемаго снисхожденія, которое всегда чувствовалось въ отношеніяхъ Лидіи къ рабочимъ.

Петровъ, въ началѣ предвыборной кампаніи скептически относившійся къ самой идеѣ участія рабочихъ въ черносотенной Думѣ, постепенно захваченный настроеніемъ рабочихъ массъ, работалъ теперь съ увлеченіемъ. Яркій ораторъ, остроумный оппонентъ, онъ выступалъ на митингахъ и за заставой передъ рабочими, и въ городѣ передъ „обществомъ“. Но дѣятельность агитатора и оратора была ему не по душѣ. Настоящимъ дѣломъ казалась ему только кропотливая и суетливая работа организатора. И только когда его усиліями, словно у него подъ руками, твердѣла и оформлялась рыхлая и расплывчатая людская масса, когда онъ чувствовалъ, какъ вокругъ него, будто вокругъ кристаллизаціоннаго центра, наростаютъ твердые и крѣпкіе кристаллы рабочей организаціи, онъ испытывалъ творческую радость и удовлетвореніе.

Погода стояла тихая, и, хотя снѣгъ еще лежалъ твердой и бѣлой пеленой, было тепло. Петровъ рѣшилъ устроить массовку подъ открытымъ небомъ, въ лѣсу на полянѣ. Было воскресное утро. Собралось человѣкъ двѣсти рабочихъ. Расположились на камняхъ или просто на утрамбованномъ крѣпкомъ снѣгу. Рабочіе сидѣли, не тяготясь ожиданіемъ, разговаривали между собой, смотрѣли на небо, синее и такое близкое въ зимній солнечный день. Одинъ Петровъ ходилъ между ними, безпокойный и взволнованный. Когда онъ шелъ къ полянѣ лѣсной дорогою, онъ замѣтилъ за деревомъ казака на лошади. Массовка несомнѣнно вы-

слѣжена. Объявить ли объ этомъ и распустить собраніе? Вѣроятно, сейчасъ нагрянутъ казаки.

Но, перебирая эти мысли, Петровъ медлилъ обратиться къ товарищамъ. Предстоящая встрѣча съ казаками волновала его не страхомъ, а жуткой радостью.

Онъ много разъ слышалъ разсказы о томъ, какъ десятокъ казаковъ разгонялъ тысячную толпу. Но какъ то не вѣрилъ этому. Въ ровной и спокойной рабочей толпѣ, гдѣ не было женщинъ, онъ всегда ощущалъ физическую невозможность внезапнаго смятенія. Ему казалось, что устойчивая масса рабочей толпы, слитная и крѣпкая, не можетъ быть распылена и разорвана случайнымъ ударомъ извнѣ. Однажды и ему пришлось видѣть, какъ на демонстраціи со студентами казаки сзади аттаковали толпу. Ихъ было не болѣе полудесятка и они очистили улицу. Но онъ зналъ, что не казаки вызвали панику въ толпѣ демонстрантовъ, а пронзительные истерическіе крики, которые какъ пила вонзаются зубцами въ тѣло и рождаютъ чисто тѣлесное мускульное желаніе бѣжать и не слышать.

А теперь среди нихъ нѣтъ слабосильныхъ и женщинъ. Они могли бы встрѣтить казаковъ спокойно и твердо, не двигаясь съ мѣста...

Но пока Петровъ, погруженный въ свои мысли, ходилъ по полянѣ, не говоря рабочимъ ни слова, издалека донесся топотъ лошадей.

— Товарищи!—сказалъ Петровъ громко и твердо—это казаки. Пусть никто не трогается съ мѣста. Мы встрѣтимъ ихъ словомъ, не бѣгствомъ!

Но рабочіе, пораженные этимъ извѣстіемъ, повскакали со своихъ мѣстъ, сбились въ кучу и загудѣли, обсуждая, что дѣлать.

Большинство согласилось съ Петровымъ: бѣжать поздно, поймаютъ по дорогѣ, изобьютъ. Лучше поджидать ихъ на мѣстѣ. Если держаться смирно, не тронутъ. Петровъ не

успѣлъ или не хотѣлъ имъ сказать, что собирается обратиться съ рѣчью къ казакамъ.

Подъ вечеръ, возвращаясь изъ участка, гдѣ приставъ переписалъ участниковъ собранія, застигнутаго казаками въ лѣсу, Петровъ старался отогнать отъ себя назойливыя мысли объ утренней неудачѣ. Рука, пораненная ударомъ нагайки, ныла, и онъ старался убѣдить себя, что только эта боль и безпокоитъ его. Вѣдь въ томъ, что случилось, не было ничего позорнаго: съ казаками явился офицеръ, и, понятно, что они не могли слушать словъ Петрова. Онъ схватилъ рукой лошадь сотника подъ уздцы, но ударъ нагайки отбилъ его руку...

Но вѣдь онъ рѣшилъ больше не думать объ этомъ. Отъ каждой неудачи нельзя падать духомъ. Рабочіе сдѣлали все, что могли... А все же гдѣ-то назойливо сосало и тянуло. Вѣроятно, въ рукѣ...

Проходя мимо винной лавки, Петровъ безсознательно замедлилъ свой шагъ. Но замѣтивъ это, пошелъ нарочно быстрѣе мимо. И будто отъ того, что отдалялся все больше отъ лавки, становилось все томительнѣе и безпокойнѣе внутри. Тогда онъ заставилъ себя вспомнить свое рѣшеніе: когда тоска погонитъ къ вину, пойти въ театръ, въ концертъ.

Гипнотизируя себя этой идеей, онъ поспѣшно пошелъ домой, перемѣнилъ блузу на пиджакъ и поѣхалъ въ городъ.

Въ театръ онъ пришелъ поздно. Попалъ только на второе дѣйствіе. Мѣсто его было высоко на галлереѣ. Изогнувшись всѣмъ тѣломъ, черезъ узкій просвѣтъ между чужихъ спинъ и головъ, онъ смотрѣлъ, какъ на небольшомъ пространствѣ, будто на экранѣ, метались какіе-то люди, и ловилъ отрывочныя фразы ихъ діалоговъ. Добросовѣстно силился, но не могъ понять, въ чемъ дѣло. Дождавшись антракта, онъ съ трудомъ выбрался, наступая на

ноги сосѣдей, изъ своего ряда и пошелъ бродить по фойэ. Разглядывалъ публику, стараясь не думать о своемъ, но рука ныла и все возвращала мысли къ утреннему. Случайно онъ попалъ въ буфетъ. Но когда увидѣлъ хороводы бутылокъ на длинныхъ столахъ, вдругъ понялъ, что все время томится желаніемъ выпить. Что-то стояло внутри, отъединяя отъ живой теплой жизни, запирая всѣ его чувства, что-то мутное, тягучее, и, казалось, острая жгучая жидкость растворитъ эту муть. Петровъ уже подошелъ къ стойкѣ, но потомъ опять отодвинулся къ дверямъ. Ему нельзя пить. Это всегда такъ начинается.

Пока Петровъ колебался, въ буфетъ, задѣвъ его плечомъ, быстрой упругой походкой вошелъ Афанасій Ивановичъ, одинъ изъ партійныхъ работниковъ, котораго Петровъ зналъ въ лицо. Объ руку съ нимъ шелъ другой товарищъ, изъ литераторовъ.

— Иванъ Ильичъ, по рюмочкѣ!—Они подошли къ столу и, не прерывая бесѣды, выпили по рюмочкѣ, затѣмъ по другой, закусили буттербродами и „для дессерта“ выпили еще по рюмкѣ коньяку. Затѣмъ отошли отъ стойки и, продолжая разговоръ, начатый до выпивки, пошли спокойнымъ шагомъ по корридору фойэ.

Петровъ съ жадностью слѣдилъ за тѣмъ, какъ они пили. Мгновеніями ему казалось, что онъ ощущаетъ во рту вкусъ водки, которую они глотали, и въ то же время испытывалъ какое-то безпокойство за нихъ, провожалъ глазами рюмки, которыя они опрокидывали въ ротъ, будто это была ядовитая жидкость...

Но когда они, насытившись, ничуть не измѣнившись ни лицами, ни голосомъ, продолжая серьезную бесѣду, отошли отъ стола, вдругъ острая злоба, завистливое раздраженіе охватило Петрова.

Имъ можно! Имъ все можно. Для нихъ это не ядъ, одно удовольствіе. Имъ не мерещится на днѣ рюмки буйство и слѣпой кровавый разгулъ... Въ ихъ жилахъ течетъ

какая-то другая, спокойная, чистая кровь. Выпили по три рюмки и пошли, разговаривая, а въ карманахъ у нихъ тугіе, полные кошельки. А онъ послѣ трехъ рюмокъ закладываетъ жилетъ для четвертой, послѣ десятой готовъ за горло схватить сидѣльца, чтобы получить одиннадцатую... Кто-то влилъ въ его жилы отравленную жадную кровь. И если у него будетъ когда-нибудь сынъ, и того задушитъ эта черная кровь...

Антрактъ кончился, но Петровъ не вернулся на свое мѣсто. Вышелъ изъ театра и пѣшкомъ пошелъ домой за заставу.

И когда шелъ по узкимъ улицамъ пригорода, покрытымъ загрязненнымъ снѣгомъ, казалось ему, что изъ-подъ калитокъ зловонныхъ двориковъ несется пряный и липкій запахъ пьяной нищеты.

И онъ старался не слышать его и не смотрѣть на сѣрую линію заборовъ, хотѣлъ заставить себя думать о будущемъ, въ которое вѣрилъ, котораго ждалъ. Говорилъ себѣ вслухъ, что это будущее расчиститъ міръ отъ заборовъ, откроетъ линію горизонта, скрытую теперь рядами грязныхъ домовъ. Сколько разъ въ минуты душевнаго напряженія онъ ярко видѣлъ передъ собой этотъ будущій міръ, чувствовалъ его въ себѣ и вокругъ съ такою неопровержимой отчетливостью, что ждалъ его ежеминутно, не какъ чуда, а какъ неизбѣжно-законнаго. Но сегодня тусклый міръ вокругъ не хотѣлъ преображаться. Мечта о прекрасномъ и радостно-близкомъ казалось сегодня безжизненной сказкой. И не было въ душѣ живого огня, чтобы освѣтить изнутри волшебную воображаемую панораму.

Онъ шелъ небрежной походкой и на ходу досадливо отбрасывалъ ногой твердые комки слежавшагося сѣраго снѣга, провожалъ ихъ вглядомъ и смотрѣлъ, какъ они разсыпались, ударяясь о доски забора.

— Проклятые! проклятые!—твердилъ онъ про себя.

Потомъ въ недоумѣніи задалъ себѣ вопросъ, кого ру-

гаетъ, на кого все время сердится. Вспомнилъ двухъ интеллигентовъ, пившихъ водку въ буфетѣ. и подумалъ, что это на нихъ. Представилъ себѣ, какъ они пили, запрокидывая головы и въ промежуткахъ оживленно бесѣдуя, какъ одинъ изъ нихъ покрякивалъ и вытиралъ ладонью холеную бороду и вдругъ снова, какъ тогда въ буфетѣ, остро ощутилъ вкусъ водки, такъ ясно, будто она уже во рту и сейчасъ сладостно обожжетъ горло и грудь.

— Чортъ побери! Отчего ему и не выпить? Проглотить двѣ рюмки это не пьянство. У него достаточно воли, онъ сумѣетъ во-время остановиться.

И тутъ въ памяти ярко встала картина. Это случилось мѣсяцевъ шесть тому назадъ. Послѣ запойной недѣли онъ лежалъ у себя въ каморкѣ въ пиджакѣ на голомъ тѣлѣ, босой, со вздувшейся синей щекой. Въ рукахъ у него былъ револьверъ. Онъ не помнитъ, чтобы принималъ рѣшеніе застрѣлиться, но, вѣроятно, это рѣшеніе, помимо его сознанія, созрѣло внутри. И вотъ, вертя оружіе въ рукахъ, онъ вдругъ припомнилъ, какъ въ угарные часы запоя приходилъ шарить по комнатѣ, чтобы найти что-нибудь для закладa, и наткнулся на револьверъ. Торжествующій схватилъ его, чтобы пропить, но тутъ въ слѣпомъ, клубившемся спиртными парами сознаніи мелькнуло, что оружіе не его, а организаціи и, оставивъ револьверъ, онъ побѣжалъ пропивать сапоги и рубашку, что были на немъ; три дня потомъ не возвращался домой, боялся, что пропьетъ револьверъ. И когда это припомнилось въ тяжелую минуту послѣ запоя, онъ подумалъ, что все-таки еще не совсѣмъ погибъ, что у него есть стерегущая его воля, даже тогда, когда онъ теряетъ себя. Онъ отложилъ оружіе въ сторону и во имя своихъ стремленій и дѣла, съ которымъ сросся, далъ себѣ слово не пить.

— Но вѣдь одна-двѣ рюмочки— это не пьянство. Только чтобы заглушить тоску...

Онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ. На столѣ передъ нимъ

стояла бутылка. Но теперь онъ не спѣшилъ откупоривать ее. Онъ зналъ, что все кончено. Теперь онъ будетъ пить и ничто больше не удержитъ его. И уже сейчасъ не было остраго желанія водки, физической жажды ея, но онъ сознавалъ, что это неотвратимо и не пытался бороться съ собой. Сидѣлъ тупой, покорный неумолимому велѣнію, но не поднималъ руки къ роковой бутылкѣ. Даже это движеніе казалось усиліемъ, а потому труднымъ и лишнимъ. И ждалъ, пока подкатится острый моментъ и оно само придетъ, сдвинетъ съ мѣста окружающій міръ и закружитъ его въ трепетно-жуткомъ, угарно-прекрасномъ, ярко и быстро перемѣнчивомъ вихрѣ...

Въ окно постучали. Петровъ не поднялъ головы. Чувствовалъ себя такимъ обособленнымъ отъ настоящаго міра, что этотъ стукъ не могъ относиться къ нему. Но стукъ возобновился и настойчиво бился въ стѣнки запертаго сознанія, пока не достигъ до него.

Стучалъ Кирюша. Когда Петровъ отворилъ ему, онъ быстро, какъ бы даже не видя Петрова, вошелъ въ комнату и два раза изъ угла въ уголъ пробѣжалъ ее всю, будто гдѣ-то долго и много ходилъ, и разогнавшись на ходу, не могъ остановиться теперь.

— Чего ты?—изумленно спросилъ его Петровъ.

— Сережа, у меня скверныя мысли... Ну вотъ ты скажи, какъ ты думаешь? Развѣ мы, вотъ такіе, какъ мы, развѣ сумѣемъ войти въ соціализмъ, жить въ немъ, устроить его?—онъ говорилъ горестно и страстно, и не для того, чтобы получить отвѣтъ отъ Петрова.

— Съ чего это ты?

— Не знаю. Но я чувствую, что все это не такъ. Все идетъ черезъ злобу и самолюбіе, черезъ мерзость. На этомъ строимъ, этимъ боремся. Я не вѣрю, что такими руками мы воздвигнемъ свѣтлое. Ты вѣдь подумай; мы звѣриную злобу воспитываемъ. Не щадимъ дѣтей! —Горло перерываемъ сами другъ другу.

— Ты все свое! Я ужъ это слышалъ. Ты хотѣлъ бы мирными средствами. Чтобы они насъ сосали, а мы только учили ихъ или прятались отъ нихъ. Почему же сегодня утромъ ты не побѣжалъ отъ казаковъ? Не смѣй говорить мнѣ такъ! Или бороться, чувствовать, какъ мы ломимъ ихъ, душимъ, или... или все къ чорту, если мы не можемъ, все, все!..

Петровъ выкрикивалъ эти слова и стучалъ кулакомъ, а самъ съ тоскливой радостью прислушивался, какъ звенѣли бутылки и стаканы мелкой стеклянной дрожью на столѣ.

— Не стучи! Ты водку пить собирался? Не надо. Слушай, Сережа, ты знаешь больше меня, я хочу, чтобы ты мнѣ сказалъ, какъ ты думаешь, когда оно будетъ?

— Что оно? Не смотри, какъ юродивый! Говори толкомъ!

— Будущій строй, соціализмъ...

— Тебѣ бы вынь его, да положь! А ты подожди, голубчикъ мой, тебѣ-то все равно не видать его.

— А я не могу ждать... И ты не можешь, Сережа, только такъ говоришь.—И помолчавъ, Кирюша тихо прибавилъ:

— Если бы можно было черезъ какую-нибудь муку сразу, теперь же придти къ этому. Такъ лечь всѣмъ народомъ на терзаніе и погибнуть въ боли и знать, что возстанутъ завтра изъ крови другіе, новые и достойные...

И оба замолчали. Сидѣли другъ противъ друга и передъ ними на столѣ стояла забытая, ненужная бутылка, и оба думали по разному объ одномъ.

XIX.

Сегодня вечеромъ Мирра поѣхала за заставу не въ кружокъ, а на именины къ Петрову.

Она пріѣхала поздно. Собралось человѣкъ восемь рабочихъ. Среди нихъ была и Агата.

Когда Мирра вошла, рабочіе возбужденно и эло спорили между собой.

— Называйте меня, какъ хотите. Не испугаете кличкой! А мнѣ все это надоѣло! Доколѣ же мы будемъ канителиться вокругъ Думы! Вторая Дума? Подождите, черезъ годъ будетъ десятая счетомъ. И все рявно никого изъ своихъ не проведемъ,—а пока будемъ хороводиться съ кадетами...—говорилъ молодой рабочій Клещъ.

— Что же по-твоему? Партизанскія выступленія, экспропріаціи?—спрашивалъ Кирюша.

— Дѣло не въ экспропріаціяхъ! Кое въ чемъ Клещъ правъ,—перебилъ его Петровъ.—Я поднималъ на послѣднемъ засѣданіи комитета вопросъ о профессіональныхъ союзахъ, почему этотъ вопросъ сняли съ очереди? „Есть болѣе жгучіе вопросы!“ А развѣ два мѣсяца тому назадъ, полъгода тому назадъ мнѣ не отвѣчали тѣмъ же?

Мирра, стоя въ дверяхъ, слышала эти слова. Она чувствовала, что слѣдовало бы вмѣшаться, но не хватало рѣшимости вступить въ споръ съ упрямымъ Петровымъ. Проскользнувъ за его спиной, она подсѣла къ Кирюшѣ.

А Петровъ, не замѣчая ея, продолжалъ громить интеллигенцію и Думу. Онъ выпилъ лишнее и былъ возбужденъ.

— Петровъ,—закричала Агата,—вѣдь вы на именины звали! Этакъ надоѣстъ все про Думу.

— Брось, Сережа!—присоединился къ ней и молодой рабочій Ваня, все время усердно подчевавшій Агату водкой.

Петровъ обвелъ глазами общество и, только теперь замѣтивъ Мирру, остановилъ на ней пристальный, тяжелый взглядъ.

— А, Мирра! Пришла. То-то же!—потомъ помолчалъ и прибавилъ съ усмѣшкой, не отводя отъ нея взора:

— Печальница!

Мирра пыталась сдѣлать видъ, что вовсе не слышитъ его словъ и обернувшись къ Кирюшѣ, стала разсказывать ему о томъ, что пишутъ въ заграничной прессѣ о думской

кампаніи. Еще дома она рѣшила, что это будетъ наиболѣе подходящій предлогъ, чтобы завязать общую бесѣду. Но теперь смущенная явной недоброжелательностью Петрова, она почти шептала одному Кирюшѣ то, что собиралась громко разсказать всѣмъ.

Вечеръ тянулся вяло. Къ Миррѣ и Кирюшѣ подсѣли еще двое рабочихъ и слушали съ сосредоточенными лицами, ничего сами не говоря и не спрашивая. И Мирра говорила, не останавливаясь и съ ужасомъ думая о томъ, что сейчасъ матеріалъ ея будетъ исчерпанъ.

Въ другомъ углу комнаты возлѣ Агаты сгруппировалось нѣсколько молодыхъ рабочихъ, въ ихъ числѣ и Ваня. Одинъ изъ рабочихъ въ юмористическихъ выраженіяхъ разсказывалъ о своемъ столкновеніи съ полиціей, выставляя себя храбрецомъ и балагуромъ, и рабочіе покрывали каждое его слово дружнымъ хохотомъ. Петровъ сидѣлъ одинъ, опершись о столъ, и однимъ ухомъ прислушивался къ тому, что разсказывала Мирра. Время отъ времени онъ наливалъ себѣ изъ бутылки водки.

Мирра кончила. Кирюшѣ хотѣлось что-нибудь сказать по поводу разсказаннаго ею, но онъ ничего не находилъ подходящаго и только промолвилъ: „да, видно у нихъ иначе, чѣмъ у насъ“, хотя Мирра вовсе и не говорила о заграничныхъ порядкахъ.

Двое слушавшихъ ее рабочихъ посидѣли еще минуты двѣ, ожидая, не разскажетъ ли она еще чего, но, очевидно убѣдившись, что она кончила, отошли къ группѣ смѣявшихся рабочихъ, и черезъ минуту на ихъ лицахъ вмѣсто прежняго сосредоточенно-внимательнаго установилось выраженіе веселой готовности разсмѣяться, когда это потребуется.

— Что же, Мирра, не угощаетесь?—и Петровъ протянулъ Миррѣ свой стаканъ, наливъ его до краевъ пивомъ.

— Спасибо, товарищъ, я не пью!—Мирра старалась улыбнуться ему.

— Это что же? Коль къ намъ пришли, такъ не брез-

гайте! Не желаете? Что-жъ и не надо—и онъ опрокинулъ стаканъ себѣ въ ротъ.

— Я не брезгую,—сказала Мирра,—вотъ я конфекты съ удовольствіемъ буду ѣсть,—и торопливо стала развертывать леденецъ. Но бумажка плотно прилипла къ конфектѣ и Мирра тщетно старалась освободить таявшій въ ея рукахъ леденецъ отъ сѣроватыхъ кусочковъ. Побоялась, что Петровъ подумаетъ, она брезгаетъ и сунула леденецъ, облипшій бумажкою, въ ротъ. Давясь ѣла его, не рѣшаясь поднять глазъ на Петрова.

Но онъ уже забылъ про нее.

— Чего вы, черти, гогочете! Все вретъ!—закричалъ онъ въ сторону смѣявшихся рабочихъ.—Подите ко мнѣ, Агата, хоть съ вами выпьемъ.

Агата охотно подсѣла къ нему и, смѣясь его пьянымъ шуткамъ, пила изъ его стакана.

Потомъ Петровъ снова вспомнилъ о Миррѣ. И теперь грубо и настойчиво, протягивая ей рюмку водки, сказалъ:

— Выпейте, барышня! Нечего въ сторону коситься! Пролетарскаго зелья, небось, не хотите отвѣдать!

Рубашка на груди его была разстегнута, изъ подъ нея виднѣлась волосатая грудъ, и это конфузило Мирру. Она старалась глядѣть такъ, чтобы не замѣчать его разстегнутой рубахи, и всего его растерзаннаго вида, но ей казалось, что всѣ замѣчаютъ ея смущеніе и издѣваются надъ ней. Какое-то злорадство чудилось ей въ пьяныхъ усмѣшкахъ рабочихъ, но она пыталась отшучиваться.

— Куда мнѣ пить, нѣжной интеллигенткѣ,—и кривила губы улыбкой.

Но Петровъ настаивалъ.

Тогда бодрясь и взвинчивая себя, она воскликнула, вставая со своего мѣста:

— Что жъ вы все пьете, товарищи? Давайте, споемъ что-нибудь!

— Пѣть! Пѣть!—подхватили рабочіе.

Но Петровъ схватилъ Мирру за руку.

— Говорю, пейте! Что, меня боитесь? Межъ своихъ, небось, не гнушаетесь...

Онъ потянулся къ ней всѣмъ тѣломъ, крѣпко сжимая ея руку. Стулъ подъ нимъ затрещалъ и накренился.

— Ну, ты, дьяволъ!—Кирюша сильнымъ ударомъ въ плечо оттолкнулъ Петрова.

— Не дерись! Скулу сворочу!—Забывъ о Миррѣ, свирѣпый и дикій, Петровъ замахнулся на Кирюшу. Но ударъ пришелся мимо, по столу.

Полетѣла на полъ посуда, пролилось пиво. Человѣческая ругань и вопли слились со стукомъ падающей мебели... Гдѣ-то у стола или подъ столомъ барахтались дерущіеся люди, подлѣ нихъ толпились, стуча сапогами, разнимающіе ихъ, и въ воздухѣ стоялъ рѣзкій запахъ пива и табачный дымъ...

Мирра, лежа грудью на столѣ, плакала. Тупой животный ужасъ охватилъ ее. Она никогда не видала пьяныхъ людей вблизи себя и на улицѣ всегда перебѣгала на другую сторону, завидѣвъ издали пьянаго.

А Агата, полусонная, ослабѣвшая отъ выпитаго вина съ блаженной улыбкой смотрѣла на все, происходившее вокругъ.

Какія-то смутныя картины ранняго дѣтства возникали у нея въ головѣ. Темный отцовскій кабинетъ и дверь въ столовую.. Они съ братишкой на полу, у дверной щели.. Въ столовой—гости, веселые мужчины, дамы въ пышныхъ прическахъ, съ румяными щеками... Звонъ стакановъ, визгъ женщинъ и брань, а потомъ хохотъ и возня... а рано поутру бѣгали они съ братомъ босикомъ въ столовую допивать остатки вина изъ стакановъ, искать подъ столомъ оброненные конфекты и орѣхи...

Ей совсѣмъ не было страшно. Какая-то буйная веселость рождалась внутри, превозмогая усталость. Обрывки давно забытыхъ, уличныхъ куплетовъ, слышанныхъ въ дѣт-

ствѣ на кухнѣ и въ людской, вставали въ памяти. И она безсознательно повторяла ругательства, раздававшіяся вокругъ, радуясь имъ, какъ роднымъ и милымъ звукамъ изъ далекаго прошлаго...

Возня на полу прекратилась. Что-то тяжелое, барахтающееся подхватили на руки и понесли изъ комнаты.

Это былъ Петровъ со скрученными назадъ руками...

Потомъ вернулись обратно. Лица у всѣхъ были злыя.

— Поѣдемъ домой, товарищъ, я васъ провожу,—сказалъ Кирюша, трогая плачущую Мирру за плечо.

Она брезгливо вздрогнула и быстро поднялась.

Вокругъ смотрѣли на нее съ состраданіемъ.

— Не сердитесь, товарищъ,—сказалъ Ваня,—какъ напьются, всегда—свиньи.

— Къ нашимъ не легко привыкнуть. И стыда не знаютъ. Хоть бы товарищей постѣснялся...—прибавилъ одинъ изъ слушавшихъ ее раньше рабочихъ.

— Тоже, сознательный!—замѣтилъ другой и сплюнулъ.

Миррѣ подали шубу, шапочку, услужливо, предупредительно, но старались не смотрѣть на нее.

Она неловко одѣвалась, долго не могла попасть ногой въ высокія рваныя галоши, долго не находила рукава шубки, а вокругъ всѣ молчали, стѣсненные ея видомъ, чувствуя себя виноватыми передъ ней...

— Ну, Агата? Что жъ не одѣваетесь?—спросилъ Кирюша...

— Я остаюсь!—закричала Агата весело.—Танцовать будемъ, пѣть будемъ. А ну-ка, начинай Ваничка!

— Вотъ такъ товарищъ!—оживляясь воскликнулъ Ваня.—Пропагандисточка моя разлюбезная!

Вокругъ все сразу зашевелилось.

— Сгулья къ стѣнкамъ! Столъ прочь!—распоряжался Ваня, а Агата напѣвала, притоптывая ногой.

„Моя мама-барыня,
Папа капитанъ,

Старшій братъ исправникомъ,
Младшій шарлатанъ...“
Потомъ вскочила съ мѣста.

— Плаксѣ Ивановнѣ спокойной ночи!—и присѣла передъ Миррой.

Рабочіе засмѣялись.

Мирра бросилась къ выходу. Кирюша шелъ за нею.

Ему хотѣлось утѣшить ее, извиниться передъ ней за всѣхъ, за весь пролетаріатъ, за весь міръ, стать передъ ней на колѣни и тоже плакать. Но она шла, отстраняясь отъ него, совсѣмъ чужая, боящаяся его.

И ему вспомнилась барыня, у которой онъ годъ служилъ кучеромъ, которую возилъ изо дня въ день, чувствуя ее постоянно за своей спиной, но которую никогда не видалъ безъ шляпки и вуали и не зналъ въ лицо...

Когда они очутились на улицѣ, Мирра съ первымъ глоткомъ свѣжаго воздуха вдругъ вспомнила о томъ, о чемъ словно совершенно забыла въ этотъ вечеръ.

О томъ, что есть еще другой міръ и другіе люди и что тамъ, въ городѣ, въ уютной квартирѣ Рѣкушей, Сергѣй Ивановичъ тоже справляетъ свои именины, но иначе, совсѣмъ иначе...

Это воспоминаніе блеснуло сначала гдѣ-то глубоко внутри и показалось незначительнымъ, но потомъ стало разгораться, разгоняя липкіе комья стыда и ужаса...

И озабоченнымъ, но уже звонкимъ и полнымъ голосомъ она спросила, обращаясь къ шедшему за ней Кирюшѣ:

— Который часъ, товарищъ?

Онъ не ожидалъ ни этого голоса, ни этого вопроса.

— Не больше одиннадцати. Еще бы пировать, а вотъ на!—прибавилъ онъ, желая попасть въ тонъ ея настроенія.

— Не позже? Вотъ хорошо. Извозчикъ! Извозчикъ!—закричала Мирра и почувствовала, какъ звуки ея голоса, вылетая изъ груди, уносятъ съ собой весь осадокъ этого ужаснаго вечера.

Она почти не попрощалась съ Кирюшей, руки ему не подала и уѣхала, всю дорогу радостно думая о томъ, что ее ожидаетъ, зло и досадливо вдавливая обратно вдругъ возникавшія обидныя воспоминанія о вечерѣ за заставой.

Когда голосъ Мирры послышался въ передней, Сергѣй Ивановичъ радостно вскочилъ со своего мѣста. Онъ уже усталъ отъ шумной компаніи и время отъ времени поглядывалъ на бутылки, стоявшія въ изобиліи на столѣ. Матильда замѣчала его взгляды и ходила за нимъ, какъ тѣнь, отодвигая предупредительно бутылки отъ того мѣста, гдѣ онъ садился. Но это только раздражало его и онъ рѣшилъ пить, какъ казалось ему самому, только на зло ей.

Онъ оборвалъ тусклый разговоръ съ Пѣночкинымъ на полусловѣ и выбѣжалъ навстрѣчу Миррѣ.

— Да будетъ позволено моимъ буржуазнымъ рукамъ освободить васъ отъ пролетарскихъ калошъ!

Онъ сталъ передъ ней на колѣни. Глаза его смотрѣли на нее съ лаской и желаніемъ, но это желаніе не оскорбляло ея. Въ воспоминаніи на мгновенье снова возникли глаза пьянаго Петрова и исчезли, а она задорно мотая ногами, говорила:

— У, неловкій! у, неловкій! Не умѣетъ!..

XX.

Матильда со своимъ сынишкой уѣхала погостить къ матери въ Ригу. Не рѣшаясь оставить квартиру безъ присмотра,—она бо́льше всего на свѣтѣ боялась пожара, хотя имущество было застраховано на значительную сумму,—она пригласила вести хозяйство старую родственницу, Генріэтту Ивановну.

Но въ первый же вечеръ, когда Сергѣй Ивановичъ вернулся домой, онъ нашелъ неожиданныя перемѣны въ своемъ кабинетѣ. Книги на полкахъ были разставлены по

величинѣ, бумаги лежали по правую и по лѣвую сторону стола правильными пирамидами...

Онъ пошелъ въ спальную къ Генріэттѣ Ивановнѣ и попросилъ ее вернуться на Васильевскій Островъ, далъ отпускъ прислугѣ, собралъ съ десяти различныхъ полокъ нужныя книги, которыя лежали раньше вмѣстѣ, отложилъ необходимыя бумаги, безжалостно разрушивъ безукоризненно правильныя пирамиды, и, заперевъ квартиру наглухо, переѣхалъ жить къ Пѣночкину.

Съ этого дня онъ сталъ ежедневнымъ гостемъ у Мирры. Ему не работалось у Пѣночкина, и онъ шелъ къ Миррѣ всегда съ твердымъ намѣреніемъ заниматься дѣломъ. Онъ приносилъ ей отрывокъ начатой статьи и читалъ вслухъ. Она охотно слушала, но избѣгала высказывать свое мнѣніе,—все, что онъ читалъ бывало пріятно слушать, но написанное имъ казалось ей ненужнымъ. Она не понимала, для чего онъ писалъ. Но его присутствіе согрѣвало ее, и она съ утра начинала ждать его. Старалась всѣ очередныя дѣла закончить до его прихода. Даже урокъ снова, какъ въ тѣ времена, когда жила съ Зинкой, переложила съ послѣобѣденныхъ на утренніе часы. Когда она бывала свободна, они и вечера проводили вмѣстѣ.

Сегодня они поѣхали вечеромъ ужинать въ „Римъ“. Миррѣ раньше рѣдко приходилось бывать въ ресторанѣ, и непривычная обстановка, огни и шумный говоръ веселили ее.

Не замѣтила, какъ прошло время, и надо было уходить.

— Мирра Израильевна, какъ же вы? Вѣдь Сергѣй Ивановичъ долженъ ѣхать со мной—позже не попадетъ въ квартиру,—въ замѣшательствѣ спрашивалъ Пѣночкинъ.

— Ахъ, не безпокойтесь! Я одна поѣду, не боюсь, я привыкла...—заторопилась она.

И сразу стало грустно. Вотъ уже все кончилось и опять надо возвращаться домой... Она старалась не думать

о домѣ, и продолжить еще минуты свѣта, легкой шутливой болтовни.

Медленно поднялась она изъ-за стола и пошла къ выходу, чувствуя, какъ холодная комната, тоскливое „завтра“ сѣрыми тѣнями входятъ въ ея душу...

Сергѣй Ивановичъ шелъ за нею. Сегодня у него былъ хорошій день. Одинъ изъ тѣхъ дней, за которые онъ любилъ жизнь, хотѣлъ вѣрить въ Бога. Не то, чтобы въ этотъ день случилось что-нибудь пріятное для него. Хорошимъ былъ этотъ день не потому, что жизнь извнѣ слагалась хорошо, а оттого, что изнутри душа излучала радость и тепло и освѣщала эту жизнь вокругъ...

Онъ весь былъ напряженъ и звученъ сегодня. Какъ натянутая струна. Душа стремилась навстрѣчу къ каждому и рождала для всякаго отзывныя мелодіи. Онъ говорилъ сегодня на тысячу ладовъ съ тысячью людей, всѣхъ радуя и лаская, много говорилъ лживаго и лицемѣрнаго, но говорилъ это искренно и любовно и внутри было торжественно и полно...

Но теперь, когда онъ увидѣлъ впереди себя опустившуюся, сжавшуюся вдругъ фигурку Мирры въ черномъ платьицѣ, идущую неровнымъ сбивающимся шагомъ, онъ какъ бы очнулся, въ душѣ будто занавѣсъ опустили послѣ пышнаго представленія и спѣшно стали тушить лампы.

Онъ небрежно накинулъ пальто, нахлобучилъ шапку и на ходу надѣвая калоши, пошелъ къ двери.

— Мирра, идемте!

— Какъ такъ? Вѣдь вы со мной,—спохватился Пѣночкинъ.

— Я хочу проводить Мирру.

— Гдѣ же вы будете ночевать? Засну, такъ меня не добудитесь...

— Не знаю! Въ ночлежкѣ!..

Рѣкушъ и Мирра, снова веселые, какъ дѣти, взапуски неслись по лѣстницѣ внизъ.

Онъ схватилъ ее сзади за талію обѣими руками и хотѣлъ приподнять.

— Сереженька, глупый, вѣдь увидятъ люди!—отмахнулась она.

Они были на улицѣ. Густой морозъ сразу обжегъ лица.

— Ѣдемъ! Ѣдемъ! Извозчикъ!—кричалъ Сергѣй Ивановичъ.

И острый морозный воздухъ и далеко разносящіеся бодрые звуки голоса и маленькая смѣющаяся фигурка рядомъ снова рождали въ немъ иллюзію жизни и загоняли въ темные углы души сѣрую пустоту...

Онъ поднялъ ее, маленькую и легонькую и усадилъ въ уголъ экипажа, а самъ широко сѣлъ рядомъ. Они поѣхали. Ей было холодно, она дрожала и жалась къ нему, а ему было радостно отъ ожоговъ мороза; она маленькая, мерзнущая, рождала нѣжность; онъ согрѣвалъ ее, прижимая къ себѣ, клалъ ея оледенѣвшія руки къ себѣ на грудь подъ шубу, прижимался лицомъ къ ея холоднымъ щекамъ. Она все позволяла, не останавливаясь мыслью на томъ, что происходило, не испытывая ни волненія, ни неловкости, согрѣваясь душою отъ нѣжной ласки...

Они все ѣхали, разговаривая лишь о морозѣ, о дорогѣ, объ извозчикѣ, близкіе другъ другу, какъ бы родные, давнодавно соединенные вмѣстѣ, сдвинувшись тѣлами, сплетясь руками, уже согрѣтые незамѣтнымъ для нихъ самихъ волненіемъ.

Они были у подъѣзда дома Мирры. Не говоря и не думая, они поднялись вмѣстѣ и, открывая ключомъ дверь, она изумленно сказала:

— Куда же вамъ итти? Идемъ ко мнѣ!

Они вошли, раздѣлись. Въ комнатѣ было свѣтло отъ снѣга на дворѣ, отъ звѣзднаго неба. Спичекъ не нашли и не зажгли лампы. Мирра присѣла на край постели. Вдругъ сказалась усталость. Она какъ-то ослабѣла, стала зябнуть.

— Холодно... — сказала она, ежась. Ей неловко стало въ полутьмѣ.

Сергѣй Ивановичъ ходилъ на ципочкахъ по комнатѣ. Онъ видѣлъ ея смущеніе и ему хотѣлось ее успокоить.

— Давайте печку топить!—сказалъ онъ весело. И его беззаботный и простой тонъ какъ бы разсѣялъ смущеніе.

Крадучись, на ципочкахъ, стали ходить по длинному корридору въ кухню, таская полѣнья. Боялись шумѣть, и пугались, и внутренне веселились каждому неосторожному шагу и неожиданному скрипу. Было весело и жутко. Сдерживали смѣхъ, прикрикивали другъ на друга, бранили полѣнья, хозяйку, шарили по всѣмъ угламъ въ поискахъ за спичками, и когда все устроили и нашли, счастливые и веселые, вернулись въ комнату и, какъ бы опасаясь погони за кражу, тщательно заперли дверь на замокъ.

Топили печку и готовили постели. Набросали у печки всякаго хлама; старое одѣяло, пальто и поверхъ шубу мѣхомъ вверхъ—постель для Сергѣя Ивановича.

Печка ярко разгоралась.

Сергѣй Ивановичъ безъ стѣсненія снялъ воротничекъ и манишку и бросилъ на столъ.

Все между ними было такъ просто и ласково.

И Мирра тоже рѣшилась снять парадное платье.

— Сядьте ко мнѣ спиной, Сереженька!

Онъ легъ на свою шубу и сталъ глядѣть въ печку.

Она сняла платье, накинула капотъ, одѣла мягкія домашнія туфли и подошла къ нему.

— Надо ждать, пока дрова сгорятъ...

Она присѣла рядомъ съ нимъ на мѣхъ.

Онъ повернулся и мягко обнялъ ее за талію.

— Лягте рядомъ!..

Безъ мысли, безъ смущенія, ласково и нѣжно она легла рядомъ съ нимъ. Потомъ обвила его шею руками и тихими поцѣлуями, едва прикасаясь губами, стала ласкать его лобъ, прижимаясь щекой къ щекѣ.

Она не волновалась, не желала его, но вся исходила большой проникновенной нѣжностью.

Онъ сжималъ ее все крѣпче и нѣжность его росла, ширилась и томила его, ускоряя дыханіе, напрягая все тѣло желаніемъ... Еще за минуту онъ любилъ что то безтѣлесное, звучное голосомъ, слитное съ одеждами, что-то существующее раздѣльно, поотдаль отъ него, а сейчасъ это любимое казалось частью его, насильно отдѣленной частью, отъ которой каждый атомъ тѣла бурно требовалъ возсоединенія. Вся нѣжность, все умиленіе выявлялись стремленіемъ слиться, соединиться...

— Скажи, скажи что нибудь!..

— Милый, любимый!..

— Мирра!—простоналъ онъ въ экстазѣ и однимъ движеніемъ схвативъ у ворота, разорвалъ на ней легкія одежды съ верху до подола...

Вся розовая и пламенѣющая при свѣтѣ ярко горящей печи, она лежала передъ нимъ облитая горячими лучами колеблющихся огней и ея худенькое тѣльце съ опавшей грудью казалось тѣломъ Психеи, тѣломъ богини, на шкурѣ у костра...

Они теперь видѣлись каждый день.

Но то, что случилось ночью послѣ „Рима“, осталось какъ бы особой главой въ ихъ жизни, не имѣющей связи съ остальнымъ.

Они говорили теперь другъ другу „ты“, говорить „вы“ было ужъ какъ-то неловко. Но всѣ слова, которыя говорили были прежнія.

Они были различные люди, изъ разныхъ міровъ и сейчасъ, когда хотѣлось близости, это больно чувствовалось.

Она не могла ему разсказывать о своей работѣ, о партійныхъ дѣлахъ,—для этого даже не было словъ. Всѣ выраженія, которыя она употребляла: „товарищъ“, „большевики“ „районъ“, въ его пониманіи были затасканными пошлыми

ярлыками, анекдотическими словами, и онъ не могъ понять, какъ она произноситъ ихъ серьезно, не глумясь и влагая въ нихъ настоящее содержаніе.

Съ другой стороны, то, что онъ пробовалъ разсказывать ей о писателяхъ, о своихъ статьяхъ и планахъ, казалось ей не „настоящимъ“.

Когда онъ раньше передавалъ ей анекдоты изъ круга литературной богемы, она слушала его веселую, остроумную болтовню и, не задумываясь, смѣялась. Но теперь ее во время его разсказовъ мучили вопросы: а какъ онъ въ дѣйствительности относится къ тому или другому писателю. Отчего вчера хвалилъ, а сегодня хулитъ? Когда онъ разсказывалъ ей планъ статьи, она невольно недоумѣвала: къ чему онъ пишетъ. Она видѣла, что его статьи были остроумно и красиво сотканы, но не понимала, кому и для чего онѣ нужны, не могла постигнуть, какія чувства руководятъ имъ, когда онъ пишетъ. Она даже пробовала говорить съ нимъ объ этомъ, но ничего не выходило изъ ихъ разговоровъ. Иногда его вдругъ умиляли какія-нибудь задушевныя ноты въ ея голосѣ, и онъ растроганный, тосковалъ и каялся, не зная собственно, въ чемъ кается, но радуясь сладкому чувству раскаянія, а чаще, улавливая въ ея рѣчахъ знакомыя, пошлыя съ его точки зрѣнія, фразы и мнѣнія марксистскихъ публицистовъ, сердился и презиралъ ее, укоряя отсутствіемъ эстетическаго чутья, и даже издѣвался надъ ней, перенося разговоръ въ тѣ области, гдѣ она бродила ощупью.

Часто ходили они цѣлыми днями вмѣстѣ по городу, Мирра по своимъ партійнымъ, Сергѣй Ивановичъ по литературнымъ дѣламъ, поджидая другъ друга часами у подъѣздовъ, на улицѣ. Шли рядомъ чужіе другъ другу и чѣмъ-то связанные, не знающіе, какъ избавиться другъ отъ друга и страшащіеся тоски одиночества врозь.

Но когда оба, усталые и пустые отъ дневной безплодной сутолоки, возвращались домой, не было силъ разстаться

и они шли снова вмѣстѣ къ Миррѣ. И тамъ въ ея маленькой, всегда холодной комнатѣ, когда не видны были лица, когда внѣшній, раздѣлявшій ихъ міръ исчезалъ за стѣнами, они снова находили другъ друга.

Прижавшись къ нему, она шопотомъ разсказывала о своемъ прошломъ, грезила вслухъ о Зинкѣ, вспоминала о Павлѣ Васильевичѣ. Онъ жадно пилъ ея слова, тосковалъ и болѣлъ съ ней, умиленно любилъ, и отъ нѣжности душа и тѣло его загорались желаніемъ. Но она больше не отдавалась ему. Со слезами просила не трогать ея.

Цѣлыя ночи напролетъ говорили и плакали они, лежа рядомъ, и сѣрый призрачный разсвѣтъ заставалъ ихъ близкими и родными.

Но когда начинался суетливый день съ житейскими дѣлами, каждый изъ нихъ продолжалъ свою отдѣльную жизнь, не понимая и чуждаясь другого...

XXI

И все-таки связь съ Миррой утомляла Сергѣя Ивановича. По ночамъ онъ не спалъ, днемъ слонялся усталый, разбитый и не могъ работать. Все чаще вспоминалъ о своемъ кабинетѣ и удивительномъ кофе, который Матильда готовила по утрамъ. Пробовалъ запереться и работать у Пѣночкина. Но отъ окна дуло и на дворѣ дворники рубили дрова. Шумъ мѣшалъ сосредоточиться. Онъ бралъ книги и бумаги и шелъ къ Миррѣ. Но и тамъ не было покоя. Приходили къ Миррѣ какіе-то люди, вели скучные разговоры и она, видя его сумрачный недовольный взглядъ, въ смущеніи металась между нимъ и своими друзьями, вѣчно опасаясь непріятнаго столкновенія. И ея страхъ подзадоривалъ его. Онъ неожиданно вмѣшивался въ ихъ чужіе ему разговоры и съ наслажденіемъ видя, какъ мучается Мирра, рисовался ретроградомъ и циникомъ...

Больше всего онъ не любилъ рабочихъ. Интеллигенты хоть и не соглашались съ нимъ, хоть и старались на его

рѣзкости отвѣчать тѣмъ же, все же цѣнили, что разговариваютъ съ Рѣкушемъ, и онъ это чувствовалъ.

Рабочіе же не знали, кто онъ, а если знали, держали себя особенно вызывающе, не умѣли тонко полемизировать и готовы были бранью отвѣчать на шутку.

У Мирры Сергѣй Ивановичъ встрѣтился съ рабочимъ Петровымъ и сразу завязался споръ:

— Если пролетаріатъ—сила будущаго, если его миссія перестраивать жизнь, почему же не чувствуется въ немъ творческой силы? Почему у васъ нѣтъ поэзіи, литературы, искусства?.. Вы не только своего создавать, нашего усвоить не можете! Вамъ надо азбукѣ учиться! А вы хотите сокрушить нашу культуру. Я боюсь васъ, какъ нашествія варваровъ...

— Усвоить культуру мы сумѣемъ, не бойтесь! Но мы, можетъ, и не хотимъ вашей культуры! Мы стремимся подвести новый фундаментъ подъ культуру...

Рѣкушъ взволнованно перебилъ Петрова:

— Вѣдь это хамство, простите меня! Я не хочу даже понимать васъ! Что это значитъ—не хотите нашей культуры? Вамъ не нужно—ну, и идите себѣ въ кабаки. А мнѣ нужно, слышите, мнѣ нужно! И я не позволю вамъ топтать то, что мнѣ дорого. Никогда никто не убѣдитъ меня, что будущее за тупостью и невѣжествомъ, за наглымъ невѣжествомъ...

— Сережа! Сережа!—молила Мирра, дергая его за рукавъ.

— Отстань! Дай сказать!—кричалъ онъ, отмахиваясь.— Ваши газеты—скучная пошлость! Ваши писатели—надменные выскочки, безъ вкуса, безъ знаній, присвоившіе себѣ монополію на благородство!..

— Напрасно только въ васъ столько злобы, г-нъ Рѣкушъ!—перебилъ рабочій.--Мы хорошему сами рады учиться. И хорошаго не тронемъ. Толстой и намъ нуженъ, а вотъ такіе, какъ вы, не нужны. Вы сами не разбираетесь! Рево-

люцію проклинаете за то, что стихи стали плохо писать. У васъ то намъ и нечему учиться...

— Ха,ха,ха!—засмѣялся Рѣкушъ фальшивымъ смѣхомъ—можетъ быть, мнѣ у васъ учиться?

— Не мѣшаетъ! Во многихъ вещахъ, думаю, вы большой невѣжда, г-нъ Рѣкушъ!

— Это наглость!—и Сергѣй Ивановичъ готовъ былъ броситься на противника. Но Мирра плача держала его за рукавъ.

— Сережа, милый Сережа!..

И тутъ же переметывалась къ Петрову.

— Вѣдь онъ шутитъ, товарищъ! Онъ всегда шутитъ!.. Мужчины стояли, крѣпко упершись ногами и вытянувъ шеи, готовые ринуться другъ на друга, а между ними, металась, какъ пламя, колеблемое вѣтромъ, маленькая женщина, приникая то къ одному, то къ другому...

— Только, что у васъ на квартирѣ! А проучить слѣдовало!—и какъ бы съ усиліемъ отдирая ноги отъ пола, рабочій отступилъ шагъ назадъ и круто повернувшись, пошелъ изъ комнаты.

— Хамъ! Наглецъ!—кричалъ Рѣкушъ, бѣгая по комнатѣ. Если ты приглашаешь меня къ себѣ, ты должна оградить меня отъ дерзостей этихъословъ!..

— Но вѣдь ты первый началъ!..

— Ты его защищаешь! Тебѣ доставляетъ удовольствіе, что этотъ мужикъ обругалъ меня... Хорошо! Хорошо! Если ты предпочитаешь ихъ мнѣ, я могу уйти... Вообще, все это мнѣ надоѣло... Каждому хаму подавать руку.

Рѣкушъ ходилъ взадъ и впередъ по безпорядочной квартирѣ Пѣночкина, вдоль всѣхъ комнатъ. Пѣночкина опять не было дома. И прислуга куда-то отлучилась. Было холодно. Въ комнатѣ пахло табакомъ и пылью. Со двора доносился настойчивый неумолчный стукъ падающихъ изъ-подъ топора полѣньевъ.

Сергѣй Ивановичъ ходилъ долго взадъ и впередъ, машинально считая удары топора, насчиталъ до пяти сотъ ударовъ. Потомъ поймалъ себя на этомъ занятіи и рѣшилъ пересилить себя. Сѣлъ къ столу, досадливо сбросилъ на полъ горку папиросъ и смятыя бумажки—у Пѣночкина на столѣ былъ всегда безпорядокъ,—но не зналъ, чѣмъ заняться. Вынулъ изъ портфеля старую статью. Онъ давно собирался соединить ее съ другой, позднѣйшей, и пустить, какъ новую, въ оборотъ. Работа предстояла почти механическая: переписать и соединить различные отрывки изъ отдѣльныхъ статей. Онъ сѣлъ и заставилъ себя писать. Постепенно вошелъ въ работу. Съ удовольствіемъ соединялъ отрывки, комбинировалъ, отдѣлывалъ заново.

Вдругъ трескучій звукъ звонка рѣзко разорвалъ цѣпь его мыслей.

— Звонятъ!—Кто-нибудь придетъ, помѣшаетъ.

Сергѣй Ивановичъ отложилъ перо. Откинулся на спинку кресла и досадливо ждалъ.

Но все оставалось неподвижнымъ въ квартирѣ. Еще разъ прозвучалъ звонокъ, теперь дробно, продолжительно, отдаваясь во всѣхъ углахъ.

— Никто не идетъ отворять... Прислуги нѣтъ...

Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ и напряженно ждалъ. Долго висѣла тишина, потомъ опять раздался звонокъ, какъ ударъ, отрывистый и короткій.

— Пусть звонятъ! Онъ не пойдетъ отворять. Онъ здѣсь не лакей... Пусть Пѣночкинъ смотритъ за своими слугами.

Еще одинъ, послѣдній разъ, звякнулъ звонокъ, какъ-то робко, неполно, будто въ сомнѣніи. И все смолкло. А Сергѣй Ивановичъ все сидѣлъ, прислушиваясь, будто вымаливая у дрожащей напряженной тишины повтореніе этого волнующаго, что-то обѣщающаго звука... И теперь въ тоскливой тишинѣ казалось ему, что сейчасъ было у него что-то радостное, веселое и онъ прогналъ его. Хотѣлось опять слушать этотъ зовущій, загадочный звонъ и ждать, что сейчасъ

что-то случится, кто-то войдетъ, быть можетъ, долгожданный, желанный...

Быть можетъ, это была Мирра, онъ не видалъ ея уже недѣлю. И ему не хотѣлось ее видѣть. Но теперь стало страшно, что она стояла тамъ, за дверью, рвалась къ нему и томилась, а звонокъ кричалъ о ея тоскѣ, а онъ не отозвался... И она опустила голову, и тихо, безшумно ступая, пошла внизъ по темной лѣстницѣ, держась возлѣ стѣнки...

Онъ вскочилъ, схватилъ пальто и шапку и бросился внизъ. Бѣгалъ по улицамъ, искалъ ее, звалъ и все казалось ему, что она возлѣ, непремѣнно здѣсь, идетъ впереди его, или сбоку и плачетъ и онъ долженъ утѣшить ее...

И дома не засталъ Мирры. Долго ходилъ возлѣ ея воротъ, поджидая. Потомъ поѣхалъ обратно къ Пѣночкину.

Былъ уже вечеръ и онъ вспомнилъ, что не обѣдалъ сегодня.

Пѣночкинъ сидѣлъ въ столовой. На столѣ стоялъ холодный самоваръ, остатки колбасы, масло на бумажкѣ.

— А, ты!—и Пѣночкинъ почти не поднялъ головы изъ-за газеты. Онъ дулся на Рѣкуша за рецензію.

— Я голоденъ! Ты бы распорядился дать мнѣ чаю, ужинать!

— Да вотъ стоитъ, кушай!

— Я не ѣмъ этой дряни! Ты знаешь! Ты могъ бы быть немного внимательнѣе ко мнѣ!

— Ты бы сказалъ мнѣ до рецензіи, что тебѣ не нравится мой столъ... Я зналъ бы тогда, въ чемъ дѣло...

— Какое это имѣетъ отношеніе къ рецензіи? Болванъ! Какъ ты смѣешь говорить мнѣ такія мерзости!

И уже слово „вонъ!“ лежало на языкѣ Сергѣя Ивановича, когда онъ вспомнилъ, что самъ въ гостяхъ у Пѣночкина.

Онъ ушелъ отъ него взбѣшенный, голодный и опять ходилъ усталый по улицамъ. Думалъ о томъ, какой онъ несчастный и безпріютный, и слезы жалости къ себѣ самому

текли по его щекамъ. Зашелъ въ маленькій пустой ресторанчикъ, сѣлъ въ углу, потребовалъ водки и бумаги. Написалъ Матильдѣ письмо:

„Сижу одинъ въ глухомъ кабачкѣ. Не имѣю, гдѣ ночевать. У насъ дома Генріэтта Ивановна разбросала всѣ мои бумаги. Ты не сердись, но безъ тебя не могу жить въ квартирѣ. А у Пѣночкина, гдѣ валялся три недѣли, все грязно, и онъ большой хамъ. Хожу оборванный. У Пѣночкина прислуга мерзкая. Отчего ты уѣхала? Я не могу быть безъ тебя. Колечку обнимаю. Пиши скорѣе! Хожу къ швейцару за почтой каждый день".

Черезъ три дня, когда Рѣкушъ пришелъ утромъ къ швейцару, тотъ, улыбаясь, сообщилъ ему, что „барыня сейчасъ пріѣхамши".

Сергѣй Ивановичъ радостно и легко взбѣжалъ по лѣстницѣ. Дверь въ квартиру стояла настежъ отворенной. По комнатамъ, гулко переговариваясь и стуча сапогами, ходили дворники, внося сундуки. Изъ кухни слышался слегка картавый озабоченный голосъ Матильды. Сергѣй Ивановичъ остановился, прислушиваясь.

— Смотрите, не снимайте, безъ меня сливокъ! И кофе я тоже положу сама. Чтобы только плита была горячей... Баринъ придетъ, мы и заваримъ!..

Безшумно прошелъ Сергѣй Ивановичъ черезъ гостиную и сѣлъ въ спальной на розовой кушеткѣ. И радостно ждалъ. Сейчасъ она войдетъ, увидитъ его, зардѣется, захлопочетъ, поцѣловать забудетъ и побѣжитъ за кофе... Накормитъ его, одѣнетъ и будетъ хорошо и удобно... будетъ спокойно, надолго спокойно подлѣ нея, спокойно на всю жизнь...

XXII.

Зима кончилась внезапно. Еще вчера все было такъ по зимнему твердо и всѣ такъ привыкли къ бѣлымъ крышамъ,

пушистымъ деревьямъ и мягкой тишинѣ на улицахъ. Въ одну ночь почернѣли и обнажились крыши, деревья поникли голыми и мокрыми вѣтвями, а весь городъ потемнѣлъ и зашумѣлъ каменнымъ стукомъ.

Мирра шла по улицѣ. Шубка тяжело давила ея плечи, ноги прилипали къ мокрой грязной мостовой. И не было силъ итти. Хотѣлось остановиться посреди дороги. Опуститься, распластаться всѣмъ тѣломъ, закрыть глаза и лечь неподвижно безъ воли, безъ чувствъ, безъ мыслей... И куда она идетъ, и зачѣмъ? Она хотѣла разсказать обо всемъ Нелли. Но Нелли не пойметъ ея. Она честная, Нелли, чистая... Лучше остаться одной. Вернуться домой, лечь и терпѣть и болѣть молча, въ себѣ... Пусть будетъ больно, пусть... Вѣдь она виновата. Права Матильда. И опять перебирала грубыя и неуклюжія слова письма Мадильды: „Вы, какъ воришка, украли моего мужа. Я полагала, вы благородная женщина и вашей дочкѣ допускала играть съ моимъ сыномъ. Богъ наказуетъ неблагодарность. Мы васъ жалѣли, а вы до мозга костей испорченная. У васъ плохая дорога...“ И откуда узнала Матильда?.. Да, она виновата, виновата... И Матильда никогда не проститъ. Онъ никогда не вернется... Еслибы можно было заснуть, сейчасъ заснуть, надолго заснуть... навсегда...

И вдругъ ярко вспомнила свой сонъ. Лежала и засыпала, не въ самомъ дѣлѣ, а уже въ сновидѣніи засыпала, будто погружалась въ журчащія воды и струи текли и пѣли: „Сейчасъ, сейчасъ, уйдемъ, уйди... Сейчасъ, сейчасъ придемъ, приди...“ И сладко, мѣрно качали и ласкали и баюкали... А потомъ, будто это были уже не струи, а ручки, мягкія, гладкія дѣтскія ручки, приникали и льнули, скользили по лицу и глазамъ. „Сейчасъ, сейчасъ—придемъ, уйдемъ... Сейчасъ, сейчасъ—приди, уйди...“ Сладкія ручки, нѣжныя ручки, Зинкины ручки... И она хотѣла проснуться, и схватить ихъ, удержать, цѣловать. Но длинные, крѣпкіе цѣпкіе волосы, какіе-то водяные волосы, обвивали и опуты-

вали ее и не давали двинуться... А ручки пѣли и порхали, и манили, и дразнили, и улетали далеко, далеко...

И Мирра шла дальше по улицѣ, по грязи и лужамъ, тоскуя по ручкамъ, мягкимъ, сладкимъ, роднымъ Зинкинымъ ручкамъ...

— Энькѣ ножки бобо... Энька хочетъ домой.

Передъ Миррой совсѣмъ близко дѣтская спинка, вся голубая, маленькій капоръ и крохотныя ножки. Пальтишко на ростъ, чуть не до самой панели...

И Мирра бѣжитъ слѣдомъ за встрѣчной малюткой.— Милая Энька, ей такъ трудно ходить!

Но толстая, грузная няня не слушаетъ Эньки, тянетъ сердито дѣвочку за руку, смотритъ въ сторону. И Энька плачетъ.

— Няня, няня, ребенокъ усталъ! Не надо такъ тянуть дѣвочку за руку!

— А вамъ чего! Проходите мимо!—Нагло и злобно глядитъ няня мутными безбровыми глазами на Мирру.

И Энька уже не плачетъ, тоже подняла мордочку и смотритъ. Блѣдненькая, желтенькая, съ краснымъ вздернутымъ носикомъ... Она не похожа на Зинку...

— Ишь вертихвостка! За своими смотри!—и несется грубая площадная брань...

Нагнувъ голову, почти бѣгомъ, чтобы не слышать, спѣшитъ Мирра мимо. Уже няня далеко позади; а она все бѣжитъ, бѣжитъ... Оступается, сталкивается съ людьми, руки цѣпенѣютъ отъ тяжелой намокшей юбки, а она всѣ спѣшитъ впередъ. Сворачиваетъ изъ улицы въ улицу, туда, гдѣ побольше народу, идетъ между спинъ людей, увлекаемая людскимъ потокомъ, идетъ въ ногу съ другими, которые знаютъ, куда и зачѣмъ они идутъ... И все кажется ей, что вдогонку несется ругань, горькія обидныя слова, и кричитъ ихъ не няня, не та глупая няня, а другая женщина, которую она, Мирра, глубоко оскорбила...

И вдругъ раздаются крики, дикіе животные вопли.

Пѣшеходы бросаются въ сторону, пятятся назадъ, наступаютъ другъ на друга.

— Что случилось?.. Что!.. Гдѣ?..

А крики потрясаютъ воздухъ.

— Больной... упалъ! Черная болѣзнь... падучая!—передается по толпѣ. И любопытство опять гонитъ впередъ. Теперь всѣ стремятся увидѣть упавшаго, протискиваются другъ изъ-за друга, тѣснятся, плотнымъ кольцомъ окружаютъ больного и смотрятъ. Онъ бьется на камняхъ, оборванный, грязный, и не видно его лица, закрытаго волосами.

И толпа стонетъ, гудитъ, переговаривается, но никто не подходитъ къ нему.

— Покрыть лицо!.. Надо позвать городового!.. Не троньте... Пусть самъ отойдетъ!..

И Мирра тоже смотритъ и знаетъ, что надо подойти, помочь, но стоитъ, какъ и всѣ окружающіе и чего-то ждетъ.

Но вотъ кто-то раздвигаетъ толпу, кто-то рѣшительный и знающій. Входитъ въ кругъ и нагибается надъ больнымъ. Миррѣ видна лишь его спина. Онъ въ шубѣ, въ высокой шапкѣ.

— Я—врачъ!—говоритъ онъ.—Кто поможетъ мнѣ поднять больного?

И возлѣ него уже суетятся другіе. Теперь всѣ готовы помогать, всѣ хотятъ быть полезными.

Смолкли крики. Больного поднимаютъ, несутъ. И докторъ идетъ слѣдомъ.

Сразу тихо становится вокругъ. Торопливо расходятся люди—у всякаго своя цѣль впереди. И высокій докторъ натягиваетъ перчатки, оправляетъ шапку на головѣ и идетъ прочь отъ толпы. Все кончено—теперь каждый долженъ думать опять о своемъ. И Мирра чувствуетъ, какъ внутри у нея снова шевелится червякъ злой тоски. Но она не хочетъ слышать его. Она бѣжитъ впередъ. Скорѣе, скорѣе вслѣдъ за докторомъ... она думаетъ только о докторѣ, она ничего не знаетъ о червякѣ внутри... И вдругъ хочется ей

пересѣчь дорогу высокому спокойному доктору, броситься ему подъ ноги и биться о камни и вопить и кричать во всю силу страданія и тоски, какъ тотъ больной...

XXIII.

Левъ Абрамовичъ не уѣхалъ въ Америку. Въ первые дни послѣ выхода изъ тюрьмы серьезно думалъ о поѣздкѣ, написалъ дядѣ въ Кишиневъ и просилъ денегъ взаймы. Но дядя ничего не прислалъ—Левъ Абрамовичъ и не надѣялся на это серьезно. А потомъ жизнь затормошила. Обступили мелочныя будничныя заботы и некогда было даже подумать и помечтать о поѣздкѣ. Совсѣмъ не на что стало жить. Уроки онъ потерялъ, а время было глухое, и на новые надежды были плохи. Хозяйка гнала съ квартиры, въ университетѣ грозили уволить за невзносъ платы, приказчикъ изъ мелочной лавки, гдѣ онъ забиралъ провизію въ долгъ, приходилъ по утрамъ скандалить. Въ столовую нельзя было показаться—всѣмъ былъ долженъ по мелочамъ. Но вечеромъ, когда голодный и усталый отъ дневной безплодной бѣготни въ поискахъ работы, онъ ложился въ постель, обступали мысли о томъ страшномъ, что тяготѣло надъ его жизнью, и ночью снились кошмарные сны.

Сначала онъ каждый день ждалъ, что его снова потребуютъ къ ротмистру. Представлялось, что не сегодня-завтра его позовутъ и заставятъ выдавать. И старался рѣшить, какъ слѣдуетъ себя держать въ этомъ случаѣ. Но не могъ. Мысль назойливо рисовала подробности того, какъ его поведутъ, какъ встрѣтитъ его ротмистръ и улыбнется умной улыбкой, обнажая сверкающіе золотомъ зубы, какъ спроситъ его, Льва Абрамовича: „А ну, г. Вольфзонъ, что вы намъ принесли?...“ а дальше мысль останавливалась, начинался какой-то провалъ...

— Что же я ему скажу? Что отвѣчу?—пытался Левъ Абрамовичъ фиксировать свою мысль. Но мысль ускользала, увертывалась, шмыгала гдѣ-то возлѣ, прячась отъ главнаго.

И боясь смотрѣть въ лицо неизбѣжному, онъ охотно искалъ путей случайно возможнаго.

— А вдругъ ротмистръ умретъ? Или будетъ пожаръ и сгорятъ всѣ ихъ книги... или ротмистръ забудетъ о немъ—вѣдь у него столько дѣлъ...

И перескакивая воображеніемъ черезъ главное, думалъ, какъ достанетъ тогда денегъ взаймы, уплатитъ въ университетъ и станетъ учиться прилежно, оставитъ районъ и прежнихъ товарищей и забудетъ обо всемъ позорномъ...

Но шли дни и жизнь налаживалась, а ротмистръ будто и въ самомъ дѣлѣ забылъ о немъ. Отыскался урочекъ, трудный и непріятный: заниматься каждый день за обѣдъ. Но Левъ Абрамовичъ радъ былъ, что не надо было ходить въ столовку, видѣть всѣхъ прежнихъ товарищей. Заперся у себя, много занимался и почти ни съ кѣмъ не встрѣчался. Потомъ даже по вечерамъ пересталъ думать о ротмистрѣ. Родилась увѣренность, что все какъ-нибудь обойдется.

Однажды на улицѣ онъ встрѣтился съ Николаемъ Васильевичемъ.

— Левъ Абрамовичъ! Почему васъ не видать въ районѣ?

— Я... я думаю, что послѣ ареста за мною слѣжка.

— Пустое! Вѣдь вы уже два мѣсяца на свободѣ. На васъ и не смотрѣли тамъ серьезно,—вѣдь сразу выпустили. А мнѣ нуженъ организаторъ. Знаете, въ Губановскій подрайонъ. Приходите завтра на засѣданіе.

— Я право не знаю, Николай Васильевичъ!... Вдругъ всѣхъ подведу...

— Если вы такъ опасаетесь, я пошлю завтра нашихъ ребятъ подежурить у вашей квартиры, тогда видно будетъ, слѣдятъ ли за вами.

Въ тотъ же день Левъ Абрамовичъ встрѣтилъ и Лидію. Она шла одна по Невскому, съ покупками.

— Левъ Абрамовичъ! Вотъ отлично! А у меня руки болятъ отъ пакетовъ. Держите! Боже мой, да мы, кажется, очень давно не видались.

— Давно, Лидія Николаевна! Я былъ арестованъ. Съ трудомъ отвертѣлся.

— Бѣдный Левъ Абрамовичъ! Отчего васъ нигдѣ не видно? Вѣдь вы уже давно на свободѣ, я слышала. Левъ Абрамовичъ, а помните, какъ вы мнѣ покровительствовали?... — и Лидія засмѣялась своимъ удивительнымъ смѣхомъ.

И Льву Абрамовичу казалось, что изъ какого-то душнаго, сумрачнаго подземелья, гдѣ онъ прожилъ, скрываясь отъ людей и свѣта, столько недѣль, онъ вдругъ вышелъ на вольный воздухъ. Онъ съ трепетомъ и недовѣріемъ прислушивался къ гармоническимъ радостнымъ трелямъ ея голоса и украдкой ловилъ насмѣшливый, но въ то же время жутко-ласковый взглядъ ея глазъ...

— Какимъ вы стали молчаливымъ, Левъ Абрамовичъ! И затворникомъ! Все потому, что забыли меня! Ну, подождите, я вамъ отомщу. А еще вызывался быть моимъ рыцаремъ!..—И Лидія грозила ему пальчикомъ и укоризненно качала головой...

Послѣ этой встрѣчи Левъ Абрамовичъ уже не могъ продолжать прежней жизни. Весь вечеръ думалъ о Лидіи, вспоминалъ ея смѣхъ, съ удовольствіемъ перебиралъ въ памяти слова Николая Васильевича, предложившаго ему отвѣтственный постъ въ подрайонѣ, и всѣ его прежнія рѣшенія казались ему теперь нелѣпыми.

Почему ему не вступить снова въ „работу“? Что собственно удерживало его до сихъ поръ? И онъ не могъ самъ себѣ отвѣтить на этотъ вопросъ. Вѣдь, если онъ виноватъ передъ ними за то нелѣпое показаніе о Люциферѣ, которое у него выманили обманнымъ путемъ, то тѣмъ болѣе ему причинъ работать, чтобы загладить свою оплошность...

XXIV.

Послѣ урока Нелли возвращалась знакомой дорогой домой.

— Здравствуйте, товарищъ!

Сразу вырванная изъ круга своихъ мыслей, она вздрогнула и круто повернулась. Ее догонялъ Каленовъ, рабочій, съ которымъ она познакомилась у Мирры.

Пошли рядомъ, но оба молчали. Она чувствовала, что должна начать разговоръ, но ничего не могла придумать. Прошло нѣсколько минутъ и ей казалось, что сгущающееся молчаніе тяжелой металлической жидкостью вливается въ ея голову, въ тѣло...

— Н-да!—произнесла она съ усиліемъ, чтобы разбить томительное безмолвіе.

Но онъ не шелъ ей навстрѣчу.

Тогда она съ трудомъ произнесла первую вымученную фразу:

— Мы съ вами у Мирры встрѣчались, товарищъ?

Но онъ не далъ ей кончить. И онъ уже собрался съ силами.

— Это правда, что вы работаете только среди интеллигентовъ?

— Правда.

— А зачѣмъ? Говорятъ, вы очень много знаете. Къ чему все для интеллигентовъ?

Она молчала, перетряхивая въ умѣ запасъ общихъ ничего незначущихъ фразъ—вѣдь не могла она сказать ему въ лицо, что не умѣетъ и не любитъ говорить примитивно и популярно, такъ популярно-вульгарно, какъ приходится говорить съ рабочими...

Не получая отвѣта, онъ, насмѣшливо присвистнувъ, сказалъ:

— Фюить!.. Не любите вы пролетаріевъ. Знаемъ-съ!

И эти слова сразу развязали ей языкъ.

Тонъ его словъ обидѣлъ ее и, не чувствуя уже передъ

собой спеціально пролетарія, а вообще обидчика, она рѣзко выступила на свою защиту:

— Къ чему этотъ тонъ? Вы прекрасно знаете, что дѣло не въ любви или нелюбви. Если я работаю въ средѣ интеллигентовъ—это въ конечномъ счетѣ сводится къ тому же, что и работа непосредственно среди пролетаріата. Я готовлю пропагандистовъ, агитаторовъ, которые будутъ заниматься съ вами. Вмѣсто одной меня, вы получаете десятки выученныхъ мной интеллигентовъ. Согласитесь, что это то же самое!..

— Не скажу, чтобъ совсѣмъ то же самое,—прежнимъ язвительнымъ тономъ возразилъ рабочій.—Вотъ всегда-то вы такъ. Чуть кто пообразованнѣе, его сейчасъ къ интеллигентамъ и приставятъ, а къ намъ всякую мелкоту посылаютъ. А мы тоже хотимъ изъ вашихъ просвѣщенныхъ устъ истину услышать. Думаете, на насъ вамъ, образованнымъ и времени терять не стоитъ...

Она заволновалась.

— Это неправда! Развѣ наши теоретики, самые образованные среди насъ, не работаютъ въ вашей средѣ? Развѣ вы можете пожаловаться на то, что мы прячемъ отъ васъ лучшія силы? Чушь! Нелѣпая выдумка! Надо же кому-нибудь учить интеллигентовъ,—иначе мы останемся безъ пропагандистовъ, ну, вотъ я и нахожу для себя болѣе подходящимъ работать именно въ этой области...

— Такъ-съ, такъ-съ, болѣе подходящимъ. Вы, интеллигенты, умѣете очень хорошо языкомъ изворачиваться, а по мнѣ вся суть въ томъ, что лучшіе изъ васъ находятъ для себя болѣе подходящимъ работать среди своихъ же... Ну и Богъ съ вами. Мы и безъ васъ вылѣземъ. Но зачѣмъ тогда фразы о нашемъ братствѣ...

— Простите, товарищъ, я ничего не говорила вамъ о братствѣ. Хотите правду? Хорошо! Я не могу работать среди васъ, такъ какъ не знаю васъ, не умѣю съ вами говорить.

Онъ злорадно усмѣхнулся.

— Васъ радуетъ мое признаніе? И я очень довольна, что сказала вамъ это. Видите, я въ первый разъ въ жизни говорю съ пролетаріемъ такъ запросто,—и вотъ съ первыхъ же словъ мы поссорились...

Онъ не отвѣчалъ. Но она была взволнована и говорила теперь быстро и громко, не нуждаясь въ его отвѣтахъ.

— Знаете, я никогда не приходила въ непосредственное соприкосновеніе съ пролетаріями, но я наблюдала, многое видѣла со стороны. Я замѣтила, что у рабочихъ бываетъ двоякаго рода отношеніе къ намъ: одни обожаютъ насъ, особенно женщинъ, преклоняются передъ нами—правда, теперь такихъ уже мало, другіе относятся къ намъ... не скажу со злобой, это будетъ слишкомъ сильно, а скорѣе съ вѣчнымъ глухимъ раздраженіемъ. Вы не согласны, товарищъ? Припомните, какую бурю негодованія вызываетъ интеллигентъ, не явившійся или опоздавшій на засѣданіе кружка, и какъ равнодушно относятся рабочіе къ тому, что интеллигентъ отмахиваетъ десятки верстъ и въ результатѣ вмѣсто обѣщанной сотни застаетъ дасятокъ слушателей... Нѣтъ, это не то, что я хочу сказать... Это лишь мелочи... Но вы сами, товарищъ, воплощеніе этого раздраженія!

— Да,—перебилъ онъ,—вѣдь въ этомъ раздраженіи, какъ вы говорите, виноваты сами интеллигенты.

— Ахъ, такъ! Вы не нашли въ насъ достаточно внимательныхъ слугъ? Да какое право вы имѣете чего-либо требовать отъ насъ? Мы слили свои идеалы съ вашими, малочисленные и раздробленные, мы вступили въ ваши сомкнутые ряды на правахъ товарищей. Мы только товарищи, равноправные съ вами товарищи, не больше! Правда, мы сами виноваты, мы сотворили себѣ изъ васъ кумиръ. Вѣдь мы—наслѣдники несчастнаго поколѣнія, которое добивалось вниманія со стороны мужика, и мы слишкомъ обрадовались, когда вы, рабочіе, встрѣтили насъ радушно... насъ, принесшихъ вамъ свою душу, свой умъ, всю свою жизнь...

Она сразу остановилась.

— Видите товарищъ, и у насъ можетъ быть раздраженіе!—и Нелли виновато улыбнулась, стараясь смягчить рѣзкость своихъ словъ.—Вотъ мы и поругались...

— Нѣтъ товарищъ! Почему поругались?— неожиданно для нея мягко выговорилъ Каленовъ.—Можетъ, вы и правду говорили... Ваши намъ такъ не говорятъ...

Она засмѣялась.

— Почтительно говорятъ съ вами, правда? А я вотъ нагрубила...

— А здорово вы говорите, товарищъ!—съ восхищеніемъ любителя воскликнулъ онъ.

Они остановились на углу, у подъѣзда. Нелли была у своего дома. Впервые за все время разговора они стояли лицомъ къ лицу, и глаза ихъ встрѣтились.

— Здорово, товарищъ! А ругаться вы мастеръ!—Васъ бы на эсеровъ натравить,—говорилъ онъ.

— Ходила и на эсеровъ!—разсмѣялась она весело, легко.

Протянула ему руку, и онъ неловко схватилъ своей жесткой рукой ея тоненькіе пальчики. Она все смѣялась. И онъ вдругъ разсмѣялся ей въ унисонъ такъ же радостно и легко.

— Ну, до свиданія, мой первый пролетарскій пріятель!—и, вырвавъ свои пальцы изъ его руки, Нелли быстро побѣжала вверхъ по лѣстницѣ параднаго хода.

Усталая возвращалась Нелли подъ вечеръ домой. Въ рукахъ у нея были книги, пакеты. Она быстрымъ шагомъ прошла переднюю и съ силой толкнула дверь своей комнаты. Кто-то, съ шумомъ двинувъ стуломъ, поднялся при ея появленіи. Передъ ней, смущенный и готовый бѣжать, стоялъ Каленовъ.

Не поздоровавшись, смущенно залепеталъ:

— Я... простите. Я на минутку... тутъ одну книгу попросить... я сейчасъ ухожу.

— Отчего же, мой первый пролетарскій пріятель? Я рада васъ видѣть! Я совершенно свободна сегодня.

Она была искренне рада, сразу развеселилась, и торопливо раздѣваясь, продолжала шутить.

— Такъ вы не побоялись даже прямо ко мнѣ явиться? А я думала, такъ запугала васъ, что вы на улицѣ меня завидѣвъ, убѣжите.

Рабочій все еще смущенно мялся на мѣстѣ.

— Я вотъ у васъ хотѣлъ книжку одну попросить...

— Книжка—это потомъ! А теперь садитесь, чай станемъ пить. Пришли ко мнѣ, такъ ужъ будьте гостемъ, не отвертитесь. Я, знаете, люблю въ гости ходить, гостей принимать,—болтала она, возясь въ углу у печки со спиртовой машинкой и чайникомъ.—Да и вы, строгій пролетарій, кажется, не прочь ходить чаи распивать? Вотъ, на-дняхъ я васъ у Мирры въ веселой компаніи встрѣтила, сегодня ко мнѣ завернули.

— Я не въ гости пришелъ, по дѣлу,—смущенно произнесъ онъ.

— Ахъ, простите, простите, ваше пролетарское сіятельство! Ходить въ гости не соотвѣтствуетъ вашему рангу? Такъ вы, вѣроятно, и у Мирры тогда на дѣловомъ засѣданіи были?

Его злила ея веселая насмѣшка и онъ угрюмо отвѣтилъ:

— У Мирры сидѣлъ, думалъ, съ товарищами умными побесѣдую.

— Ха, ха, ха! Много же вы тамъ умнаго услышали!

— Да, — съ особымъ удареніемъ произнесъ онъ,—не очень-то много умнаго. Только, по-моему, веселаго въ этомъ мало, товарищъ!

Она подошла къ столу и сѣла противъ него.

— Не сердитесь, не сердитесь. Я вѣдь всегда шучу — это мой большой недостатокъ. Итакъ вамъ было не по душѣ въ гостяхъ у Мирры. Я уже кое-что объ этомъ слышала:

„Сплетничаете вы, товарищи, притворяетесь, выѣденнаго яйца вы всѣ не стоите!...“

— Ну, этого я не говорилъ...

— Что-то въ этомъ родѣ. Фактъ тотъ, что мы недовольны интеллигентами, такъ? Мы побывали въ ихъ средѣ и убѣдились, что они—пустые люди. Ну, а не соблаговолите ли мнѣ сказать, о чемъ говорите вы, пролетарскія сіятельства, когда собираетесь къ кому-нибудь изъ вашихъ же, скажемъ, на именины?

— О чемъ? Извѣстно: разговариваемъ, поемъ...

— И все о текущемъ моментѣ разговариваете? Все марсельезу поете?..

— Я не хочу, чтобы вы издѣвались надо мною, товарищъ!

— Вотъ вы опять разсердились. Ну, хорошо, будемъ говорить серьезно. Вы обвиняете насъ въ томъ, что мы занимаемся пустыми сплетнями. Я не стану тратить словъ на доказательство того, что вы въ своемъ кругу удѣляете немало времени этому же душеспасительному занятію и, ой, ой! какъ перемываете наши бѣлыя интеллигентскія косточки. Я, скажемъ, принимаю цѣликомъ ваше обвиненіе. Скажите, однако, что собственно задѣло васъ въ нашихъ „сплетняхъ“? Развѣ мы осуждали кого-либо, клеветали? Мы просто позволяли себѣ говорить о душевной жизни другихъ людей. Что же въ этомъ плохого? Я даже думаю, что въ будущемъ, въ соціализмѣ, когда люди перестанутъ бояться и чуждаться другъ друга, то, что вы назвали „сплетнями“, приметъ еще болѣе обширные размѣры... Каждое событіе въ жизни моего сосѣда, каждое движеніе его души будетъ интересно и важно для меня и всякая мелочь личной жизни будетъ горячо обсуждаться. И тогда, вѣроятно, еще больше, чѣмъ теперь, будутъ говорить о любви, о взаимоотношеніяхъ людей между собой и не станутъ стѣсняться такихъ человѣческихъ, слишкомъ человѣческихъ разговоровъ, не будутъ притворяться, что не интересуются такими мелочами, столь важ-

ными въ жизни свободнаго жизнерадостнаго человѣка мелочами...

— Но вѣдь вы не о личной жизни только, а о нарядахъ, о мебели какой-то говорили...

— Ага! А вы полагаете, что въ обѣтованномъ соціализмѣ люди не будутъ удѣлять большого вниманія внѣшней обстановкѣ жизни, интересоваться своей одеждой, убранствомъ своихъ жилищъ, улицъ, общественныхъ зданій?.. А я думаю, что все это будетъ считаться важнымъ...

— Вы какой-то интеллигентскій соціализмъ рисуете,— мрачно сказалъ Каленовъ. И черезъ минуту продолжалъ медленно, отрывочными фразами, видимо принуждая себя говорить:

— Я мало знаю... быть можетъ, выходитъ, что по-вашему будетъ въ соціализмѣ. Я не такъ думаю. Вы всегда побиваете меня словами, но я нутромъ чувствую, что правъ. Если бы я все зналъ такъ, какъ вы, я показалъ бы вамъ, что вы ведете насъ криво. Я эту кривизну во всемъ вижу...

— И я вижу много кривого. А многого, вѣроятно, еще и не вижу. Быть можетъ, вы и правы, быть можетъ, только вамъ, пролетаріямъ, будетъ дано проложить истинный путь къ соціализму, создать марксистскую науку, новое искусство... Но когда же это будетъ? Русскій пролетаріатъ, да и европейскій, выдвинулъ пока мало, очень мало талантовъ...

Теперь она говорила безъ улыбки и почти шопотомъ.

И онъ въ тонъ ей грустно отвѣчалъ:

— Да, и я такъ мало могу, ничего не знаю. Такой стыдъ въ душѣ, зависть къ вамъ... Оттого и раздраженіе. Вы всѣ легко говорите, словами брыжжете, а мнѣ кажется, если бы я все то зналъ, что вы, я запряталъ бы все въ себя, слова бы не выпустилъ, чтобы не потерять... Какъ слышу ваши разговоры, злоба душитъ. Сижу и боюсь выдать, что не понимаю часто, о чемъ говорятъ. Слышу: Ваг-

неръ—и будто ужъ всѣ обязательно должны знать, кто онъ, ну я и молчу, а вѣдь не знаю даже, воевалъ ли онъ, или писатель былъ. О Ницше теперь, какъ о библіи, говорятъ, а я даже и о немъ почти ничего не знаю, вотъ, не сумѣлъ бы сказать такъ ясно, что говоритъ этотъ Ницше. Я даже не знаю, кто раньше былъ, Чернышевскій или Писаревъ...

Она невольно улыбнулась.

— Насчетъ Чернышевскаго и Писарева не огорчайтесь, они въ одно время были.

Онъ чуть было не обидѣлся, но ея глаза такъ ласково, хотя и со смѣшкомъ, смотрѣли на него, что обида растаяла, и онъ тоже улыбнулся въ отвѣтъ.

И вдругъ разговоръ оборвался. Стало какъ-то неловко. Оба опустили глаза.

— Чай! Моя вода выкипитъ!—сорвалась вдругъ съ мѣста Нелли и побѣжала къ печкѣ, въ свой „кухонный уголъ".

Накрыла салфеткой столъ, достала изъ шкафчика чашки, перетерла ихъ, перелила закипѣвшую въ чайникѣ воду въ крошечный, почти игрушечный самоварикъ и торжественно подала его на столъ.

— Будемъ чай пить, какъ слѣдуетъ, изъ самовара!—съ гордостью говорила Нелли и Каленовъ, чувствуя въ себѣ неизвѣстно отчего поднимающуюся веселость, шутилъ, хвалилъ ея самоваръ и разсказывалъ забавную исторію о товарищѣ, котораго задержали на финляндской границѣ, принявъ завернутый въ газетную бумагу чайникъ за бомбу. Она отъ души смѣялась и пропомнила, какъ при обыскѣ у ея знакомой корзинку съ металлической посудой предусмотрительно опустили въ воду... И оба опять долго, до слезъ и усталости смѣялись, сами удивляясь тому, что эти пустяковыя исторіи такъ веселятъ ихъ.

Болтая, они незамѣтно просидѣли, пока не стемнѣло. Тогда только поднялся онъ, разыскалъ въ темнотѣ вещи,

одѣлся и, забывъ о книжкѣ, за которой пришелъ, въ приподнятомъ радостномъ настроеніи духа отправился домой.

Она не зажгла лампы. Усталая бросилась на кушетку и въ головѣ, сплетаясь замысловатымъ узоромъ, поплыли фантастическія картины, въ которыхъ героемъ являлся Каленовъ, а героиней она сама.

XXV.

Рѣкушъ боялся теперь встрѣчаться съ Миррой. Матильда слѣдила за нимъ. Онъ не могъ понять, откуда узнала жена о его близости съ Миррой. Подозрѣвалъ Пѣночкина. Тотъ о многомъ догадывался. Но, стыдясь своихъ подозрѣній, Сергѣй Ивановичъ отвергъ эту мысль. А Матильда по цѣлымъ днямъ плакала, посылала прислугу шпіонить за нимъ по улицамъ и съ утра до вечера писала въ Ригу жалобныя письма пансіонской подругѣ.

Сергѣй Ивановичъ писалъ теперь серьезную статью и большую часть дня сидѣлъ, запершись у себя въ кабинетѣ. Послѣ долгаго промежутка работалось хорошо, и онъ легко переносилъ упреки Матильды и не тосковалъ по Миррѣ.

Лишь только стаялъ снѣгъ, Матильда собралась на дачу. Ей хотѣлось увезти поскорѣй Сергѣя Ивановича отъ соблазна.

Рѣкуши поселились въ Финляндіи, на большой зимней дачѣ.

А черезъ недѣлю, не зная о томъ, что Рѣкушъ въ Финляндіи, поѣхала въ ту же дачную мѣстность и Мирра на партійное совѣщаніе, по вопросу о тактикѣ соціалъ-демократической фракціи въ Думѣ.

По дорогѣ въ вагонѣ отъ Генриха, ѣхавшаго туда же, она узнала, что Рѣкушъ уже на дачѣ и что Генрихъ собирается ночевать у него.

Съ засѣданія Мирра ушла вмѣстѣ съ Генрихомъ. Онъ обѣщалъ помѣстить ее на ночлегъ у своихъ знакомыхъ.

— Дача Большаковыхъ какъ разъ напротивъ дома

Сергѣя Ивановича,—говорилъ Генрихъ.—Завтра поутру я забѣгу за вами и мы вмѣстѣ поѣдемъ домой!

Въ незнакомомъ домѣ приняли притворно радушно. Хозяйка, грузная дама съ желтымъ лицомъ, жена врача изъ „сочувствующихъ"—сразу забросала словами:—Она любитъ бесѣдовать съ молодежью. У нихъ часто ночуютъ... она сама въ молодости увлекалась политикой и была знакома съ Плехановымъ...—Долго говорила хозяйка и Мирра не рѣшалась сказать, что она голодна и устала.

— Вы, вѣроятно, хотите спать, Мирра Израильевна? У насъ здѣсь наверху, къ сожалѣнію, нѣтъ мѣста. Но внизу цѣлый этажъ въ вашемъ распоряженіи. Выбирайте изъ комнатъ любую. Диванов тамъ много, а подушку и одѣяло я пришлю...

— Спасибо, спасибо! Какъ-нибудь устроюсь! Не тревожьтесь, госпожа Большакова!..

Хозяйка замялась.

— Тамъ хорошія комнаты, но немного холодныя... Но вѣдь вы—демократка и сами затопите!—и хихикнула, обращая все въ шутку.

Мирра поторопилась сочувственно засмѣяться.

— Да, да, я умѣю! Мнѣ не впервые!—съ дѣланнымъ жестомъ безпечной удали надтреснутымъ голосомъ говорила она.

— Малаша! А Малаша! — закричала Большакова и тутъ же прибавила, не подождавъ, чтобы откликнулась горничная:

— Навѣрное сбѣжала! Онѣ тутъ съ финами шуры-муры заводятъ. Вотъ досада!

— Я сама! Не безпокойтесь! Я найду дорогу по лѣстницѣ. Я хорошо умѣю оріентироваться! — суетилась Мирра.

— Вотъ это хорошо! Можно сказать цѣнная черта—умѣть оріентироваться всюду... А я, знаете, въ этомъ отношеніи ужасная дура. У насъ съ мужемъ заведено въ дѣ-

лахъ, что во всемъ я совѣтница, но лишь только мы въ путешествіи, онъ во главѣ, а я молчу, ужъ и слова не смѣю промолвить, все равно не послушаетъ, знаетъ, что я все перепутаю, станціи всякія, города и маршруты...

Мирра слушала, стоя прислонившись къ косяку двери. Отъ усталости въ глазахъ рябило и предметы принимали необычайныя очертанія. Комната будто вытянулась въ длинный коридоръ и г-жа Большакова въ глубинѣ его казалась маленькой фигуркой, мѣрно покачивающей головой, а голосъ ея звучалъ, какъ рокотъ дальняго моря, то ближе, то дальше. Вотъ, будто волна приближается, лепечетъ и разбивается съ тихимъ журчаніемъ... И еще одна тихо подкатывается... Мирра въ дремотѣ ждетъ нѣжнаго звука прибоя, но вдругъ рѣзкій ударъ разрушаетъ симфонію... Что это? гдѣ она? Это столикъ съ грохотомъ падаетъ на земь. Засыпая стоя, Мирра опрокинула его неловкимъ движеніемъ.

Мирра сразу приходитъ въ себя. Большакова оборвавшись на полусловѣ, краснѣетъ отъ гнѣва—ее всегда приводитъ въ бѣшенство неожиданный шумъ. А Мирра со слезами на глазахъ поднимаетъ столикъ, устанавливаетъ на немъ упавшія вещицы.

— Ничего не разбилось!.. Слава Богу! Простите меня... Я такъ испугала васъ...—лепечетъ она,—я такъ устала, уснула стоя...

Большакова только шипитъ и пыхтитъ. Почему-то у нея такая обида въ душѣ, какъ бываетъ, когда прислуга разбиваетъ любимую чашку, потокъ грубой облегчающей брани стоитъ въ горлѣ, но нельзя дать ему волю, и отъ этого досада накипаетъ острѣе. Ничего не говоря, она выходитъ изъ комнаты, гнѣвно хлопая дверью за собой.

Долго стояла Мирра, прислушиваясь, не вернется ли Большакова. Въ дальнихъ комнатахъ слышались гнѣвные окрики, тяжелые шаги, плачъ ребенка, но никто не являлся.

Тогда Мирра взяла свѣчу со стола, прошла въ коридоръ и стала спускаться по крутой, незнакомой ей

лѣстницѣ. Изъ натопленнаго жилого верхняго этажа, какъ въ холодную яму, спускалась она въ сырое помѣщеніе. Внизу остановилась въ холодныхъ сѣняхъ. Передъ ней было нѣсколько дверей. Поочередно пробовала открыть каждую, но ни одна не поддавалась. Вернуться опять къ г-жѣ Большаковой она не имѣла рѣшимости и сѣла на ступеньку лѣстницы, поставивъ свѣчу на полъ. Изъ-подъ входной двери дулъ вѣтеръ и колебалъ пламя свѣчи. Оно дрожало, трепетало, то прилегало, то взвивалось кверху, бросая причудливыя тѣни на бревенчатыя стѣны сѣней. Мирра смотрѣла на трепещущее пламя, на безформенныя тѣневыя фигуры, скользившія по стѣнамъ, и въ душу ея входило тупое, усталое равнодушіе... Уже не хотѣлось ни отдохнуть, ни согрѣться, не было ни печали, ни одиночества внутри... Ничего не хотѣлось, ни о чемъ не думалось. Исчезло представленіе о времени, какъ-то забылось, гдѣ и кто она. И она сидѣла скорчившись, съежившись, сливаясь тѣломъ и духомъ съ безформенными, случайными, сѣрыми тѣнями на стѣнѣ...

Хлопнула входная дверь. Ворвался вѣтеръ, пламя бѣшенно забилось, тѣни взвились кверху и въ смятеніи забѣгали по стѣнѣ, какъ бы пытаясь спрятаться.

— Барышня, а вы тутъ сидите, на холоду!—Это была горничная Малаша.—А барыня и не кликнула меня. Я въ прачешной была...

Эти слова настойчиво, назойливо звали Мирру изъ забытья и она, еще не желая воспринимать ихъ, но уже слыша ихъ, слѣдила упорно за мятущейся тѣнью, не шевелясь, не откликаясь... Но вотъ тѣнь еще одинъ разъ метнулась, скорчилась и затѣмъ сразу разлилась по всей стѣнѣ; свѣча потухла, задутая вѣтромъ.

Теперь въ темномъ пустомъ пространствѣ уже совсѣмъ просто и понятно звучали слова горничной:

— Барышня! а барышня! Заснули, здѣсь сидючи? Вотъ барыня то и не кликнула! Бѣда теперь, покамѣстъ протопишь.

— Барыня думала, вы ушли,—пересиливая себя, заговорила Мирра въ защиту Большаковой, испытывая боль отъ простыхъ сочувственныхъ словъ горничной.

— Какое ушла! Знаетъ вѣдь, что стираю. Боялась, вишь, что бѣлья не кончу, потому и не звала...

— Откройте мнѣ дверь, пожалуйста!—прервала ее Мирра. Такъ хотѣлось снова остаться одной.

Горничная пошла за ключемъ, потомъ вернулась, зажгла свѣчу и повела Мирру черезъ рядъ холодныхъ, темныхъ комнатъ.

— Гдѣ, барышня, топить? въ большой комнатѣ, али въ угловой? Въ угловой, пожалуй, теплѣй, и печка побольше.

Малаша снова ушла, вернулась разъ, другой, таская дрова.

Мирра черезъ силу заставляла себя подавать короткія реплики горничной, хлопотавшей у огня. Минутами подступало желаніе закричать на эту хлопотунью, выгнать ее, остаться одной, запереться на ключъ ото всѣхъ на свѣтѣ...

— Довольно. Я дальше сама!—говорила она Малашѣ.

— Какъ можно, барышня! Вы, небось, нашихъ печекъ не знаете. Здѣсь слѣдить надо, чтобы въ трубу не выдуло, а то тепло такъ и уйдетъ. Вотъ разгорится, я трубу наполовину закрою, только, Боже упаси—совсѣмъ закрыть—угорите!..

— Я умѣю, я знаю!—почти со слезами въ голосѣ говорила Мирра.

— А трубу закрыть опосля тоже надо! А то дрова зря сгорятъ. Тоже умѣючи надо, барышня. Вамъ до вьюшекъ и не достать.

— Знаю, достану!—не скрывая раздраженія, крикнула Мирра.

— Какъ знаете, барышня. Мнѣ что, я уйду!

Обиженная Малаша, что-то бормоча, вышла изъ комната.

Мирра сѣла передъ огнемъ и упорно стала смотрѣть въ

печь на горящія полѣнья. Ей хотѣлось снова достигнуть того состоянія прострації, которое испытала она, сидя на лѣстницѣ. Но острое безпокойство, не то раздраженіе на надоѣдливую горничную, не то злоба на хозяйку, владѣло ею. Сначала это раздраженіе было смутно разсѣянно во всемъ ея существѣ, но потомъ незамѣтно стало сгущаться, собираться удушливымъ комомъ, гдѣ-то у горла. Чтобы избавиться отъ давящаго кома, излить тоскливое напряженіе, надо было раздвинуть съ силой горло и закричать дико, неистово... И желаніе вопить мелкой судорожной дрожью свело челюсти и отдалось мгновеннымъ, едва осознаннымъ сладостнымъ предчувствіемъ разрѣшенія по всему тѣлу.

— Истерическій припадокъ!—мелькнуло гдѣ-то въ сумеречномъ сознаніи и, пробиваясь сквозь пелену полузабытья, закопошились предостерегающія ассоціаціи: чужой домъ... Большакова... скандалъ ночью...

Какая-то сила поднялась изъ глубины и желѣзными клещами сжала уже раздвигавшіяся для крика челюсти. Удушливый комъ давилъ, напиралъ изнутри, а волевыя клещи съ силой стискивали зубы. Одно мгновеніе продолжалась борьба, тонкій визгъ вырвался изъ-за плотно сжатаго рта. Комъ уступилъ, отошелъ. Разжались и клещи.

Теперь больше не хотѣлось кричать, дышалось свободно, но осталось какое-то неудовлетворенное томленіе въ тѣлѣ. Надо было непремѣнно что-нибудь дѣлать, нельзя было оставаться на мѣстѣ. Мирра схватила свѣчу и пошла безъ цѣли по комнатамъ.

Ихъ было много. Все маленькія, тѣсныя, нелѣпо соединенныя между собой множествомъ ненужныхъ дверей. На окнахъ висѣли полинялыя занавѣси изъ ситца съ большими цвѣтами, мебель всюду была сборная, обветшалая, все диванчики да шаткіе столы. Изъ щелей дулъ вѣтеръ, пахло плѣсенью. Ничего людского, жилого, интимнаго. Долго ходила Мирра по комнатамъ изъ одной въ другую, не попадая снова въ ту, изъ которой пришла, и ей стало ка-

заться, что комнать этихъ безконечно много и она никогда не вернется въ свою... Потомъ по отблеску огня, вырвавшемуся изъ-подъ двери, нашла свою комнату и усталая, теперь затихшая, вернулась въ нее и сѣла на стулъ передъ огнемъ.

Тихія грустныя мысли медлительно вились въ головѣ.

— Напротивъ, у Рѣкушей теперь ужинаютъ. Сережа навѣрное знаетъ, что она здѣсь... Сидятъ всѣ за столомъ подъ висячей лампой, болтаютъ, смѣются... И Матильда смѣется, нарочно громко смѣется. Она вѣдь знаетъ, что онъ не увидитъ Мирру... И оба думаютъ о Миррѣ. Со злобою думаютъ. Коленьку уже спать уложили. Матильда зайдетъ къ нему, перекреститъ, укутаетъ... Потомъ вернется въ столовую и будетъ говорить о завтрашнемъ днѣ, о прогулкѣ, объ обѣдѣ...

Огонь въ печи разгорался. Всѣ полѣнья уже были объяты пламенемъ и лишь спереди, посерединѣ, черной линіей прорѣзывало сплошной фонъ огня обуглившееся, по краямъ слегка тлѣющее полѣно. Изъ-подъ него выбивались синіе язычки, скользили по бокамъ вверхъ, но не могли окрасить его чернаго тѣла и лишь отрывали отъ него струи мелкихъ золотыхъ искръ.

И въ цѣпь интимныхъ образовъ, изъ которыхъ сейчасъ слагалась мысль Мирры, стали вплетаться причудливыя фантастическія фигуры изъ искръ и пламени. Не то снопъ огня, не то смѣющаяся Матильда въ огневомъ трепетаніи металась передъ ней, а лукавые синіе язычки, ея глаза, жалили обидной насмѣшкой, злымъ упрекомъ. А сама она, Мирра, чернымъ тѣломъ — полѣномъ лежала неподвижно, безсильно отдаваясь огневому страданію...

И вдругъ всѣ эти образы покрылъ какой-то назойливый безпокойный стукъ. Казалось, онъ долго досаждалъ ей и она отмахивалась отъ него. Но потомъ онъ побѣдилъ. Стукъ въ окно, тихій, дробный, настойчивый. Сразу отлетѣла дремота и, не сознавая еще этого, Мирра уже знала, въ чемъ дѣло. Быстро метнулась къ окну. Обликъ Сергѣя Ивано-

вича за тусклымъ стекломъ не узнала, а угадала, почуяла.

— Сережа, Сережа!

Торопливо, неловко стала дергать раму. Она не поддавалась. Тогда Мирра бросилась отъ окна по комнатамъ къ выходу, наугадъ въ одну, потомъ въ другую комнату, наконецъ, нашла выходную дверь, распахнула ее, выбѣжала въ сѣни, слетѣла съ крыльца...

Темная высокая фигура во мракѣ... Мирра упала въ объятія Сергѣя Ивановича и на мгновеніе замерла въ тихомъ трепетѣ.

Трудно было начать разговоръ. Шли долго рядомъ по лѣсной дорогѣ, во тьмѣ, чувствуя другъ друга близко, и оба молчали.

Наконецъ Мирра сказала:

— Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ? Больше не надо... Я такъ виновата передъ Матильдой,—и заплакала.

— Полно, глупенькая! Богъ съ нею, съ Матильдой. Она дура! Не будемъ говорить о Матильдѣ. Разскажи о себѣ. Я сегодня видѣлъ тебя во снѣ,—и вотъ ты пріѣхала...

— Ахъ, не надо! И зачѣмъ все это было? Если бы я могла попросить у Матильды прощенія... Она никогда не проститъ мнѣ.

— Ну и что тебѣ далась Матильда? Чортъ съ ней! Я такъ давно не видалъ тебя. Сядемъ!

Тѣсно рядомъ сѣли на сырой камень, покрытый бархатомъ прошлогодняго мха.

— Ты вся—черная, а твои руки сіяютъ. Бѣлыя прекрасныя руки!—и онъ наклонился, стараясь поцѣловать ея руку.

Она отшатнулась въ испугѣ и снова заплакала.

— Недотрога! Истеричка! Женщина съ такими руками, съ такой шейкой плачетъ. Что тебѣ за дѣло до Матильды и до другихъ сплетницъ? Будемъ цѣловаться.—Онъ обвилъ ее насильно руками.

Ужасъ темнаго лѣса, холодной сумрачной ночи сливался въ ней со страхомъ передъ этимъ большимъ, невидимымъ сейчасъ человѣкомъ, съ цѣпкими грубыми руками и сипящимъ дыханіемъ.

— Я не хочу...—Она билась въ его объятіяхъ.—Я закричу.—Оставь, оставь меня!—И отворачивала лицо отъ него. Но имъ владѣло желаніе мучить ее. И борясь съ ней, онъ стискивалъ ее до боли, ломалъ ея руки.

— Нѣтъ, не пущу! Будемъ цѣловаться! Не пущу и не провожу домой, будемъ здѣсь всю ночь...

— Пусти, только пусти... я сама дойду...

— Завязнешь въ болотѣ!

— Пусть, пусть завязну. Зачѣмъ ты мучаешь меня!

— Такая стройная, гибкая, словно дѣвушка... Ну, поцѣлуй! Больно? а? Ну такъ цѣлуй лучше сама...

Она устала бороться. Измученная прислонилась къ нему и плакала, и въ рыданіяхъ по дѣтски прижималась къ нему, колотясь головой о его грудь.

И онъ пересталъ ее мучить. Улеглось бурное желаніе. Тихо и ласково сталъ гладить ее своей большой рукой по волосамъ и лицу.

— Не плачь, не плачь, любимая... а то я съ тобой заплачу. Не ты одна обижена. И меня мучили... Давно, раньше... Издѣвались надо мною, изъ дому выгоняли... И я все вынесъ... Милая... Ну прижмись, голубка, родная...

— Такъ все залипло кругомъ, сдавило меня... тяжело, Сережа, мнѣ такъ тяжело и стыдно! И я такъ одинока, Сережа!..—и опять съ новымъ отчаяніемъ рыдала.

— Плачь, плачь, моя дѣвонька. Какъ я люблю такъ ночью, въ лѣсу. Положи сюда головку. Легче? Легче?..

Она затихла. Будто рыданія вымыли изъ души все мутное, больное. Она глубоко всхлипывала и чувствовала, какъ со звуками отходящихъ рыданій остатки горечи улетучиваются изъ души.

Подняла голову. Тихо и свѣтло было вверху. И кругомъ стало яснѣй. Силуэты сосенъ вырисовывалась надъ головой.

Въ послѣдній разъ судорожно всхлипнула, и потомъ, улыбаясь, заглянула ему въ лицо. На нее глянули большіе страдающіе глаза и изъ нихъ заструились потоки нѣжности, обволакивая ея сердце. Она смотрѣла то въ небо, то въ эти глаза и улыбалась дѣтской улыбкой, а глаза надъ нею свѣтились нѣжнымъ усталымъ блескомъ.

— Хорошо тебѣ, крошка?

— Хорошо, Сереженька, хорошо...

Потомъ еще долго сидѣли, слегка прижавшись другъ къ другу, и опять говорили.

— Пусть она простить ему его грубость. Если ей тяжело встрѣчаться съ нимъ, не надо. Но лучше было бы не обращать вниманія на Матильду. Вѣдь имъ было такъ хорошо вдвоемъ. Онъ такъ одинокъ среди всѣхъ окружающихъ. У нея въ сердцѣ онъ нашелъ родной уголокъ...

Тихо разстались. Онъ поцѣловалъ у нея руку. Довелъ ее до дверей дома.

Потомъ онъ пошелъ къ себѣ, къ женѣ и ребенку, въ свое уютное, удобное гнѣздо.

На столѣ ждалъ его ужинъ. Матильда и Генрихъ играли въ шашки у окна.

— Ахъ, наконецъ-то, Сережа! Какъ можно въ такую сырость такъ поздно гулять. Скидай скорѣй ботинки, я принесу тебѣ теплыя туфли. Анюта, затопите каминъ!

А Мирра долго лежала на жесткомъ диванѣ —Большакова забыла послать ей подушку—и повторяла съ тоской и болью слова нѣжности и участья, выпавшія ей сегодня на долю...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Улеглось временное предвыборное оживленіе и въ партійной работѣ настало затишье. Проходили недѣли, мѣсяцы, близилось время начала думской сессіи, а вокругъ становилось все тише, общественное движеніе съ каждымъ днемъ словно спадало; какъ во время отлива на морѣ, незамѣтно откатывались куда-то волны и обнажалась пустынная, однообразная, песчанная отмель. Непонятно было, почему и куда уходятъ волны и хотѣлось вѣрить, что завтра приливъ вернетъ ихъ обратно...

Вслухъ почти еще никто не говорилъ объ упадкѣ общественнаго настроенія, но про себя каждый томился тяжелыми опасеніями. Результатамъ выборовъ можно было радоваться и на Думу возлагались большія надежды и, сходясь вмѣстѣ, партійные работники преимущественно объ этомъ говорили, но на душѣ ни у кого не было радости. Многіе уходили отъ партійной работы, ссылаясь на переутомленіе.

Мирра попрежнему каждый вечеръ ѣздила за заставу. Но теперь число ея слушателей въ кружкахъ значительно сократилось и часто кружку негдѣ было собраться. Прежнія квартиры были выслѣжены полиціей, а новыхъ не удавалось найти. Женщины, жены рабочихъ, раньше сами охотно вступавшія въ кружки, теперь, послѣ массовыхъ увольненій съ заводовъ и повальныхъ арестовъ, отказывались пускать къ себѣ въ домъ товарищей. „Бюро безработныхъ“, „Безплатная столовая“, гдѣ раньше собирались рабочіе, были закрыты администраціей.

Грустно было Миррѣ возвращаться домой послѣ несостоявшагося засѣданія кружка. Со станціи трамвая она взяла извозчика и поѣхала къ Нелли.

За послѣднее время отношенія между Нелли и Миррой испортились. Онѣ не объяснялись по этому поводу, но вообще не разговаривали теперь о своей дружбѣ; а въ былыя времена Мирра такъ любила говорить о своей привязанности къ Нелли и постоянно ревниво провѣряла чувства подруги къ себѣ. Еще съ тѣхъ поръ, какъ въ Берлинѣ съ Миррой случилось „несчастіе“, что-то легло между подругами. Но Нелли тщательно скрывало то новое и тяжелое, что замѣчала въ себѣ и усиленной нѣжностью и заботливостью маскировала надломъ въ отношеніяхъ.

Въ раннемъ отрочествѣ, въ томъ возрастѣ, когда дѣвочки со сладкимъ трепетомъ и жуткимъ любопытствомъ говорятъ и читаютъ о любви, Нелли ни съ подругами, ни наединѣ съ собой не затрагивала этой темы. Какъ то непріятно ей было говорить объ этомъ и, когда подруги пытались посвящать ее въ свои тайны, она всегда останавливала ихъ, переводила разговоръ на другой предметъ и онѣ пріучились стѣсняться ея. Ей приходилось много читать и слышать о любви, но на всѣ впечатлѣнія этого рода она реагировала не чувствомъ, не ощущеніями, а разсудкомъ и у нея рано сложились твердые и прямолинейные взгляды на любовь и бракъ. Разсуждая на эти темы, она никогда не вскрывала внутренняго интимнаго содержанія любви, ни чувствомъ, ни воображеніемъ не примѣрялась къ любовнымъ переживаніямъ, а оперировала съ отвлеченными холодными понятіями.

И позже, уже взрослой дѣвушкой, Нелли все не рѣшалась приподнять завѣсу надъ тѣмъ, что зовется любовью. Правда, теперь она знала о любви все, что полагается знать взрослому человѣку, но всѣ мысли о любви она сама прятала отъ себя. И когда какое-либо сильное дуновеніе грозило приподнять или сорвать таинственную завѣсу, Нелли въ безпокойствѣ отстранялась, зажмуривалась, старалась ничего не видѣть и не слышать.

То, что случилось съ Миррой въ Берлинѣ, больно по-

разило Нелли, встревожило ея душу. Она не поняла того, что произошло между Миррой и Павломъ Васильевичемъ, и объяснила себѣ ихъ разрывъ нежеланіемъ служить другъ другу помѣхой въ партійной работѣ. Нелли сильно привязалась къ маленькой Зинкѣ и это какъ будто еще болѣе сблизило ее съ Миррой, но на самомъ дѣлѣ дружба была подорвана. Въ Неллино отношеніе къ Миррѣ вкралась какая-то мучительная нота безпокойства, гнетущаго недоумѣнія, словно случившееся съ Миррой оскорбляло Нелли, нарушало спокойную ясность ея міроощущенія...

Потомъ до Нелли стали доходить слухи объ отношеніяхъ Мирры съ Сергѣемъ Ивановичемъ. Но Нелли не слушала, когда посторонніе пытались говорить съ нею объ этомъ. Она не могла примириться съ мыслью, что, „Мирра— въ связи съ Рѣкушемъ“, какъ формулировала пикантную новость Лидія. Но искренне не вѣря сплетнямъ, она все же не могла просто и ясно относиться къ Миррѣ и всегда внутренне настораживалась, когда Мирра затѣвала съ нею дружескіе и откровенные разговоры...

Мирра пріѣхала къ Нелли въ одиннадцатомъ часу вечера. Нелли была не одна, какъ надѣялась Мирра. У нея сидѣлъ Каленовъ. Очевидно, они вмѣстѣ читали. У Мирры было ощущеніе, словно она помѣшала имъ. Но Каленовъ сказалъ, что ему давно уже пора домой и сталъ собираться; перевязалъ веревкой пачку книгъ, приспособилъ ее, чтобы удобнѣе было нести и, предварительно о чемъ-то условившись съ Нелли, ушелъ.

Какъ только Нелли вернулась изъ передней, проводивъ Каленова, Мирра заговорила, вопросительно поглядывая на подругу:

— Ты знаешь, я на этой недѣли шесть разъ ѣздила за заставу, а заниматься удалось только два раза...

Нелли была старше Мирры, она обладала большими знаніями, и Мирра ставила ее неизмѣримо выше себя. Она привыкла обращаться къ Нелли, какъ къ старшей, за совѣ-

томъ и утѣшеніемъ и теперь, какъ всегда, надѣялась, что вдругъ Нелли какъ-нибудь хорошо объяснитъ все тяжелое, что сейчасъ происходитъ, и окажется, вовсе нѣтъ причинъ печалиться и падать духомъ.

Но Нелли молчала...

— Ты, Нелли, не ѣздишь за заставу, а въ интеллигентскихъ кружкахъ это, вѣроятно, незамѣтно. Знаешь, мнѣ кажется, что все замираетъ вокругъ...

— Ты постоянно ноешь, Мирра,—съ легкимъ раздраженіемъ въ голосѣ отвѣтила Нелли.—Конечно, теперь относительное затишье. Ну, такъ что же? Рабочимъ надо собраться съ силами для новаго подъема. Увидишь, соберется Дума...

— А мнѣ вотъ кажется, что это не то... Словно мы теперь подбираемъ крохи, остатки, а главное, настоящее уже позади и никогда не вернется...

— Почему крохи? Развѣ мы не одержали побѣды во время выборовъ?

— На словахъ, въ цифрахъ—это какъ будто такъ, но я не чувствую радости, словно это и не побѣда. И мнѣ такъ тяжело...

— А мнѣ кажется, Мирра, что это тоскливое настроеніе у тебя... можетъ быть, изъ-за какихъ-либо личныхъ дѣлъ...— отворачиваясь и словно не своимъ голосомъ произнесла Нелли.

Но Мирра не обратила вниманія на ея намекъ. И то, что сказала Нелли, какъ будто даже обрадовало ее.

— Ты думаешь, что это чувство разочарованія только во мнѣ? А мнѣ кажется, оно вѣетъ на меня отовсюду.

Нелли, превозмогая себя, продолжала:

— Все это происходитъ отъ того, что ты слишкомъ отдаешься... личнымъ переживаніямъ. Когда уѣзжала Зинка, вѣдь ты хотѣла всѣ свои силы посвятить работѣ.

— Да, да...—шептала Мирра,—но вѣдь партійная работа уходитъ отъ меня.

Нелли раздражало то, что говорила Мирра. Ей казалось, что Мирра, говоря о работѣ, думаетъ о чемъ-то другомъ и, поддаваясь острому враждебному чувству, она вдругъ неожиданно и рѣзко спросила:

— Мирра, скажи, это правда, что ты любишь Рѣкуша?

Но Мирра не смутилась. Вѣдь ей давно хотѣлось поговорить съ Нелли объ этомъ и медленно, словно обдумывая каждое слово, она тихо отвѣтила:

— Я сама не знаю... это очень стыдно, Нелли... Кажется, люблю... Вѣдь я цѣлую его...—прибавила она совсѣмъ шопотомъ.

Нелли въ смущеніи опустила голову.

— Зачѣмъ же цѣловать... если не любишь,—съ заминкой произнесла она.

— У меня къ нему такая большая нѣжность... Но я не могла бы всегда быть съ нимъ. Это такъ трудно объяснить. Когда его нѣтъ, я тоскую по немъ и онъ мнѣ близокъ, но тоскуя, все боюсь, что онъ придетъ...

— Но вѣдь тебѣ хорошо отъ этой любви?—опять съ трудомъ спросила Нелли.

— Знаешь, я сама себѣ всегда задаю этотъ вопросъ. Хорошо ли мнѣ? И не только въ этомъ случаѣ. Даже въ мелочахъ, лишь только со мной происходитъ что-либо, что должно быть пріятно. Если я сижу въ театрѣ, слушаю музыку, если... меня ласкаютъ... я все будто повторяю себѣ: вѣдь мнѣ теперь хорошо, пріятно! Словно, все доказываю себѣ, что жизнь хороша, что стоитъ жить... А по-настоящему мнѣ бывало хорошо только съ Зинкой... И то—это теперь кажется, а когда она была, я раздражалась, сердилась на нее...

— Миррочка, ну зачѣмъ такія мрачныя мысли! Конечно, жизнь хороша!—съ прежнимъ теплымъ участіемъ сказала Нелли, протягивая руки къ подругѣ.—Знаешь что! Вотъ теперь работы меньше, ты бы съѣздила туда за Зинкой. Ты

не будешь такой одинокой, и пройдутъ всѣ эти мрачныя мысли.

— Не знаю. Я не потому одинока, что одна. Я какъ-то такъ изнутри одинока и среди близкихъ, любимыхъ. Будто съ кѣмъ-то, тамъ, гдѣ-то, когда-то я была связана и оторвалась и потеряла свое и своихъ навсегда... Этого забытаго, моего изначальнаго всегда ищу въ себѣ, иногда кажется, вотъ-вотъ вспомню и удержу его и опять теряю и томлюсь разорванной душой, одинокая и чужая здѣсь...

Нелли въ испугѣ смотрѣла на блѣдное вытянувшееся лицо Мирры. Она не вполнѣ постигала смыслъ ея словъ, но именно потому, что слова эти звучали какимъ-то недоступнымъ ей отчаяніемъ, они рождали смутную тревогу и словно ставили передъ ней мучительные и настоятельные вопросы, формулировать или осмыслить которые логически она не могла.

Послѣ ухода Мирры, Нелли долго сидѣла, обдумывая слова подруги: „Доказываетъ себѣ, что жизнь хороша“... произносила она про себя, и такой странной и жуткой казалась ей эта фраза. И самой хотѣлось методическимъ и холоднымъ умомъ перебрать „все, что есть хорошаго въ жизни“, словно не для себя, а для Мирры. Но, когда подходила вплотную къ этой мысли, вмѣсто словъ и представленій рождалось внутри какое-то неуловимое яркое и трепетное чувство, котораго нельзя было оформить мыслью; какъ только старалась приглядѣться къ нему, оно тускнѣло и снова оставался голый и нелѣпый вопросъ: что есть хорошаго въ жизни? И понуждая себя, словно не изъ себя и не свое, а что-то заученное, говорила себѣ: работа... любовь къ людямъ... красота... Но трудно было думать объ этомъ, и мысль сбивалась въ сторону. Вспоминалась почему-то деревня, цвѣтущій фруктовый садъ, потомъ лѣтній лугъ. Особенно ярко, неотразимо рисовался въ воображеніи этотъ лугъ. Ярко зеленый, весь колыхающійся, съ большими синими пятнами колокольчиковъ, а надъ нимъ какъ бы

звенящій воздухъ и синее легкое небо въ вышинѣ... И жадно, нетерпѣливо захотѣлось туда; такъ остро потянуло къ этому зеленому, яркому, что она въ тоскѣ стиснула руки и тихо застонала. И сейчасъ же стало стыдно. Такъ вотъ оно! Неужели въ этомъ для нея цѣнность жизни? Зеленый лугъ въ цвѣтахъ? Нѣтъ, это просто такъ хорошо! А Мирра, развѣ она не чувствуетъ, что вотъ такъ бываетъ просто хорошо, безъ всякихъ причинъ, отъ чего-нибудь неважнаго, глупаго, вотъ отъ луга... И это, помимо главнаго, того, для чего живешь. Что же главное? Но вспоминалось почему-то не главное, а второстепенное, просто хорошее. Звучали въ памяти гармоническіе ласкающіе мотивы, вспоминались буйныя волнующія строфы стиховъ, всплывали какіе-то красочные, чарующіе образы.—Не то... не то...—говорила про себя Нелли, отмахиваясь отъ ненужныхъ представленій и они словно ложились тутъ же рядомъ яркой горкой самоцвѣтныхъ сверкающихъ камней и, внутренне зажмуриваясь отъ ихъ дразнящаго сіянія, она думала: вѣдь не это главное, не то привязываетъ къ жизни, собираетъ ее воедино. Вотъ другое, большее... работа... или стремленіе къ будущему... интересъ къ борьбѣ и развитію идей, связь съ міромъ, человѣчествомъ... Ощущеніе творческой силы въ себѣ... И вдругъ словно яркій лучъ упалъ на весь этотъ ворохъ безсвязныхъ мыслей! Творческая сила! Творчество! Кажется, это то, что нужно было найти. И не хотѣлось больше вдумываться, расчленять мыслью это слово. Такое цѣльное яркое чувство полноты, осмысленности и силы рождало оно, что жалко было отпускать его, чтобы искать дальше... И снова подумала о Миррѣ. Развѣ она не знаетъ этого чувства? Ощущенія творчества? И въ связи съ Миррой вспомнила еще о чемъ-то важномъ въ жизни. Да... любовь. Но не хотѣлось углубляться въ мысли о любви. И механически-логическимъ движеніемъ присоединяя новое, открытое, къ раньше найденному, формулировала: творчество, любовь... Теперь мысль, направленная по рельсамъ ло-

гическаго обобщенія, обратилась и къ тому, раньше отброшенному. Лугъ, цвѣты, звуки,—красота, нѣтъ, скорѣе—природа. И она съ удовольствіемъ вслухъ повторила только что возникшую форму: Творчество, любовь, природа.

Посреди ночи Нелли проснулась отъ остраго радостнаго чувства. Казалось ей, сейчасъ случилось что-то большое, хорошее или, можетъ быть, только приснилось.—Что такое?—въ изумленіи спрашивала она себя. Что было вчера?.. Ахъ да—это вечернія мысли... „жить хорошо“. Бѣдная Мирра!.. Еще рано. Можно спать, долго спать. Какъ хорошо! Она потянулась, повернулась на бокъ и горячей щекой прижалась къ гладкому, холодному сгибу своей руки. Ощущеніе свѣжести прошло по всему тѣлу. Она въ полуснѣ потерлась лицомъ объ упругую прохладную кожу и подумала сонною мыслью: хорошо въ водѣ... И казалось ей, что тѣло ея покрылось тонкой прохладной, какъ металлъ и вода, изъ воздушныхъ серебристыхъ пузырьковъ сотканной сѣтью. И сквозь сонъ спрашивала себя: почему пузырьки? Что-то милое и радостное и свѣжее связано съ воспоминаніемъ о пузырькахъ. Да, это про рыбку. Въ дѣтствѣ, когда ей было 6—7 лѣтъ, подарили ей маленькую золотую рыбку съ черными пятнышками на плавникахъ и на боку, съ серебрянымъ брюшкомъ. Нелли все казалось, что рыбка задыхается въ водѣ, она такъ часто и жадно раскрывала ротъ. И, когда, наконецъ, мама разрѣшала, Нелли съ волненіемъ бѣжала въ кухню мѣнять рыбкѣ воду. Свѣжая холодная вода наполняла банку и со дна ея струйками бѣжали вверхъ крошечные торопливые пузырьки и серебряными блестками садились на плавники и чешую рыбки. И тогда, покрытая воздушной блестящей сѣтью, рыбка казалась довольной и какой-то особенно свѣжей и легкой...

— Рыбка, пузырьки...—шептала Нелли и хотѣлось ей остановиться на этомъ нѣжномъ миломъ воспоминаніи, но затуманенныя мысли, свиваясь въ клубокъ, быстро неслись

куда-то дальше, въ безпредѣльныя и зыбкія пространства сновидѣній...

II.

Уже собралась долгожданная вторая Дума, уже звучали съ думской трибуны слова, которыхъ до сихъ поръ не слыхала Россія, но за каждымъ громко сказаннымъ словомъ, слышался шопотъ: что же дальше? Долго ли намъ еще позволятъ говорить?

Съ самаго начала всѣ знали, что дни Думы сочтены и съ болью и надеждой прислушивались, не раздается ли шумъ подготовляющагося взрыва, но вокругъ все было тихо.

Печаленъ былъ въ этомъ году торжественный день 1-го мая.

Кое-гдѣ пріостановились работы на фабрикахъ, но устроить большихъ собраній подъ открытымъ небомъ, какъ въ прошлые годы, не удавалось. По полямъ и лѣсамъ вокругъ пригородныхъ фабрикъ, сновали казаки, стояли патрули солдатъ. Лишь только собиралась кучка рабочихъ, появлялся казачій разъѣздъ и собравшіеся разсыпались въ разныя стороны.

А Лидія такъ готовилась къ этому дню. Составила прекрасную рѣчь для митинга въ полѣ. И казалось ей, отъ рѣчи ея будетъ пахнуть весенними цвѣтами и будетъ въ ней слышаться звонъ побѣдныхъ колоколовъ. Но ничего не удавалось сегодня. Съ утра она слонялась съ группой рабочихъ по полямъ, выбирая мѣсто для митинга, но такъ и не нашла возможности сказать своей большой рѣчи.

Вечерѣло. Лидія шла теперь почти уже безцѣльно по лугу. Съ нею были Ваня, Кирюша и еще два-три рабочихъ. Направо, возлѣ желѣзно-дорожнаго моста увидѣли палатку.

— Солдатъ поставили мостъ сторожить,—сказалъ Ваня.

— Не подойти ли къ нимъ товарищи?—предложила вдругъ Лидія.

— Куда тамъ! Еще скрутятъ. Чортъ съ ними!—лѣниво отвѣтилъ Кирюша.

Она послушалась и пошла вмѣстѣ съ рабочими дальше, въ сторону отъ моста.

Вокругъ на лугу кое-гдѣ виднѣлись группы пригородныхъ мѣщанъ и рабочихъ, расположившихся на весенней травѣ. Издали доносился визгливый звукъ гармоники. Ваня насвистывалъ маршъ. Кирюша рвалъ желтенькіе цвѣточки, росшіе по краю канавы, и собиралъ ихъ букетомъ.

Какая то мирная ласковая обыденность постепенно входила въ душу и вмѣстѣ съ тѣмъ просыпалась заглушенная съ утра усталость и сладко позѣвывалось въ пріятной увѣренности близкаго отдыха. Сзади подходила еще группа рабочихъ, тоже вялыхъ, лѣнивыхъ отъ весенняго воздуха и празднаго безтолковаго дня. Еще издали были слышны отрывистыя пустыя полуфразы, которыми они перебрасывались на ходу.

Возбужденіе Лидіи падало. Уже не было торжественнаго жуткаго ожиданія въ душѣ, но какіе-то безпокойные вихри не то удали, не то злобы еще вздымались внутри. Они то замирали, ложась досадливымъ отвращеніемъ ко всему, то снова взвивались бурнымъ упрямымъ протестомъ противъ обидной неудачи этого дня.

И вдругъ она остановилась.

— Я иду къ солдатамъ, товарищи!—и побѣжала назадъ.

Рабочіе столпились, переговариваясь, колеблясь, итти ли за ней. Но видя, что она удаляется, поплелись нестройной толпой за ней.

Она бѣжала по полю, легко перепрыгивая черезъ канавы, потомъ спустилась въ ровъ, по другую сторону котораго стояла палатка, и поднявшись изо рва, очутилась сразу среди солдатъ.

Ихъ было двѣнадцать человѣкъ. Офицеръ уѣхалъ въ городъ и они чувствовали себя вольно, сидѣли у палатки и лѣниво разговаривали.

— Можно къ вамъ братцы?

Они сразу всѣ смолкли и изумленные глядѣли на Лидію, не отвѣчая.

— Да что же вы уставились на меня, господа? Я не привидѣніе!

Но, очевидно, нѣкоторые изъ нихъ уже поняли, кто она. Офицеръ много говорилъ имъ о „внутреннемъ врагѣ“ и о „проклятыхъ жидовкахъ“.

— Проходите своей дорогой!—сказалъ солдатъ, сидѣвшій въ центрѣ кружка, со спокойнымъ умнымъ лицомъ.

— Чего гонишь! Офицера нѣтъ,—оборвалъ его другой солдатикъ, блѣдный и вялый, съ пустымъ бѣгающимъ взглядомъ.

— Да дайте-же, люди, барышнѣ сказать, чего хочетъ!—мягко улыбнулся третій, широкій приземистый малороссъ.

Лидія, ухватившись за его слова, обращаясь какъ будто только къ нему, быстро начала говорить, невольно подражая условно народному тону... . . . . .

. . . . . .

И вдругъ изъ-за спины оппонентовъ Лидіи раздались голоса солдатъ, не принимавшихъ участія въ разговорѣ:

— Что ее слушать-то? Видишь, жидовка! Вяжи ее, братцы, на водку получимъ. Бери монашку-то! Чего языки чешете?..

Кое-кто изъ окружающихъ Лидію отодвинулся, другіе придвинулись ближе.

— Чего путаться? Пусть шла бы себѣ!—сказалъ робко малороссъ.

— И чего вздумали! Пусть идетъ, никто и не узнаетъ...—присоединился другой, до сихъ поръ молчавшій солдатъ.

— Такъ тебѣ и пущу! Дуралей!—закричалъ одинъ изъ тѣхъ, что предлагалъ ее вязать, расталкивая сосѣдей.

— Вязать! вязать, чего тутъ!—подхватилъ еще кто-то.

Лидія оглянулась и увидала себя окруженной сомкнутымъ кольцомъ злыхъ наглыхъ взглядовъ.

Солдаты наступали, еще колеблясь, но уже протягивая къ ней руки.

И вдругъ она съ непредвидѣнной ими силой рванулась впередъ, прорывая окружающее ее людское кольцо.

— Скоты! дорогу!

Солдаты смѣшались. Привыкшіе повиноваться грубому окрику, какъ-то сразу не сообразили, въ чемъ дѣло.

А она уже вышла изъ круга и твердо и ровно, не торопясь, будто ихъ не было вовсе за ней, пошла впередъ по направленію къ мосту.

Все тѣло ея, вся душа собрались однимъ великимъ напряженіемъ, слились въ одинъ торжественный гармоническій аккордъ и она шла легко и мелодично, чувствуя за собой ихъ, злобныхъ и враждебныхъ, но скованныхъ силою, исходящей отъ нея...

Три минуты шла она на виду у нихъ, близкая и недоступная, и они неподвижно стояли, глядя ей вслѣдъ. Потомъ дойдя до рва, она медленно спустилась въ него и тутъ сразу потеряла себя или вернулась къ себѣ, распустилась, испугалась и увидѣвъ издали товарищей, бросилась бѣгомъ къ нимъ, съ перекосившимся отъ страха лицомъ, дрожащая и растерянная.

Товарищи, злые другъ на друга за свою трусость, пристыженные ею, испуганные за нее, быстро окружили ее, схватили подъ руки и черезъ двѣ минуты по другую сторону желѣзнодорожной насыпи они были уже внѣ опасности.

Тутъ только начались разспросы.

Она почти не могла разсказывать. Волненіе, усталость отъ бѣга, утомленіе отъ напряженія послѣднихъ минутъ, все сразу сказалось и она была совсѣмъ разбита.

Къ ихъ группѣ быстро подходилъ со стороны луга Петровъ съ двумя рабочими.

— А, вы тутъ! Массовку пришлось распустить, казаки разъѣзжаютъ кругомъ.

Онъ былъ разстроенъ и золъ.

— А Лидія тутъ къ солдатамъ ходила!—съ нѣкоторой хвастливостью, словно это была его заслуга, сказалъ Ваня.

— Къ пикету? Неужели?— и Петровъ съ изумленіемъ и любопытствомъ взглянулъ на Лидію.

Она слегка улыбнулась ему; блѣдная, съ губами, искривившимися отъ боли, она рукою сжимала мѣсто подъ грудью, гдѣ болѣло отъ бѣга.

Рабочіе перебивая другъ друга, стали разсказывать: шли, искали мѣста для митинга, она одна побѣжала, удерживали, да не послушалась, чуть ее тамъ не убили, едва убѣжала...

— И одну отпустили ее? Воины! — Рабочіе смутились, хотѣли оправдываться, но Петровъ и не смотрѣлъ на нихъ.

— Разскажите мнѣ, Лидія!

Она открыла ротъ, но сразу въ сердцѣ кольнуло, и она, слегка вскрикнувъ, схватилась за грудь.

— Что больно? Ударили? — и поддерживая ее рукою, онъ смотрѣлъ въ ея поддергивающееся болью лицо.—Мерзавцы! — и хрустнули пальцы руки, гнѣвно сжатой въ кулакъ.

Она оправилась, отстранилась отъ него.

— Нѣтъ, не ударили, это въ сердцѣ колетъ отъ бѣга.

— Бѣдняжка вы! А эти одну отпустили... У, трусливыя кошки!

Лидія приходила въ себя. На лицо возвращалась краска и полное, ясное сознаніе происшедшаго слагалось въ головѣ. Она стала разсказывать, и по мѣрѣ того, какъ говорила, забывала все темное и унизительное, подчеркивала свой радостный героизмъ, свою гордую побѣду надъ солдатами. Она говорила не такъ, какъ всегда; теперь голосъ ея не звенѣлъ ровнымъ звукомъ металла, а дрожалъ, то высоко взметаясь, то обрываясь. Слова ея повѣствовали о силѣ, о подвигѣ, а надорванный голосъ, дрожащія руки безпомощно молили объ утѣшеніи, о защитѣ...

Величіе ея словъ и боль ея голоса вошли въ сердце Петрова. Онъ взялъ ее нѣжно за руку.

— Идемте, Лидія! Вы устали. Потомъ все, все разскажете, а теперь отдохнуть надо!

Послѣдній судорожный вздохъ—всхлипываніе вырвался у нея.

— Болитъ, все болитъ? Бѣдняжечка! Вы, трусливые зайцы, бѣгите ко мнѣ, чай готовьте! — крикнулъ Петровъ товарищамъ, и они побѣжали, счастливые, что могутъ услужить ей.

Остальные поплелись позади, шумно обсуждая событіе, укоряя другъ друга, восторгаясь Лидіей.

Лидія и Петровъ шли молча. Онъ часто заботливо заглядывалъ ей въ лицо, спрашивая, болитъ ли сердце. Они подошли къ канавѣ. Онъ первый перескочилъ черезъ нее и затѣмъ, подавъ ей съ той стороны руку, осторожно перетянулъ къ себѣ.

Всегда нарочито грубый и невнимательный къ ней, суровый и неуклюжій, онъ теперь былъ ловокъ и предупредителенъ, не хуже городскихъ друзей Лидіи. Но она не изумлялась и не торжествовала, а мягко и безвольно принимала его услуги.

Когда пришли къ Петрову, самоваръ былъ уже на столѣ. Ваня съ товарищами ушелъ; Лидія съ Петровымъ остались одни.

— Прилягте, товарищъ Лидія, — говорилъ Петровъ, разстилая поверхъ своей постели чистое пикейное одѣяло. Придвинулъ стулъ къ постели, налилъ ей стаканъ чаю, тщательно перетеревъ посуду чистымъ полотенцемъ, и поставилъ у постели.

Она легла. Сердце уже не болѣло. И глядя на хлопотавшаго около нея Петрова, она вдругъ поняла, что одержала сегодня побѣду не только надъ солдатами. Эта мысль сказалась привычнымъ кокетливымъ возбужденіемъ во всемъ ея существѣ. Она приподнялась на локтѣ.

— А я не знала, что мой строгій другъ такъ хорошо умѣетъ принимать дамъ.

Въ другое время этотъ тонъ вызвалъ бы грубый отпоръ съ его стороны, но сейчасъ и эти слова трогали его.

— Не дамъ, а больныхъ неосторожныхъ дѣвочекъ...— отвѣтилъ онъ, и смутившись, покраснѣлъ, отвернулся и сталъ ненужно переставлять посуду на столѣ.

— Ого! Мы умѣемъ говорить нѣжности.

Она присѣла на постели.

— Ну, мой ручной медвѣдь, а не поможете ли мнѣ причесаться?

— У парикмахера не учился,—отговаривался онъ полушутливо, полусердито.

— Это не трудно! Я сама научу. Идите сюда!

— Не хочу!—глухо сказалъ онъ, отворачиваясь отъ нея.

— У, злой! Я плакать буду.—И уткнувшись въ подушку, снова всхлипнула, какъ прежде, съ болью и надрывомъ.

Онъ вскочилъ и бросился къ ней.

— Больно? Опять больно?

Она лукаво взглянула на него однимъ глазомъ.

— А пришелъ таки! Ну, садитесь рядомъ!

Онъ колебался.

— А то снова больно будетъ!

Она усадила его возлѣ себя на постели.

— А теперь протяните руку! Такъ. Держите!—и она стала вытаскивать одну за другой шпильки изъ своихъ волосъ, складывая ихъ на протянутую ладонь Петрова. Затѣмъ откинувъ назадъ голову, однимъ движеніемъ разсыпала волосы по спинѣ.

— Хорошо такъ?

Онъ потупился и опять съ ноткой раздраженія въ голосѣ отвѣтилъ:

— Не ученый, не знаю!

— Ой, врете! Вы знаете! А это что? — и она показала на висѣвшую на стѣнѣ гравюру Венеры рядомъ съ портретомъ Маркса и Лассаля.

Онъ какъ-то весь дернулся нъ мѣстѣ. Но она не дала ему встать.

— Ну, не надо! Не сердитесь, миленькій. Если не хотите, не надо.

Она снова легла, собралась въ комочекъ и тихо лежала вся покрытая струящимся золотымъ покровомъ волосъ. Лежала долго тихая и маленькая, иногда тяжко вздыхая, и онъ снова былъ въ ея власти.

— Домой пора вамъ, товарищъ! А то трамвай послѣдній уйдетъ. Въ эти бѣлыя ночи и не замѣтишь, какъ вечеръ приходитъ...

Она поднялась.

— Ну не хотите помочь? Богъ съ вами. Дайте мнѣ шпильки, я причешусь,—сказала Лидія устало и серьезно.

И ему захотѣлось ея улыбки.

— Такъ и быть! Сегодня хоть куаферомъ буду. Заслужили!

И онъ сталъ церемонно кланяясь, подавать ей шпильки.

Она смѣялась, но больше не дразнила его.

Вышли изъ дому вмѣстѣ, торопливо, весело.

Она снова разсказывала ему о своемъ приключеніи; передавала, что говорила солдатамъ, вспоминала ихъ возраженія. И все выходило шире, многозначительнѣе, и сочувствіе больше и вражда острѣй. Совѣтовала Петрову обратить вниманіе на малоросса и, на молоденькаго солдатика, защищавшаго ее, переговорить съ ними отдѣльно и сорганизовать маленькую группу-ядро. Оживленно разговаривая, они подошли къ станціи трамвая. Лидія сѣла съ краю на скамью. Петровъ сталъ на ступеньку. Трудно было разстаться. Солнце уже зашло. Въ бѣлесоватыхъ сумеркахъ тускло горѣли огни фонарей. Лошади со стукомъ перебирали ногами и какая-то цѣпь звякала при этомъ. Вошелъ кондукторъ,

свистнулъ. Что-то крякнуло, забренчало, конка пошла впередъ. Петровъ все стоялъ на подножкѣ. Лошади прибавили шагу, и онъ ловко и мягко спрыгнулъ на земь.

— Прощайте!—руки ей не успѣлъ пожать.

Она съ наслажденіемъ откинулась на спинку скамьи, разминая свое тѣло. Сладкая истомная усталость охватила ее.

Ровно и неторопливо шла конка, сѣрые силуэты пригородныхъ домовъ бѣжали рядами навстрѣчу и таяли въ сумракѣ улицы.

III.

По вечерамъ Мирра, Каленовъ и Кирюша теперь часто сходились у Нелли. Обычно говорили мало, перебрасывались словами, подолгу молчали, но все же засиживались поздно,—никому не хотѣлось итти домой. Иногда впрочемъ, затѣвался и споръ. Обыкновенно начиналъ его Каленовъ, Кирюша быстро увлекался и горячо, нетерпѣливо возражалъ методически развивавшему свою мысль Каленову, Нелли въ рѣшительный моментъ вмѣшивалась въ разговоръ и старалась найти почву для примиренія противниковъ, а Мирра все время молчала. Въ сущности всѣ споры сводились всегда къ одному: скоро ли вновь начнется подъемъ общественнаго настроенія?

— Подождите,—говорилъ Каленовъ,—не нужно тѣшить себя несбыточными надеждами. Рабочіе устали отъ безрезультатныхъ усилій. Имъ надо собраться съ силами. Вся интеллигенція уходитъ отъ движенія. Рабочимъ надо создать собственные „верхи“, пусть, хотя бы и цѣной временнаго застоя. Рабочіе жадно берутся теперь за книжку. Имъ нужно учиться—въ этомъ все. Рабочимъ не важно, что говоритъ въ Думѣ отъ лица пролетаріата адвокатъ, если самъ пролетарій сидитъ рядомъ и молчитъ... Въ концѣ концовъ не все ли равно, разгонятъ эту дурацкую Думу, или ей дадутъ дальше болтать...

— Значитъ, ты примирился съ пораженіемъ?—перебивая его, нетерпѣливо спрашивалъ Кирюша, впиваясь глазами въ лицо Каленова,—скажи прямо!

— Что же это значитъ „примириться“ или „не примириться“?—досадливо отвѣчалъ Каленовъ, пожимая плечами.—А если не примириться, какой практическій выводъ изъ этого?

— Не знаю!—уклончиво говорилъ Кирюша, и ясно было для всѣхъ, что онъ не хочетъ говорить о томъ, что знаетъ.

Каленовъ раздражался.

— Говори же! Зачѣмъ ты таишь свою мудрость про себя? Я требую, чтобы ты сказалъ и намъ!

— Это не какое-либо общее, а личное рѣшеніе...

— Ахъ, такъ! Ну, такъ я знаю и презираю за это, слышишь! Я презираю самоубійство и считаю его признакомъ внутренняго упадка!..

— Нѣтъ!—кричалъ Кирюша, въ ужасѣ хватая Каленова за руки.—Я вовсе не думалъ этого. Только не это! Это вѣдь все равно, что уйти отъ работы. Это... легко...

— Ну, такъ что-же, чортъ тебя побери! Что у тебя за геніальныя тактическія платформы въ головѣ? Что можно дѣлать теперь?

— Работать... хотя бы и при неблагопріятныхъ условіяхъ... подъ пулями...

— Чтобы быть убитымъ?

— Хотя бы! Только не уходить...

— Итти и подставить свою грудь? Зря растрачивать послѣднія силы?

— Да, только не мириться съ пораженіемъ...

— Кирюша, милый, вѣдь никто не говоритъ о примиреніи. Развѣ Каленовъ предлагаетъ бездѣятельность? Конечно, мы будемъ работать, но наша дѣятельность должна приспособиться къ условіямъ времени...—вмѣшивалась Нелли, но рабочіе не слушали ее.

— Это не партійная дѣятельность, а кликушество!— кричалъ Каленовъ.

— Ты торопишься объявить конецъ революціи, чтобы отдохнуть на досугѣ...—запальчиво возражалъ Кирюша, и Нелли не удавалось вставить ни одного своего слова въ ихъ ожесточенный страстный споръ.

Если-бы не Петровъ, Лидія охотно бросила бы партійную работу. Она теперь скучала на занятіяхъ и подъ всякими предлогами уклонялась отъ работы. Она часто встрѣчалась съ Норскимъ и Пѣночкинымъ, съ Генрихомъ иногда не видалась по нѣсколько дней, но передъ Петровымъ попрежнему держалась преданной и усердной соціалъ-демократкой. Послѣ приключенія съ солдатами она сблизилась съ Петровымъ и очень дорожила его мнѣніемъ о себѣ.

Съ ранняго дѣтства главнымъ источникомъ огорченій и радостей Лидіи было отношеніе къ ней окружающихъ. Она жила тяжелой и напряженной жизнью. Надо всѣми ея дѣйствіями и побужденіями будто тяготѣлъ нерушимый обѣтъ дѣлать все такъ, чтобы это непремѣнно нравилось окружающимъ. Всегда обращенная своими помыслами не во внутрь, а во внѣ, она вѣчно была на чеку, постоянно на вытяжкѣ передъ всѣми окружающими. Она нервно и жадно ловила всякое сказанное о ней слово, разстраивалась каждымъ нехорошимъ отзывомъ, мучилась неотступной тревогой потерять во мнѣніи кого-либо изъ тѣхъ, съ кѣмъ считались окружающіе.

Въ обществѣ Норскаго Лидія, поддѣлываясь подъ его тонъ, съ усмѣшкой говорила о „товарищахъ“ и политикѣ и вела утонченно-легкомысленные разговоры о театрѣ и литературѣ. Отъ Генриха скрывала свои встрѣчи съ Норскимъ, рисовалась передъ нимъ больной, измученной работой и требовала отъ него рабской угодливости. Съ Петро-

вымъ же горячо обсуждала тактическіе вопросы и громила интеллигентовъ, массами отходившихъ теперь отъ движенія.

Но иногда наступали тоскливые дни, когда послѣ какой-либо неудачи ей не въ моготу становилась жизнь на ходуляхъ. Съ завистью думала тогда Лидія о простыхъ спокойныхъ людяхъ, которые легко и свободно живутъ въ себѣ и для себя, не интересуясь, какъ относятся къ нимъ окружающіе. Сломленная утомленіемъ или какой-либо мелкой обидой, она бѣжала къ Генриху, льнула къ нему, плакала и жаловалась, хотя и не на то, изъ-за чего огорчалась. Искала въ немъ защиты отъ самой себя. Онъ не зналъ причины ея грусти, но чутьемъ угадывая, чѣмъ можно утѣшить ее, разсказывалъ ей такъ любовно и нѣжно о ней самой, что у нея рождалось желаніе быть и въ самомъ дѣлѣ такой, какъ онъ говорилъ, и она, выдѣляя изъ своего спутаннаго „я“ то, что сейчасъ казалось ей наиболѣе нужнымъ, рѣшала порвать съ Норскимъ, любить только Генриха и работать съ Петровымъ.

Но вотъ приходили Норскій и Пѣночкинъ, веселые и циничные, говорили вперемежку о литературѣ и женщинахъ, и Лидія, проводя незамѣтно часъ за часомъ въ легкой, занятной, слегка волнующей болтовнѣ, досадливо вспоминала, что ночью надо готовиться къ завтрашнимъ занятіямъ въ кружкѣ и принимала твердое рѣшеніе покончить съ работой и товарищами.

А въ жизнь Петрова теперь, послѣ столкновенія Лидіи съ солдатами, словно вошло что-то новое. Какъ-бы снялась съ него тяжелая необходимость презирать Лидію и, не рѣшаясь еще позволить себѣ восхищаться ею, онъ охотно разсказывалъ о ея приключеніи постороннимъ, какъ бы провѣряя свое впечатлѣніе.

Прежде всего онъ разсказалъ о смѣлой выходкѣ Лидіи Агатѣ. Онъ говорилъ, не глядя на Агату, подозрительно

наблюдая за самимъ собой, не преувеличиваетъ ли онъ доблести Лидіи, но Агата не дала ему досказать.

— Счастливая! Какая счастливая!—закричала она.— Ахъ, и какіе мы дураки! Никто не догадался итти къ солдатамъ. Петровъ, хотите, я тоже сейчасъ пойду къ пикету? Какой это мостъ?

— Теперь уже нѣтъ пикета, онъ стоялъ по случаю 1-го мая,—улыбаясь ея горячности, отвѣтилъ Петровъ.

— Ну, все равно, я пойду въ казармы! И я тоже не испугаюсь. Вы увидите, Петровъ! Я скажу имъ рѣчь. Нелли говоритъ, что я хорошій агитаторъ.

— Но вы для этого должны переодѣться солдатикомъ, Агата. Васъ такъ не пропустятъ въ казармы!—забавляясь ея воодушевленіемъ, шутилъ Петровъ.

— А вы думаете, что я не могу одѣться солдатомъ? Я дома всегда ѣздила верхомъ въ братниныхъ штанахъ, и всѣ говорили, что я настоящій мальчикъ! Смотрите!—и схвативъ со стула фуражку Петрова, она нахлобучила ее себѣ на голову, засовывая торопливыми движеніями выбивавшіяся изъ-подъ нея кудряшки.

— Ха, ха, ха!—заливался Петровъ—А гдѣ же вы видали такого маленькаго солдатика?

— Видала! Видала!—сердито кричала Агата.—Есть такіе маленькіе, еще меньше меня, такіе солдатскіе ученики!..

Новыя отношенія, установившіяся между Лидіей и Петровымъ, доставляли много тщеславнаго удовольствія Лидіи. Она чувствовала, что подчинила его своему духовному и физическому вліянію и тонкой игрой старалась поддержать въ немъ привязанность къ себѣ. Одно только раздражало ее въ поведеніи Петрова: онъ, относившійся къ ней почти съ нѣжностью и не скрывавшій своего восхищенія, когда они бывали наединѣ, на людяхъ попрежнему держался отъ нея въ отдаленіи и ничѣмъ не выдавалъ своихъ чувствъ. Во время принципіальныхъ споровъ въ комитетѣ ей никогда

не удавалось сбить его съ позиціи, или заставить поддержать себя, какъ она это практиковала по отношенію къ Генриху. Петровъ никогда публично не отдавалъ ей предпочтенія передъ другими и не оказывалъ ей тѣхъ внѣшнихъ знаковъ вниманія, къ которымъ она пріучила своихъ поклонниковъ. И это раздражало Лидію. Ей хотѣлось, чтобы всѣ видѣли, что Петровъ, недоступный и надменный Петровъ, неравнодушенъ къ ней, и мысленно наслаждалась тѣмъ впечатлѣніемъ, которое эта новость произведетъ на окружающихъ. Но проходили недѣли и никто ничего не замѣчалъ. И Лидія, полагая, что Петровъ ведетъ себя такъ сдержанно изъ робости, сама всячески поощряла его.

Она научила его цѣловать себѣ руки, называла его ласковымъ именемъ Петрусь и часто дразнила нѣжнымъ манящимъ взоромъ. Ей доставляло удовольствіе дарить его мимолетными ласками и себѣ самой она казалась тогда королевой, осчастливившей своимъ благоволеніемъ бѣдняка.

Но Петровъ понималъ все совершенно иначе. Чувство собственнаго достоинства было такъ ярко и сильно въ немъ, что ему и въ голову не приходило заподозрить Лидію въ снисходительномъ отношеніи къ себѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ они сблизились, онъ словно забылъ о разницѣ ихъ соціальныхъ положеній. Вѣдь она была товарищемъ и теперь онъ вѣрилъ ей и цѣнилъ ее и, видя ея отношенія къ себѣ, съ тихой стыдливой радостью, провѣрялъ и свои чувства къ ней. Но онъ никогда не говорилъ объ этомъ съ Лидіей. Почему-то пріятнѣе было держать эти счастливыя и жуткія чувства какъ бы втайнѣ отъ самого себя и не договаривать, даже не додумывать всего до конца; къ тому же Петровъ внутренне стыдился своихъ чувствъ и былъ увѣренъ, что Лидія испытываетъ тоже самое. Вѣдь теперь, въ это тяжелое время совѣстно было думать о любви, о личномъ счастьѣ...

Изъ Италіи получилось письмо.

„Павелъ Васильевичъ и маленькая Зинка очень безпокоятся о Васъ, Мирра Израильевна. Говорятъ, у васъ, въ Россіи, ужасы. Не соберетесь ли къ намъ на Капри? О расходахъ на поѣздку не безпокойтесь, маленькая Зинка беретъ ихъ на себя"—такъ писала Анна, жена Павла Васильевича.

За этимъ слѣдовала приписка самого Павла Васильевича:

„Дорогая Мирра Израильевна, мы всѣ были бы счастливы, если бы Вы согласились провести съ нами нѣсколько мѣсяцевъ. Вѣсти изъ Россіи заставляютъ насъ сильно тревожиться за васъ. Зиночка поправилась, растолстѣла и съ нетерпѣніемъ ждетъ свою маму."

Затѣмъ снова почеркъ Анны: „Милая мама, піѣз-зай къ намъ. Зинка боица, содаты стѣляютъ: пифъ-пафъ! Зинка здетъ маму. Пифъ-пафъ! Доцка Зинка."

Мирра читала эти строки, и въ головѣ ея вставалъ образъ высокой извивающейся женщины съ маленькой головкой на змѣиной шеѣ, которая словно заслоняла отъ нея нѣжный обликъ ея дѣвочки. И казалось, что это не Зинка щебечетъ, оттопыривая губки: „пифъ-пафъ", а Анна, сюсюкая и жеманясь, произноситъ эти звуки, поводя во всѣ стороны маленькой головкой на тонкой шеѣ...

И всегда такъ бывало. Получая эти длинные узкіе конверты изъ прекрасной глянцевитой бумаги, Мирра въ волненіи хватала ихъ, прижимала къ груди, словно знала, что въ нихъ содержится что-то осязательно-близкое, какая-то частица ея дорогого дитяти, Но когда она срывала конвертъ и читала тонкія острыя буквы письма Анны, какъ-то тускнѣлъ образъ Зинки въ воспоминаніи и казалось, что эти гадкія, скользкія слова, говорившія то о Зинкѣ, то притворно Зинкинымъ языкомъ, заслоняютъ, затемняютъ обликъ ребенка, и Мирру охватывало жуткое чувство; мнилось ей, что тамъ, за этимъ письмомъ нѣтъ вовсе ея родной, ея нѣж-

ной дѣвочки, маленькой, тепленькой, съ розовыми ручками, что она потеряла ее навсегда...

И теперь письмо разстроило Мирру. Развѣ она можетъ ѣхать къ нимъ, чужимъ непріятнымъ ей людямъ? Зинку тоже нельзя взять сюда. Невозможно теперь уйти отъ работы. И Мирра въ тоскѣ повторяла про себя слова письма: „стрѣляютъ“! Они всѣ сидятъ тамъ и трясутся отъ страха... Спасайся, кто можетъ... „Зинка беретъ расходы по поѣздкѣ на свой счетъ“... Маленькая инфанта... Потомъ они напишутъ, что сдѣлали ее своей наслѣдницей. И въ воображеніи рисовалась маленькая принцесса въ жесткихъ фижмахъ, въ тяжеломъ атласномъ платьѣ, съ золотой цѣпью на шеѣ, сидящая въ напряженной позѣ на малиновыхъ бархатныхъ подушкахъ—образъ виданный, вѣроятно, гдѣ-нибудь на картинкѣ. Но вѣдь это не Зина... И въ ужасѣ отбросивъ письмо, Мирра старалась вспомнить настоящее лицо Зинки, ея улыбку. Но это было трудно.

Въ отчаяніи она бросилась къ столу, вынула Зинкину фотографію и долго смотрѣла на нее, стараясь впитать въ себя черты милаго личика съ испуганными глазками, но когда отводила взоръ отъ карточки и старалась представить себѣ Зинку въ натуральную величину, въ живыхъ краскахъ, снова всплывалъ образъ маленькой инфанты съ неподвижнымъ розовымъ лицомъ и золотой цѣпью на шеѣ...

IV.

Уже много разъ на комитетскихъ засѣданіяхъ Петровъ прямо и настойчиво предлагалъ товарищамъ вопросъ: Что мы будемъ дѣлать, если разгонятъ вторую Думу? Но каждый разъ вопросъ этотъ подъ всякими формальными предлогами снимался съ очереди. Вѣдь Дума еще существовала и, хотя для всѣхъ было ясно, что дни ея сочтены, не хотѣлось опережать событій. При томъ засѣданія происходили теперь рѣдко, публика собиралась туго и обыкновенно едва успѣвали покончить съ неотложными текущими

дѣлами, да и отъ партійныхъ „верховъ“ директивъ на случай разгона Думы еще не было.

Но Петрова не удовлетворяли эти доводы. Мысль о томъ, что Дума не сегодня-завтра можетъ быть разогнана, и пролетаріатъ, застигнутый врасплохъ, не сумѣетъ дать должнаго отпора, угнетала его и ему казалось, что интеллигенты сознательно закрываютъ глаза на этотъ кардинальный вопросъ, боясь рѣшительныхъ выступленій.

Петровъ рѣшилъ на свой страхъ и рискъ частнымъ образомъ собрать у себя нѣсколько вліятельныхъ рабочихъ и побесѣдовать съ ними по поводу предстоящихъ событій.

Изъ интеллигентовъ Петровъ пригласилъ только Лидію и просилъ ее не доводить до свѣдѣнія Николая Васильевича объ этомъ засѣданіи.

Въ назначенный день на квартирѣ Петрова сошлось нѣсколько рабочихъ. Изъ двѣнадцати приглашенныхъ пришло только семь. Между ними Каленовъ, Кирюша и молодой рабочій Клещъ.

Всѣ они пришли неохотно. Имъ непріятно было участвовать въ собраніи, устроенномъ втайнѣ отъ комитета, но Петровъ звалъ ихъ настойчиво, и интересно было, что онъ хочетъ имъ предложить. Всѣ пришли почти сразу и молчаливые, съ вопросительнымъ выраженіемъ на лицахъ, усѣлись вокругъ стола. Только одинъ Клещъ, молодой парень лѣтъ восемнадцати, съ маленькимъ желтымъ лицомъ и рыжими вихрями на головѣ, юркій и вертлявый, шутилъ и смѣялся.

Петровъ, въ качествѣ хозяина, суетился, разливалъ чай и пиво и, словно желая оттянуть моментъ тяжелаго разговора, преувеличенно громко и развязно смѣялся шутнамъ Клеща. Лидія сидѣла поотдаль у окна. Она жалѣла, что пришла сюда. Тема совѣщанія не очень интересовала ее, а сегодня вечеромъ Норскій звалъ ее за-городъ кататься. Но когда Петровъ передъ совѣщаніемъ, взволнованный и серьезный, сказалъ ей, что ее единственную изъ интелли-

гентовъ онъ пригласилъ на свое совѣщаніе, она, польщенная, не нашла въ себѣ рѣшимости отказаться отъ этой чести.

Когда Петровъ, наконецъ, заговорилъ о дѣлѣ, всѣ почувствовали облегченіе. Но онъ былъ сегодня не въ ударѣ и то, что онъ имъ сказалъ объ опасностяхъ, грозящихъ Думѣ, о необходимости приготовиться къ надвигающимся событіямъ, было имъ извѣстно и не могло особенно сильно взволновать ихъ. Они думали, что онъ собралъ ихъ для какого-то внутрипартійнаго протеста и, хотя готовились бороться съ его бунтовщическими намѣреніями, все-же были заинтересованы и охотно поговорили бы на тему объ ошибкахъ партійныхъ „верховъ", о соотношеніи пролетарскихъ и интеллигентскихъ силъ въ партіи.

Когда онъ кончилъ, всѣ молчали. Онъ просилъ ихъ намѣтить ближайшія директивы, чтобы оказать давленіе на инертныя центральныя учрежденія партіи, и трудно было сразу ему отвѣтить.

Первымъ заговорилъ Клещъ. Въ теченіе рѣчи Петрова онъ нѣсколько разъ насмѣшливо фыркалъ и обводилъ взглядомъ товарищей, ища сочувствія.

— А по-моему, никакихъ директивъ!—сказалъ онъ.— Все одно, никто теперъ не послушается. Пусть каждый по своему дѣйствуетъ, безо всякихъ стѣсненій. Вотъ и увидите, хорошо отработаютъ! Дымъ коромысломъ пойдетъ! А Дума, все одно, ну ее къ чорту...

— Что ты чушь городишь, Клещъ? — прервалъ его Каленовъ. — А, ты, Сергѣй, тоже не дѣло говоришь. Я боюсь, что никакой коллективный протестъ не удастся. Во всякомъ случаѣ настроеніе теперь среди массъ такое усталое и подавленное, что давать заранѣе лозунгъ нельзя. Въ острый моментъ, быть можетъ, настроеніе поднимется, тогда видно будетъ.

— Почему это у тебя всегда чортики отъ страха въ глазахъ прыгаютъ? — съ горячностью возразилъ Петровъ. Передъ Думой ты увѣрялъ, что намъ грозитъ черносотен-

ная опасность, во время выборовъ предсказывалъ намъ всюду провалъ, а теперь, когда весь пролетаріатъ прислушивается съ жгучимъ интересомъ къ борьбѣ нашихъ депутатовъ, къ ихъ рѣчамъ, ты говоришь о подавленности, объ усталости. Ты судишь объ усталости по тому, что рабочіе вяло посѣщаютъ кружки, но кто руководитъ теперь этими кружками? Интеллигенты уходятъ отъ работы, а нашъ братъ связно двухъ словъ сказать не можетъ...

— Ахъ, Сережа, — тихо сказалъ Кирюша, — это не то. Пьютъ опять наши-то. Вотъ въ Песковкѣ бабы озвѣрѣли, стакнулись, не пускаютъ въ квартирахъ собираться... Аресты большіе, высылаютъ народъ, съ заводовъ расчитываютъ... жить не съ чего... старыхъ, нашихъ-то, почти и вовсе не осталось, а молодые дѣлу не вѣрятъ — трудно имъ въ такое время начинать...

— Не они не вѣрятъ, вы не вѣрите! — со злобой закричалъ Петровъ, ударяя кулакомъ по столу.—Это не правда! Это клевета на рабочій классъ. Я думалъ, они, интеллигенты, отвернулись отъ дѣла, но вы, рабочіе верхи, вы не лучше ихъ! Вы ходите съ кислыми лицами, заранѣе обрекаете на погибель всякое дѣло и оказываете давленіе на настроеніе массъ... Гдѣ наши рабочіе? Вы скажете, они ушли отъ насъ. Да, но это не значитъ, что они ушли отъ движенія, они просто оставили насъ въ сторонѣ, отошли отъ нашей организаціи, распадающейся, обезсиленной... Ну, что-жъ, надо обратиться прямо къ нимъ, помимо организаціи и помимо васъ!..

— Эхъ, Сергѣй,—оборвалъ его Каленовъ, вѣдь на одной улицѣ съ ними живемъ. Не отъ насъ они прячутся, отъ себя. Иной кто и говоритъ теперь, что организація, молъ, подгнила, оттого и ушелъ. Но вретъ. Одни слова. Не къ дѣлу уходятъ—домой, на палати.

Губы тряслись у Петрова. Но онъ не находилъ словъ, чтобы сказать то, что испытывалъ. Какую-то неправду чувствовалъ онъ въ томъ, что говорилъ Каленовъ, но въ то

же время неизвѣданный еще страхъ рождался въ немъ отъ словъ товарищей. До сихъ поръ, въ каждомъ неуспѣхѣ движенія онъ винилъ неизмѣнно партію и никогда пролетаріатъ. Вѣдь въ своей крови, въ своихъ мускулахъ ощущалъ онъ бодрую силу и стойкую готовность пролетарія и никогда своей личности, своихъ переживаній не отдѣлялъ отъ переживаній всего пролетаріата и вмѣсто „я хочу", обыкновенно говорилъ „мы хотимъ". Какъ же устали „они", если онъ готовъ къ рѣшительной схваткѣ?..

— Подождите!—кричалъ онъ.—Кто же вы такіе, кто я? Каленовъ, развѣ ты живой, крѣпкій, сильный, развѣ ты не будешь отстаивать нашего дѣла? Ты хочешь на отдыхъ, Каленовъ? А ты, Кирюша... Кирюша, ты усталъ? Тебѣ надоѣло бороться? А ты, Клещъ? Ты смѣешься надо мной! Правда, это странно, что я объ этомъ спрашиваю? Я знаю, ты огневой парень, Клещъ, и ты не могъ бы жить безъ горячаго дѣла... Кто же усталъ? Развѣ „они" не то же, что мы?.. Быть можетъ, я схожу съ ума... я говорю глупости. Неужели я одинъ среди васъ не усталъ?..

— Какая ты горячка, Сергѣй,—сказалъ Каленовъ, поднимаясь съ мѣста.—Такъ нельзя обсуждать. Да и приходить въ такое отчаяніе нечего. Боевое напряженіе не можетъ въ широкихъ массахъ въ теченіе долгаго времени держаться на одной и той жа высотѣ. Скажемъ, теперь затишье. Ну, такъ что-жъ? Мы долгое время, не оглядываясь, не разбирая дороги, катились впередъ. Мы временно пріостановились. Это не вредно. Вѣдь надо же намъ разобраться во всемъ пережитомъ за послѣдніе годы, учесть новый опытъ, а, главное, надо намъ, рабочимъ, поучиться, стать на свои собственныя ноги... Быть можетъ, это важнѣе сейчасъ, чѣмъ всякія выступленія.

Петровъ хотѣлъ возразить ему, но его перебили другіе рабочіе, давно ожидавшіе возможности вставить свое слово. Разговоръ словно разбился теперь на нѣсколько ручейковъ. Говорили попарно между собой, перебивая другъ друга и

никому больше не удавалось овладѣть общимъ вниманіемъ. Кое-кто, высказывая свое мнѣніе, вопросительно поглядывалъ на Петрова, ища у него сочувствія, но онъ, будто даже и не слушалъ теперь, о чемъ говорили вокругъ. Онъ сидѣлъ угрюмый и блѣдный и старался обдумать то тяжелое и неотразимо-грозное, что вошло въ его душу отъ словъ Каленова и Кирюши. Не то, чтобы ихъ слова были новыми, неожиданными для него, ему и раньше приходилось слышать мнѣнія Каленова, но во всемъ, что сейчасъ происходило, было что-то больно ударившее, ошеломившее его, и онъ самъ не могъ бы сказать, что именно...

Онъ сидѣлъ молча, нетерпѣливо ожидая, чтобы они допили свои стаканы, договорили свои никому ненужныя слова, и теперь неинтересные, чужіе ему, разошлись, наконецъ, по домамъ.

Молча сидѣла и Лидія. Ей было досадно, что никто изъ рабочихъ ни разу во время спора не поинтересовался ея мнѣніемъ, а особенно то, что Петровъ словно, совсѣмъ забылъ о ней. Она нѣсколько разъ ловила его взоръ и старалась приковать къ своему, но онъ угрюмо отводилъ отъ нея глаза.

Наконецъ, они остались вдвоемъ.

Захлопнулась дверь за Кирюшей, который ушелъ послѣднимъ, и Петровъ, рѣзкимъ движеніемъ отодвинувъ отъ себя бутылки и стаканы, тяжело опустилъ голову на столъ.

Лидія сидѣла нѣсколько минутъ тихо, словно притаившись. Потомъ безшумно поднялась и, ступая на цыпочкахъ, придерживая шуршащее платье, перешла комнату и подкралась сзади къ Петрову. Сразу опустила обѣ руки ему на плечи и шаловливо, нараспѣвъ произнесла:

— Почему закатилося солнышко ясное?

Не поднимая головы, онъ взялъ ея руки и прижалъ къ своимъ глазамъ.

— Ну чего же мы все хмуримся? Можетъ быть, мы

поднимемъ голову?—говорила Лидія ласково, слегка насмѣшливо.

Петровъ провелъ по своему лицу ея руками, прижалъ ея пальцы къ губамъ и сталъ ихъ цѣловать нѣжными, тихими поцѣлуями.

— А теперь, можетъ быть, мы улыбнемся.

Онъ слегка усмѣхнулся ей въ отвѣтъ, поднялъ голову и заглянулъ ей въ глзаа.

— Милая!..—сказалъ онъ протяжно и все смотрѣлъ на нее, пристально и задумчиво. Потомъ совсѣмъ тихо произнесъ:—Мнѣ нужно вамъ что-то сказать... Но не теперь...—прибавилъ онъ и, отведя отъ нея свой взоръ, какъ вещь, положилъ на столъ ея руки, которыя до сихъ поръ держалъ въ своихъ.

— Нѣтъ, теперь!—загораясь сладостнымъ нетерпѣніемъ, закричала Лидія.—Я хочу теперь!—и наклонившись, снизу заглянула ему въ глаза лукаво и вызывающе.—Что это у васъ за тайны отъ меня? Говорите сейчасъ! Слышите! Это нечестно—обѣщать и не сказать,—тормошила она его, совсѣмъ близко приникая къ нему.

Лидія угадывала, что это должно было быть объясненіе въ любви, она давно ждала его. Слушать объясненія въ любви—была одна изъ самыхъ сладкихъ вещей, которыя только знала Лидія. Она помнила всѣ признанія, которыя выпали на ея долю въ теченіе ея жизни и вела имъ счетъ. Она уже давно приготовила тѣ слова, которыя скажетъ ему въ отвѣтъ, трогательныя и двусмысленныя фразы, которыми, не давъ ему надежды ни на что, она надолго привяжетъ его къ себѣ.

— Я не могу теперь, Лидія. Стыдно объ этомъ... Да, и сами знаете...—тихо прибавилъ онъ.

— Нѣтъ не знаю, ничего не знаю. О чемъ же вы хотите сказать мнѣ? О демонстраціи по поводу разгона Думы? Или вы хотите выставить мою кандидатуру въ 3-ью Думу?—шутила она.—Нѣтъ, это ужасно быть такимъ скрытнымъ!

Увѣряю васъ, я ничего не знаю, ничегосеньки...—кокетливо протягивая слова и приближая вплотную свое лицо къ его, говорила она.

И вдругъ неожиданнымъ и бурнымъ движеніемъ онъ обвилъ ея станъ и запрокинувъ ея голову назадъ, такъ, что въ горлѣ у нея заклокотало и дыханіе пересѣклось, покрылъ ея лицо жадными, душными, влажными поцѣлуями.

— Пустите!—закричала Лидія.

Но онъ зажималъ ея ротъ губами, мялъ ее и ей казалось, что она задыхается.

— Я не хочу, пустите!—кричала она, отбиваясь, но онъ легко поднялъ ее и понесъ къ кушеткѣ, все цѣлуя и произнося какія-то неполныя, непонятныя ей слова. Упершись изо всѣхъ силъ рукой въ его лицо, она на секунду отстранила его и со злобой и ужасомъ закричала:

— Я ненавижу васъ! Прочь! Я позову полицію...

Какъ ужаленный, отпрянулъ онъ отъ нея.

Она приподнялась на кушеткѣ и тяжело дыша, стала оправлять свои волосы.

— Что ты испугалась, голубка?..—произнесъ онъ черезъ минуту, беззвучнымъ прерывающимся голосомъ и снова потянулся къ ней...—Я ничего не сдѣлаю тебѣ... Только не надо такъ говорить...—жалобнымъ шопотомъ прибавилъ онъ.

— Оставьте меня! — закричала Лидія со злобой, отстраняясь отъ него.

— Прости меня, дорогая!—и онъ соскользнулъ съ кушетки на полъ къ ея ногамъ.—Я не трону тебя больше... Взгляни на меня ласковѣй. Я не обижу тебя. Будешь женкой моей, любимой... Не трону, покуда сама не пожелаешь...

— Женой? Ха, ха, ха!— грубо и злобно засмѣялась Лидія.—Откуда вы это взяли?

Но онъ не понялъ ея. Онъ думалъ, что она возмущается словомъ „жена“ и смущенно отвѣтилъ:

— Коли не хочешь, не станемъ вѣнчаться. Мнѣ все

равно, что женой будешь зваться или подругой. Всю жизнь теперь все равно любить буду.

— Что за вздоръ! Пустите меня! Не смѣйте такъ смотрѣть на меня!—и Лидія хотѣла встать, отойти отъ него. Но онъ, продолжалъ сидѣть на полу, крѣпко сжимая руками ея колѣни.

— Не любишь?—хрипло съ тоской и безпокойствомъ спросилъ онъ, не отпуская своимъ тяжелымъ взоромъ ея бѣгавшаго взгляда.

— Нѣтъ, не люблю!—пугаясь подъ его настойчивымъ, словно пригвождающимъ ее взоромъ, нетвердымъ голосомъ отвѣтила она.

— Не любишь?—Угроза прозвучала въ его словахъ и руки его еще крѣпче сжали ея колѣни.—Зачѣмъ же ласкала? Зачѣмъ манила?

— Я не манила! Пустите меня, я хочу домой! — и объятая животнымъ ужасомъ, Лидія металась, то наклоняясь и хватая его крѣпкія, словно металломъ налитыя, руки, то откидываясь назадъ, чтобы спрятаться отъ его пристальнаго взгляда, загоравшагося бѣшенствомъ.

Онъ рознялъ руки. Она быстро вскочила и отбѣжала на другой конецъ комнаты, схватила съ комода шляпку и, держа ее въ рукахъ, бросилась къ двери.

— Стой!—закричалъ онъ дикимъ голосомъ. Онѣмѣвъ, она словно застыла передъ дверью.

— Зачѣмъ же ты ласкалась ко мнѣ? Зачѣмъ, зачѣмъ?..

Лидія собралась съ силами и дрожащей рукой надавила дверную задвижку. Дверь сразу поддалась и пріоткрылась. Струя свѣжаго воздуха обдала Лидію. Она судорожно вздохнула, всхлипнула и широко распахнула дверь.

— Прощайте!—метнулась она и исчезла за дверью.

— Дѣвка!—крикнулъ ей въ бѣшенствѣ вслѣдъ Петровъ. И какъ бы желая броситься въ погоню, приподнялся рѣзкимъ движеніемъ. Но не всталъ. Упалъ ничкомъ на полъ

и вдругъ громко и жалобно заплакалъ. Онъ плакалъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ взрослымъ.

V.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ города работа совсѣмъ разладилась, но въ районѣ Николая Васильевича стараніями его и Петрова пока сохранялись организаціонныя рамки и коекакъ поддерживались связи съ рабочей массой. Въ этомъ районѣ комитетъ состоялъ преимущественно изъ рабочихъ и не такъ ощутительна была убыль интеллигентовъ.

Съ трудомъ собралъ Николай Васильевичъ экстренное собраніе комитета.

Необходимо было выбрать отъ района представителя въ городской комитетъ на мѣсто Клеща, отказавшагося отъ своего мандата.

Сошлись въ маленькой комнатѣ секретарши Клавдіи. Въ городѣ было жарко и пыльно. Противъ Клавдьиныхъ оконъ строился новый каменный домъ. Клавдія боялась жесткой и ѣдкой пыли отъ постройки и уже мѣсяцъ не открывала оконца. Снаружи стекла задернулись плотнымъ сѣрымъ налетомъ, и отъ этого комната казалась замурованной.

Выдвинули столъ на середину комнаты, и, съ трудомъ пробираясь между столомъ и кроватью, размѣщались тутъ же на постели и у противоположной стѣны на стульяхъ. Сидѣли тѣсно, стиснутые мебелью и другъ другомъ, усиленно курили и устало перебрасывались словами, не ожидая другъ отъ друга отвѣта на сказанное. Хозяйка Клавдія не садилась. Да и мѣста не было для нея. Она прижалась, вытянувшись всѣмъ тѣломъ, въ углу возлѣ двери къ стѣнѣ, руки закинула за голову и стояла такъ застывшая, молчаливая. Не садился и Николай Васильевичъ. Ходилъ вокругъ, наклоняясь черезъ столъ то къ одному, то къ другому, и шепталсся съ каждымъ въ отдѣльности. Ему хотѣлось заранѣе намѣтить кандидата въ городской комитетъ и сгово-

риться объ этомъ. Но онъ не могъ найти кандидата. Генрихъ рѣшительно отказался: онъ, вѣроятно, уѣдетъ изъ города; Мирра казалась Николаю Васильевичу недостаточно твердой въ фракціонныхъ своихъ убѣжденіяхъ; изъ рабочихъ кое-кто разъѣзжался, а другіе не годились на отвѣтственный постъ. Петровъ же и самъ Николай Васильевичъ уже входили въ составъ городского комитета. И Николай Васильевичъ съ досадою видѣлъ, что придется остановиться на Лидіи.

Какъ разъ пришла и Лидія. Влетѣла съ шумомъ, вся лѣтняя, въ бѣломъ, съ красными гвоздиками на груди и въ рукахъ.

— Опоздала? Нѣтъ? Да! Это часы виноваты. У меня всегда отстаютъ. Левъ Абрамовичъ, который на вашихъ? Какъ у васъ тѣсно, Клавдюшка! И страшно жарко.

Изъ-за стола спѣшно поднимался ей навстрѣчу Генрихъ. Но Левъ Абрамовичъ сидѣлъ ближе къ краю и подскочилъ къ ней первый, взялъ у нея изъ рукъ зонтикъ и перчатки.

— Садитесь, товарищъ Лидія!

— Здѣсь? Ой, нѣтъ. Лицомъ къ свѣту—не люблю.

— Такъ сюда, товарищъ Лидія, здѣсь въ уголку прохладно.

Изъ-за стола съ трудомъ вылѣзли и другіе, освобождая для нея мѣсто. Сразу стало шумно и теперь не томительно, а весело отъ тѣсноты. Пожимая мимоходомъ руки, разсыпая улыбки, скользила она между темными, будто бурымъ налетомъ покрытыми фигурами мужчинъ, и непрерывной жемчужной нитью лились изъ устъ ея шаловливыя легкокрылыя слова. Концомъ этой нити, захлестывая то одного, то другого, сплетала ихъ всѣхъ, хмурыхъ и усталыхъ, легкой и блестящей сѣтью пустой и въ то же время живящей болтовни.

Только Клавдія попрежнему молчала, да озабоченный

Николай Васильевичъ ходилъ вокругъ стола, наклоняясь то къ одному, то къ другому.

Засѣданіе не открывали. Ждали Петрова и Мирру.

Лидія недаромъ была сегодня такъ возбуждена. На сегодняшнее засѣданіе она возлагала много надеждъ. Она втайнѣ была увѣрена, что именно ее выберутъ въ городской комитетъ. Это было ея давнишней мечтой. Въ разговорахъ со своими свѣтскими пріятелями, съ „милыми друзьями справа“ она уже и раньше часто давала понять, что является членомъ городского комитета. Вѣдь они не имѣли возможности провѣрить ея слова.

Послѣдними явились Петровъ и Мирра. Вошли вмѣстѣ. Петровъ еще въ дверяхъ, ни съ кѣмъ не здороваясь, сердито сказалъ:

— Почему не открыли засѣданія? Неужели всѣхъ, кто опоздаетъ, ждать?—будто это не онъ самъ опоздалъ.

Мирра сѣла на стулъ, который уступилъ ей Генрихъ, и продолжала думать о своемъ, не замѣчая и не слушая того, что происходило вокругъ.

Николай Васильевичъ открылъ засѣданіе. Быстро покончили съ очередными дѣлами и приступили къ выборамъ.

Лидія съ трудомъ удерживала безпечную улыбку на лицѣ и невольно опускала глаза подъ взглядомъ каждаго. Ей казалось, что она читаетъ свое имя на устахъ у всѣхъ.

— Я предлагаю выбирать закрытой баллотировкой,— сказалъ Николай Васильевичъ.

Лидія нетерпѣливо передернулась. Ей все это казалось излишней проволочкой.

— Къ чему канителиться? Всегда выбираемъ открытой!—рѣзко сказалъ Петровъ и ему не возражали.

— Предлагайте кандидатовъ!—сказалъ Николай Васильевичъ, почему то обращаясь къ Лидіи.

Для проформы нужно было назвать чье-либо имя, но она не нашлась и молчала въ затрудненіи.

Молчалъ и Генрихъ. Ему хотѣлось предложить Лидію, но было неловко сдѣлать это первому.

Рабочій Яковъ отъ лица меньшевиковъ предложилъ Михаила.

Это регулярно повторялось всегда при всякихъ выборахъ и всѣ знали, что это только проформа, такъ какъ Михаилъ не могъ расчитывать пройти 4-мя меньшевистскими голосами противъ 14 большевистскихъ.

Лидію мучило молчаніе большевиковъ. На лицѣ ея выступили пятна. Почему Петровъ и Николай Васильевичъ не предлагаютъ ее?

— Я предлагаю товарища Мирру!—вдругъ странно громко и отчетливо произнесъ Петровъ.

Всѣ встрепенулись.

— Мирру?!—не удержалась отъ изумленнаго восклицанія Лидія.

И отчеканивая каждое слово, Петровъ еще разъ повторилъ:

— Да, предлагаю избрать въ члены Городского Комитита товарища Мирру.

Мирра подняла голову. Она не слѣдила за ходомъ засѣданія, и только настойчивое повтореніе ея имени вызвало ее изъ задумчивости.

— Мирру!—радостно подхватилъ Кирюша. Онъ и раньше хотѣлъ предложить ее, но не рѣшался. Зналъ мнѣніе Петрова о фракціонной неустойчивости Мирры и не хотѣлъ дѣйствовать въ разрѣзъ съ нимъ.

— Мирру! Мирру!—шумно подхватили остальные рабочіе.

— Браво! Молодецъ товарищъ Петровъ!—съ энтузіазмомъ закричалъ молодой рабочій Ваня.

Это начинало походить на овацію Миррѣ.

Мирра растерялась. Вѣдь это было такъ неожиданно для нея. Она никогда не думала, что ей придется попасть въ Городской Комитетъ и считала себя неподготовленной для

столь отвѣтственнаго поста. Но все происходившее сейчасъ вокругъ было какъ-то очень радостно. Мрачныя мысли будто оттиснулись куда-то вглубь и въ радостномъ смущеніи она торопливо заговорила, для чего-то приподнявшись со своего мѣста.

— Я отказываюсь, товарищи, отказываюсь.

Рабочіе волновались.

— Къ чему отказываетесь? Мы васъ хотимъ. Нельзя отказываться, когда выбираютъ.

— Да что вы, господа, что вы...

— Господа, прошу прекратить частные разговоры и записываться къ слову. Я предлагаю товарища Лидію,—сказалъ Николай Васильевичъ, покрывая голоса рабочихъ.

— И я Лидію!—подхватилъ Левъ Абрамовичъ.

— Подождите, соблюдайте порядокъ. Лидія уже предложена. Называйте новыхъ кандидатовъ, а кто за кого—покажетъ баллотировка. Товарищъ Мирра, какъ же съ вашей кандидатурой?

Но никто не слушалъ предсѣдателя. Рабочіе гурьбой окружили Мирру. Меньшевики тоже столпились, совѣщаясь, не поддержать ли имъ кандидатуру Мирры, въ которой они видѣли „меньшее изъ золъ“.

И Петровъ подошелъ къ Миррѣ.

— Чего вы заартачились, товарищъ? Робѣете? Васъ и на большее хватитъ!

Мирра стояла въ смущеніи и нерѣшительности.

— Какъ же, Петровъ, развѣ вы забыли, что я „сентиментальное болотце“?

— Ничего, теперь всѣ сидимъ въ болотѣ. Намъ нужны люди дѣла, знающіе низы, связанные съ работой.

— Выбирайте Лидію!

— Трещетка!—злобно буркнулъ Петровъ.

Мирра чувствовала, что этотъ отзывъ о Лидіи доставляетъ ей удовольствіе и, устыдившись этого, хотѣла даже

защищать нелюбимую ею Лидію, но Николай Васильевичъ уже сердился.

— Помилуйте, такъ нельзя! Надо было раньше сговариваться. По мѣстамъ, товарищи. По мѣстамъ! Итакъ, Мирра, вычеркнуть васъ, что-ли?

— Я соглашаюсь!—смущенно сказала Мирра. Она сама не знала, какъ это вдругъ согласилась. Не имѣла времени обдумать все, какъ слѣдуетъ, а настойчивыя просьбы товарищей, ихъ ласковыя милыя лица парализовали ея сопротивленіе.

— Скоро же васъ уговорили!—бросила ей Лидія.

— Замолчите, товарищи. Итакъ, у насъ въ спискѣ: Михаилъ, Мирра, Лидія. Баллотируемъ Михаила. Кто за него?

Четыре руки меньшевиковъ, какъ по командѣ, поднялись вверхъ.

— Четыре! Баллотируемъ Мирру.

Лидія рвала на мелкіе клочки кусочекъ бумажки попавшійся ей въ руки. Внутри у нея твердымъ комомъ стояла безысходная злоба, но на губахъ змѣилась презрительная усмѣшка превосходства.

Восемь рукъ большевистскихъ рабочихъ сразу поднялись кверху; къ нимъ присоединились и четыре руки меньшевиковъ, а черезъ нѣсколько секундъ робко поднялась и рука Генриха.

— Тринадцать!—сказаль Петровъ.

— Теперь баллотируемъ Лидію.

— Не стоитъ и баллотировать! И такъ ясно. Выбрана Мирра абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, — торжествующе провозгласилъ Петровъ.

— Такъ и запишемъ! — шутливо сказалъ Николай Васильевичъ.—Охъ, Мирра, Мирра, не посрамите вы нашего знамени! А вы Лидія не огорчайтесь!

Но Лидія успѣла уже оправиться и вызывающе глядѣла на окружающихъ.

— Меня огорчаетъ, что нашъ районъ сталъ проводить представителей меньшевистскими, голосами!

— Ну, не совсѣмъ меньшевистскими,—замѣтилъ Николай Васильевичъ,—вѣдь ихъ только четверо.

— Сомнѣваюсь въ большевизмѣ и многихъ другихъ,— ѣдко сказала Лидія и обернулась къ Генриху.

— Съ какихъ поръ ты сталъ приверженцемъ Мирры?— вполголоса спросила она.

— Я думаю, что она—самый дѣльный и искренній работникъ въ районѣ,—серьезно отвѣтилъ Генрихъ.

— Не такъ давно вы въ тѣхъ же выраженіяхъ отзывались о другомъ лицѣ...

— Я съ нѣкоторыхъ поръ измѣнилъ свое мнѣніе...

И въ тотъ же моментъ онъ раскаялся въ сказанной фразѣ. Въ глазахъ Лидіи онъ прочелъ то выраженіе неумолимой обиды, которое являлось предвѣстникомъ, жестокихъ мучительныхъ сценъ. Зналъ, что сегодня же или завтра, когда онъ увидитъ ее наединѣ, она источитъ его острыми жалобами, извиваясь судорогой безпредметнаго, непонятнаго ему страданія, обвинитъ его въ своихъ мукахъ, присосется своей жадной тоской къ его сердцу и, отравивъ его ѣдкой жалостью и безысходнымъ томленіемъ, вымучитъ у него снова готовность на рабскую любовь и покорность...

Онъ хотѣлъ было загладить впечатлѣніе своихъ словъ, но она уже обернулась къ нему спиной и вступила въ разговоръ съ Николаемъ Васильевичемъ. Генриху казалось, что и спина ея какимъ-то особымъ изгибомъ выражаетъ обиду и раздраженіе.

Прощаясь, Петровъ тепло пожалъ руку Миррѣ.

— Товарищъ, вы не робѣйте. Будемъ обо всемъ заранѣе сговариваться.—Мирра смотрѣла на него ясно и чуть-чуть усмѣхнулась въ отвѣтъ.

— Не думайте, что я ужъ такая трусиха!

Петровъ уже отвернулся, а она все еще улыбалась ему. Отошли утреннія настроенія. Ей снова хотѣлось теперь ра-

ботать, созидать, брататься съ рабочими, тѣснившимися вокругъ, и нѣжный образъ Зинки отошелъ въ глубь души и улегся тамъ радостнымъ, чуть ноющимъ аккордомъ...

— Я была о васъ лучшаго мнѣнія,—надменно сказала Лидія, столкнувшись въ передней лицомъ къ лицу съ Петровымъ.—Я не думала, что вы способны жертвовать интересами дѣла ради вашихъ личныхъ симпатій. Изъ вражды ко мнѣ вы провели Мирру.

— Сволочь!—было у него на языкѣ, но онъ успѣлъ поймать это слово прежде, чѣмъ оно скатилось съ его устъ. Уже давно онъ пріучилъ себя въ трезвомъ видѣ воздерживаться отъ ругательствъ.

— Барышнѣ легкаго поведенія, играющей въ революцію, не мѣсто въ городскомъ комитетѣ,—сказалъ онъ преднамѣренно громко, желая привлечь вниманіе другихъ. Эту фразу онъ придумалъ еще раньше и готовился даже произнести ее публично на собраніи. Но никто не слышалъ его. А Лидія быстро отступила и вернулась въ комнату.

Уже всѣ разошлись. Спускались сумерки и въ сѣрой полутьмѣ дымной комнаты уродливыми тѣнями вырисовывались спинки стульевъ, безпорядочно сдвинутыхъ въ кучу. У стола, закрывъ лицо руками, одиноко сидѣла Клавдія. Лидіи хотѣлось подойти къ ней, заговорить, попрощаться, но вдругъ она услышала странный звукъ, будто Клавдія всхлипнула.

— Она плачетъ! — съ какимъ-то испугомъ сообразила Лидія и быстро юркнула обратно въ переднюю, притворивъ за собой дверь.

Въ передней было уже пусто. Некому было помочь Лидіи одѣться. Она безпомощно оглянулась и съ досадой бросивъ на полъ букетъ полуувядшихъ гвоздикъ, который все время держала въ рукахъ, потянулась на цыпочкахъ къ высокому гвоздю, чтобы достать свою кофточку.

VI.

Разгонъ второй Думы будто развязалъ всѣмъ руки. Раньше даже ждали этого событія, и каждый втайнѣ думалъ, что, хотя онъ лично уже заранѣе примирился съ разгромомъ, другіе не вынесутъ этого.

А теперь было такъ, словно занавѣсъ опустили послѣ тяжелой драмы, и публика спѣшно разбираетъ шапки, торопится домой.

Хотя Петровъ какъ будто и былъ уже подготовленъ къ самому худшему, разгонъ Думы ошеломилъ его. Нѣсколько дней онъ въ лихорадочномъ возбужденіи ждалъ „событій“. И хотя на третій день самъ говорилъ Каленову, что теперь уже не на что надѣяться, про себя все еще ждалъ, что откуда-то изъ тѣхъ круговъ, съ которыми организація имѣла мало связей, изъ нетронутыхъ, свѣжихъ слоевъ рабочей массы выльется стихійный протестъ. Только на пятый день онъ пересталъ ждать и, сказавшись больнымъ, заперся дома.

По молчаливому соглашенію, Мирра и Кирюша словно игнорировали разгонъ Думы. Въ то время, какъ растерявшійся Николай Васильевичъ бѣгалъ по городу отъ одного товарища къ другому, пытаясь организовать совѣщанія, конференціи, засѣданія, въ то время какъ Петровъ лежалъ дома на постели, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, а Нелли писала длинныя обстоятельныя письма заграницу, стараясь выяснить истинное положеніе дѣлъ, Мирра и Кирюша, оба молчаливые и замкнутые, упорно встрѣчались ежевечерно за заставой и шли къ товарищамъ, пытаясь собрать массовку, устроить митингъ протеста.

Черезъ три недѣли, когда первое смущенье, вызванное разгономъ, улеглось, работа словно совсѣмъ стала. Благодаря бдительности полиціи, стало почти невозможнымъ собирать массовки. Старыя рабочія связи утрачивались. Рабочихъ массами высылали изъ столицы, другіе добровольно

уѣзжали въ провинцію за неимѣніемъ работы,—а новыя связи не завязывались.

Кирюша съ Миррой прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы не дать распылиться небольшой группѣ рабочихъ, близкихъ къ организаціи. Попрежнему Мирра вела съ ними кружковыя занятія, а время отъ времени, при помощи Кирюши и молодого рабочаго Вани, пыталась устроить массовку, чтобы обсудить послѣдніе лозунги.

И сегодня Мирра, отправляясь за заставу, расчитывала выступить на большомъ собраніи, обѣщанномъ Кирюшей и Ваней.

На квартирѣ, гдѣ условились встрѣтиться съ нѣсколькими рабочими, чтобы оттуда итти вмѣстѣ въ лѣсъ на массовку, она застала только Ваню.

— Напрасно пріѣхали. Ничего не выйдетъ, товарищъ Мирра!

— Отчего же, Ваничка?

— Не собрались. Вотъ и весь сказъ. Не силкомъ же тащить ихъ. Всего человѣкъ десять явилось.

— Вѣдь недавно еще собирали до двухсотъ!

— То раньше... — И Ваня грустно смотрѣлъ въ сторону.

— Теперь шабашъ. Кончено! Поѣзжайте лучше домой, Мирра, вокругъ казаки рыщутъ.

— Почему же вы раньше не боялись казаковъ? Неужели не собираются отъ страха?

— Страхъ—пустяки. Привыкли. А тутъ стыдно всѣмъ. Со стыда и дома сидятъ. Всякій, небось, думаетъ: недавното представителей въ Думу выбирали. Хорохорились. Тронь ихъ, мы, молъ, вамъ и покажемъ. Вотъ и показали! Что же теперь послѣ этого толковать? Не о чемъ, товарищъ! Опять будемъ резолюціи выносить? Или опять выбирать въ Думу?

— Но вѣдь такъ нельзя, Ваня, надо опять организоваться, строить заново...

— Пустое! Теперь ничего не построишь. Вотъ рабочіе

что говорятъ: пусть всякій теперь за себя постоитъ. Не сумѣли сообща, не народъ оказался, а каша, такъ пусть хоть тѣ, у кого не размякла душа, себя обнаружатъ. А то, право, идешь мимо городового и кажется, будто онъ рожу тебѣ заплевалъ...

— Товарищъ, вѣдь это будутъ какія-то анархическія дѣйствія. Вы скомпрометируете движеніе. Эти экспропріаціи, кулачныя расправы съ полиціей такъ вредятъ намъ...

— Нечему ужъ вредить теперь. Душу хоть отведешь

И Мирръ трудно было при помощи безцвѣтныхъ и безсильныхъ словъ, оффиціальныхъ очередныхъ лозунговъ переубѣдить его. Чувствовала, что самой ей, какъ и ему, хотѣлось бы броситься куда-нибудь въ омутъ и въ страданіяхъ, физическихъ мукахъ, тупящихъ сознаніе, погибнуть, чтобы не видѣть, не пережить рокового крушенія...

VII.

Генрихъ уже давно опредѣленно рѣшилъ бросить партійную работу. Все, что дѣлалось теперь партіей послѣ разгона второй Думы, казалось ему ненужнымъ и невѣрнымъ, но ему было трудно оформить свои мысли.

Своя работа не радовала и чувствовалъ онъ себя такъ, словно находится гдѣ-то въ плѣну, а уйти некуда. Давно притупились всѣ другіе интересы, ослабѣли связи съ міромъ людей за предѣлами партіи, и когда онъ думалъ о томъ, что уйдетъ отъ работы, не могъ представить себѣ, изъ чего сложатся тогда его дни, его жизнь. Но мало-по-малу все же отбивался отъ работы и отъ товарищей. И отъ Лидіи тоже будто сталъ отдаляться.

Попрежнему забѣгалъ къ ней по нѣсколько разъ въ день и, какъ это установилось между ними, исполнялъ мелкія ея порученія, гулялъ съ нею по вечерамъ, если она была свободна, и казалось ему, что онъ попрежнему страдаетъ любовью и томится по ней. Но ссоры между нимъ и Лидіей

все учащались. Лидія будто подстерегала его, на каждомъ шагу требовала доказательствъ любви, раздражалась всякой мелочью и почти дня не обходилось безъ сцены. Попрежнему Генрихъ при каждой ссорѣ готовъ былъ признать себя виноватымъ во всемъ, плакалъ отъ ея рѣзкихъ словъ, клялся въ любви и вымаливалъ ласку, но теперь, когда разставался съ Лидіей, не думалъ больше о тяжелой сценѣ, а по ночамъ рѣдко видѣлъ образъ Лидіи во снѣ. Теперь чаще возвращались къ нему забытыя юношескія грезы. Вспоминалъ о домѣ, о матери, и однажды написалъ ей робкое письмецо на открыткѣ съ изображеніемъ Монны Лизы. Даже опять сталъ заходить иногда въ церкви и соборы, и, повинуясь какъ бы старой привычкѣ, подолгу взглядывался въ темные лики мадоннъ. Онъ полюбилъ теперь тихіе одинокіе дни, когда свободный отъ порученій и отъ мыслей о Лидіи могъ бродить по отдаленнымъ, незнакомымъ ему улицамъ или пригороднымъ пустырямъ.

Иногда теперь, уставъ отъ длинныхъ прогулокъ, онъ заходилъ къ маленькой Клавдіи, помощницѣ секретаря ихъ района. Клавдія была тихая, молчаливая дѣвушка, совсѣмъ молоденькая, лѣтъ семнадцати. Она никогда не изумлялась приходу Генриха и не разспрашивала его ни о чемъ. Они подолгу сидѣли вдвоемъ въ ея крохотной комнатѣ и каждый думалъ о своемъ и не пытался, не тянулся дѣлиться своимъ потаеннымъ съ другимъ.

Генрихъ чувствовалъ, что Клавдія таила какое-то горе. И почти зналъ, въ чемъ дѣло. Еще мѣсяцъ тому назадъ былъ у Клавдіи близкій другъ, товарищъ Елисѣй, двадцатилѣтній студентъ. Генрихъ всегда видѣлъ ихъ вмѣстѣ, у Клавдіи бывали тогда смущенные глаза и влажныя губы. Но Елисѣй былъ замѣшанъ въ какой-то экспропріаціи, бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. И Клавдія съ тѣхъ поръ была одинока. Она ничего не знала о своемъ другѣ и даже не хотѣла знать. Вѣдь Генрихъ предлагалъ ей однажды навести заграницей справки. Но когда онъ сказалъ ей объ

этомъ, она отвѣтила тихимъ, „не надо“ и отошла отъ него. У Клавдіи простоватое русское личико, безформенный носъ, толстыя дѣтскія губы и добрые голубые глаза, немного слишкомъ голубые и круглые.

Клавдія очень грустна въ послѣднее время, но не потому, что сильно тоскуетъ о другѣ. Даже сама журитъ себя иногда, что такъ мало думаетъ о возлюбленномъ. Правда, все это случилось такъ скоро,—она не успѣла привязаться къ нему. Было пріятно, что онъ любилъ ее, такой умный и смѣлый. Но лучше, если бы этого вовсе не было... Клавдіи скверно отъ того, что она чувствуетъ себя въ послѣднее время больной. Не такъ, чтобы что-нибудь болѣло или былъ жаръ, а вся она стала иной, тяжелой и вялой.

По утрамъ никакъ не можетъ проснуться. Хозяйка будитъ по нѣсколько разъ, но сны, раньше легко отлетавшіе, теперь цѣпко и тяжело оплетаютъ сознаніе. Снятся подъ утро тонкія длинныя змѣи, не страшныя, но скользко и противно липнущія къ груди и рукамъ. Потомъ змѣи вползаютъ куда-то во внутрь, въ горло, въ животъ, и Клавдія просыпается съ тошнотой и физической тоскою внутри, но не можетъ подняться съ постели, будто тѣло опутано тонкою мелкою сѣтью, и снова засыпаетъ тяжело и лѣниво.

Она теперь небрежно относилась къ своимъ партійнымъ обязанностямъ. Не въ силахъ была далеко и помногу ходить. Только и хотѣлось, что лежать, чтобы никто не теребиль и не трогалъ. Но ей не давали покоя. Секретарша Марѳа посылала то туда, то сюда, командовала ею и сердилась. И Клавдія избѣгала ее, малодушно пряталась.

Хозяйка квартиры съ утра уходила на работу. Клавдія оставалась одна въ маленькой квартиркѣ. Ложилась полуодѣтая поверхъ одѣяла на постель и лежала часами. Лежала и видѣла передъ собою далекій свой домъ, деревню и матушку. И все представляла себѣ, какія блюда готовитъ къ обѣду Агафьюшка. Вотъ матушка выходитъ съ корзиной огурцовъ на террасу. Вынимаетъ одинъ за другимъ и рѣ-

жетъ тонкими, влажными, прозрачно-зелеными ломтиками огурцы и кругами кладетъ ихъ на тарелку. Еще и еще. Потомъ изъ граненнаго сверкающаг на солнцѣ судка поливаетъ ихъ уксусомъ, посыпаетъ перцемъ и солью, вокругъ кладетъ тонкія темно-зеленыя петельки свѣжаго молодого лука. И ноздри раздуваются у Клавдіи, слюна собирается во рту и кажется ей, вотъ-вотъ въ самомъ дѣлѣ почувствуетъ она вкусъ и запахъ салата. И представляетъ себѣ въ мучительномъ желаніи, какъ скользятъ по языку кислые и острые, гладко холодные ломтики огурца.

Снаружи звонятъ. Клавдія знаетъ—это за ней прислала Марѳа. Вѣдь вчера Клавдія не явилась на явку. Но она лежитъ на постели и упорно не двигается. Досадно что помѣшали мечтать объ огурцахъ. Она не откроетъ имъ двери и никуда не пойдетъ. Ей все равно, что скажутъ товарищи.

Подъ вечеръ Клавдія встала, одѣлась и побѣжала черезъ дорогу въ лавочку. Ей захотѣлось поѣсть маринованной селедки. Прошла мимо ресторана на углу, и оттуда пахнуло на нее запахомъ жареннаго сала и мяса. И отъ этого запаха судорога тошноты поднялась изнутри. Клавдія обхватила руками фонарный столбъ и прижалась къ нему, скорчившись, борясь съ приступомъ рвоты.

— Клавдія! Что съ вами, Клавдія?

Генрихъ стоялъ рядомъ съ нею. Съ изумленіемъ и испугомъ смотрѣлъ на нее.

— Мнѣ не хорошо! Ахъ, ахъ... Какъ скверно, Генрихъ!—Схватила его за руки, вцѣпилась въ него. Но тутъ же ей стало легче.

И выпуская его руки, она сказала, извиняясь:

— Я что то нездорова въ послѣднее время. Все тошнитъ. А здѣсь такъ скверно пахнетъ на улицахъ.

— Бѣдная Клавдьюшка! Вы такъ измѣнились лицомъ... Отчего же вы не лѣчитесь, не пойдете къ доктору?

— Все какъ то нѣкогда. Пойду.

— Не проводить ли домой, Клавдьюшка? У васъ такой больной видъ.

Генрихъ безцѣльно бродилъ уже два часа по городу и радъ былъ этой встрѣчѣ. И тому былъ радъ, что ей нужна его помощь, что можно хлопотать, заботиться о ней. Такимъ опустошеннымъ чувствовалъ онъ себя въ послѣднее время...

Вмѣстѣ съ Клавдіей поднялся въ ея комнату.

— Клавдія, вѣроятно, сегодня не ѣла? Онъ сваритъ ей вкусную кашу, если ее тошнитъ отъ мяса. Она хочетъ селедку? Неподалеку хорошій магазинъ—черезъ пять минутъ онъ вернется съ селедкой.

Ухаживалъ за Клавдіей, какъ за ребенкомъ. Накормилъ ее, помогъ снять башмаки, хотѣлъ уложить ее въ постель.

Но ей не хотѣлось лежать. Она сѣла за столомъ противъ него и сидѣла молча, погруженная въ свои думы.

И онъ замолчалъ. Не было у нихъ словъ другъ для друга.

Опять въ головѣ Генриха заклубились сѣрыми тѣнями отрывочныя, вялыя мысли о Лидіи, о работѣ, о тускломъ завтрашнемъ днѣ.

Случайно онъ поднялъ голову и встрѣтился взглядомъ съ Клавдіей.

И вдругъ будто что-то забытое зашевелилось въ мозгу. Онъ не зналъ еще что, но предчувствовалъ, что это нѣчто нужное, давно недостававшее ему, нѣчто свѣтлое, волнующе радостное. И боясь спугнуть душевнымъ усиліемъ то, что рождалось, въ напряженіи замеръ душой и сознаніемъ и трепетно ждалъ.

И вотъ оно вошло въ поле сознанія. И будто всѣ дни, всѣ мгновенія его жизни были наполнены муками поисковъ Генрихъ распластался въ свѣтломъ блаженномъ экстазѣ достиженія. Оно, дорогое лицо божества его юности, образъ мадонны съ лучезарнымъ, не знающимъ о себѣ страданіемъ

въ глазахъ, въ благой кротости сіялъ передъ нимъ. Съ того страшнаго дня, когда ушла съ офицеромъ его мать, онъ не зналъ и не помнилъ этой мадонны. Забылъ ее, о которой мечталъ и которую углемъ на стѣнѣ, подражая Рафаэлю, рисовалъ въ прозрачныя ночи своей юности. И вотъ она снова явилась къ нему. Теперь, неожиданно. Онъ закрылъ глаза, забылъ гдѣ онъ, и глядѣлъ внутрь себя на видѣніе. Потомъ родился яркій страхъ: вдругъ исчезнетъ найденный образъ, лишь только онъ шевельнется, откроетъ глаза. И отъ этого страха сразу открылъ глаза, тутъ же схватился, хотѣлъ зажмурить ихъ снова, но почувствовалъ, что образъ твердо и ярко стоитъ у него въ головѣ.

Все глядя внутрь себя, закричалъ, обращаясь къ Клавдіи:

— Клавдія, милая Клавдія, у васъ найдется бумага? Вы позволите мнѣ рисовать?

Долго сидѣлъ, забывъ о Клавдіи, въ ея комнатѣ и рисовалъ, пока совсѣмъ не стемнѣло.

Уходя и подавая Клавдіи руку на прощаніе, онъ снова случайно взглянулъ ей прямо въ глаза. И вдругъ подумалъ: не она ли напомнила ему его дорогую мадонну. Съ интересомъ пристально посмотрѣлъ на нее. Ея глаза изумленно расширились въ отвѣтъ на его внимательный взглядъ.

— Погодите, Клавдія! Посмотрите мнѣ спокойно въ лицо. Я вѣдь художникъ. Я нашелъ что-то интересное для себя въ вашемъ лицѣ.

Но теперь напрасно смотрѣлъ на нее и искалъ. У нея слишкомъ наивные и голубые глаза. Это не то! Отчего же вдругъ вспомнился этотъ образъ? Какъ странно!

— Клавдьюшка, отчего вы такъ блѣдны? Вамъ надо лѣчиться. Вы не сердитесь, что я такъ надолго застрялъ у васъ? Прощайте, Клавдинька!

VIII.

Послѣ разгона Думы Петровъ быстро сталъ опускаться. Уже второй мѣсяцъ онъ ходилъ безъ работы. Послѣ ссоры съ Лидіей избѣгалъ теперь встрѣчъ съ интеллигентами. Все казалось ему, что они знаютъ исторію его съ Лидіей и втайнѣ глумятся надъ нимъ. Да и поводовъ къ встрѣчамъ немного было теперь. Раойнный комитетъ почти не собирался. Работа велась кое-какъ. Кромѣ Мирры и Генриха за заставу мало кто ѣздилъ.

И отъ Каленова, съ которымъ былъ близокъ, Петровъ тоже отсталъ. Встрѣчался только съ Кирюшей.

И постоянно, когда сходились они, разговоръ какими-то непонятными путями сбивался на одну и ту же тему. О чемъ не начинали бесѣдовать, всегда задѣвали Каленова и Нелли, и ужъ не могли оторваться отъ нихъ.

Раньше, въ дни своихъ надеждъ и близости съ Лидіей, Петровъ теже любилъ думать и говорить о Каленовѣ и о его дружбѣ съ Нелли. Говорилъ тогда о немъ съ особой затаенной улыбкой и смущеніемъ, будто говорилъ о себѣ. Но теперь сразу возненавидѣлъ въ немъ свои разбитыя грезы и ему мстилъ за свое пораженіе.

— Каленовъ собирается въ провинцію и Нелли тоже,— являлся съ новостью Кирюша.

— Ха, ха! Развѣ она можетъ покинуть своего воспитанника?—издѣвался Петровъ.—Отпусти его—онъ всю ариѳметику и забудетъ.

— И что злобы то въ тебѣ! Я вотъ тоже буду наукамъ обучаться, въ школу записываюсь, да и тебѣ не грѣхъ бы, ругатель!

— Не нужна мнѣ твоя школа! Это пусть Каленовъ со своей кралей въ адвокаты готовится, а мы ужъ рабочими вѣкъ свой кончимъ, пролетаріями!

— И опять врешь. Что за адвоката выдумалъ?

И Петровъ, дрожа отъ удовольствія, передавалъ товарищу слышанную вчера странную и волнующую новость:

Каленовъ не будетъ больше работать на фабрикѣ, онъ готовится въ интеллигенты. Скоро будетъ держать экзаменъ за четыре класса.

— А потомъ за шесть и за восемь и за десять!—кричалъ Петровъ, брызгая слюной на Кирюшу. — А ты и не зналъ? Думаешь, твоя Нелли распрекрасная женой рабочаго быть согласится? Держи карманъ шире. Пролетаріевъ то мы любимъ, но муженька пожалуйте намъ въ перчаточкахъ, въ лайковыхъ...

И становясь съ каждымъ моментомъ грубѣй, долго площадной бранью ругалъ интеллигентовъ, перебиралъ ходившія въ районѣ про интеллигентокъ сплетни, по пальцамъ пересчитывалъ уходящихъ теперь изъ района работниковъ.

А когда Кирюша уходилъ, Петровъ ложился на постель лицомъ къ облупленной грязной стѣнѣ и лежалъ долгими часами, пока что-нибудь внѣшнее не выводило его изъ отупѣнія.

Сразу какъ-то исчезло содержаніе изъ его жизни. Съ завода прогнали, и по привычкѣ просыпаясь съ зарей, онъ не зналъ, что дѣлать съ собой и угрюмо боролся въ одиночествѣ съ тягучими ненужными часами. И вечеромъ некуда было итти. Затихла жизнь и работа вокругъ. Товарищи разбрелись въ разныя стороны и изъ прежнихъ одинъ Кирюша заходилъ къ нему поболтать. Заработковъ не было, но это мало тяготило Петрова. На хлѣбъ еще оставались кое-какіе гроши, а онъ почти ничего не ѣлъ по цѣлымъ днямъ и не былъ голоденъ.

Тяжело было и то, что совсѣмъ не тянуло къ вину. Теперь онъ уже больше не боролся съ собой. Не къ чему было. Но когда сейчасъ злобнымъ умомъ мечталъ о запоѣ, объ угарномъ, забытно-кружащемъ вихрѣ запоя, не приходило желаніе водки.

Превозмогая себя, тащился вечеромъ въ питейное заведеніе. Съ отвращеніемъ, не ощущая ни вкуса, ни запаха, тянулъ рюмку за рюмкой, насильно нагружая себя. Но тоска

впивалась острѣй, мутнѣли краски вокругъ, въ сѣрую неподвижность погружались предметы и не хотѣла рождаться внутри пьяная, буйная, угарная воля.

Потомъ будто наступали дни просвѣтлѣнія. Приходили старыя мысли, просыпались надежды. Утромъ онъ поспѣшно бѣжалъ въ городъ изъ-за заставы, чтобы условиться съ Миррой относительно устройства собранія. Искали вмѣстѣ боевой темы, обсуждали возможность успѣха, и ободренный ею онъ возвращался въ пригородъ, чтобы изъ дома въ домъ обойти всѣхъ прежнихъ товарищей.

Но вечеромъ приходили не сотни, которыхъ ждали, а десятокъ тѣхъ, изъ которыхъ каждый, какъ и Петровъ, былъ боленъ душой и искалъ втайнѣ пути, чтобы убѣжать отъ себя самого.

И послѣ вяло прошедшаго собранія они шли вмѣстѣ съ Миррой по темнымъ дорогамъ возлѣ обрывовъ и не о чемъ было имъ говорить между собой.

— Я слыхалъ, и вы отъ насъ уходить собираетесь— язвительно на всякій случай говорилъ Петровъ, хотя ничего такого о ней не слышалъ.

Но Миррѣ казалось, что онъ заслуженно упрекаетъ ее. Вѣдь сегодня еще обсуждали они вмѣстѣ съ Нелли планъ поѣздки за Зинкой.

— Я скоро вернусь,—робко отвѣчала она.

— Ахъ, такъ! Куда же вы собираетесь ѣхать?

— За дочкой, товарищъ.

— Гм... гм... Вы считаете, очевидно, революцію законченной. Да, да, теперь вы всѣ торопитесь обзавестись семейкой.

— Почему „мы“. Развѣ у васъ не наблюдается то же самое?

— У насъ? ошибаетесь, барышня! Не на что намъ семействомъ устраиваться. Послѣдніе сапоги, видите, продалъ вчера. Голодаемъ, болѣемъ тутъ. Безработица! Нужда у насъ, а не любовь на умѣ. Мы здѣсь погибать будемъ, а вы спасайтесь, барышня. Юбочки подберите!

— Петровъ, зачѣмъ вы! Я вѣдь не ухожу, я съ вами. И вѣдь мнѣ тоже не на что жить...

— Не на что жить! Небось, гдѣ-нибудь папаша или дядюшка завалящій найдется. А то женишокъ...

Онъ говорилъ только для того, чтобы излить томившую его злобу, произнося случайныя, не имѣвшія для него значенія слова, а Миррѣ казалось, что онъ все знаетъ о ней и о Рѣкушѣ и казнитъ ее заслуженной ненавистью.

Только съ Агатой охотно встрѣчался теперь Петровъ. Она теперь была совершенно свободна. Не было никакой технической работы, никакихъ опасныхъ порученій, за которыя она всегда бралась съ буйной радостью, и Агата проводила дни въ томительномъ бездѣйствіи. А вечеромъ по старой привычкѣ отправлялась за заставу. Прежде всего, она шла къ Петрову, но его часто не заставала дома и не знала, гдѣ найти его. Тогда она шла дальше, къ Кирюшѣ, къ Клещу. Клещъ интересовалъ ее и въ то же время чѣмъ-то отталкивалъ отъ себя. Всегда веселый и оживленный, онъ разсказывалъ ей шопотомъ о какихъ-то страшно важныхъ и страшно опасныхъ дѣлахъ, къ которымъ готовится, но не хотѣлъ говорить, въ чемъ дѣло, и дразнилъ ее жуткими и волнующими намеками. Она, терзаясь любопытствомъ, умоляла его разсказать ей все и заранѣе обѣщала свою помощь, но Клещъ требовалъ отъ нея клятвы, что она ни о чемъ не скажетъ Петрову. Это сердило ее и, поссорившись съ Клещомъ, она убѣгала отъ него, чтобы черезъ два-три дня возвратиться снова и умолять его посвятить ее въ тайну.

Когда она заставала Петрова дома, не спрашивая, радъ ли онъ ей, она усаживалась противъ него за столомъ и до поздней ночи сидѣла съ нимъ, стараясь разсѣять его тоску и огорчаясь, что онъ почти не слушаетъ ее. Петровъ мало разговаривалъ съ ней, но любилъ, когда она приходила къ нему, и часто съ интересомъ смотрѣлъ на нее, когда она говорила. На ея розовомъ пухломъ лицѣ почти не видно было лба и глазъ. Лобъ всегда былъ закрытъ мелкими

золотистыми кудряшками, свисавшими почти до бровей, а глаза лукаво выглядывали, словно черезъ щелочки, изъподъ вѣкъ и пухлыхъ складокъ кожи, набѣгавшихъ на нихъ во время улыбки. На этомъ кругломъ личикѣ яркими линіями выдавались красныя губы, неправильно изогнутыя и никогда плотно не смыкавшіяся, и черныя дуги бровей, сходившіяся на переносицѣ, съ слегка приподнятыми кончиками на вискахъ. И когда Агата смѣялась, глаза совсѣмъ закрывались, губы и брови извивались и трепетали, а мелкія кудряшки прыгали по лбу. Глядя на эту веселую игру на ея лицѣ, нельзя было самому не смѣяться и трудно было говорить съ нею серьезно.

— Почему вы такой грустный, Петровъ?—спрашивала Агата.

— Да что же, Агата, веселаго мало. Все прахомъ идетъ.

— А вотъ Клещъ говоритъ, теперь только и дѣла.

— Зачѣмъ вы возитесь съ Клещомъ, Агата! Я слышалъ, онъ связался съ темными людьми, рыбу въ мутной водѣ ловятъ...

— Да я Клеща не люблю. Вертлявый такой и смѣется бокомъ!

— Что это значитъ, Агата, „смѣется бокомъ“?—улыбнулся Петровъ.

— А такъ, носъ и ротъ закрутитъ на сторону, глаза скоситъ и ржетъ... Фу, противный!

Петровъ молчалъ и Агата замолкла на нѣсколько минутъ.

— Петровъ, а что я буду въ жизни дѣлать?

— Замужъ выйдете, Агата, дѣтей нарожаете и будете возиться съ ними. Чего лучше!

— И вы женитесь, Петровъ. Хорошо?

— Нѣтъ, я не женюсь.

— Ну, и я тогда не женюсь. Я одна не хочу!—сердясь возражала Агата.

— Дѣвочки не женятся, а выходятъ замужъ,—чуть-чуть улыбаясь, поправилъ Петровъ.

— Замужъ, за-а-уголъ! Фу, противное слово!

И снова имъ не о чемъ было говорить.

— Петровъ, а если бы вдругъ устроили большую демонстрацію или стачку, вы опять стали бы веселымъ, правда?

— Никакой теперь демонстраціи не будетъ, Агата.

— А Клещъ говоритъ, если много, много денегъ достать, милліонъ, можно оружіе купить заграницей и устроить возстаніе... Петровъ, я надѣла бы бѣлое платье, въ волосы вплела бы красныя ленты и со знаменемъ пошла бы впереди. Я стала бы высоко, высоко, на самомъ верху баррикады и сказала бы солдатамъ: вы видите, я безоружна, но не боюсь васъ. Попробуйте же выбить изъ моей руки красное знамя!.. И они остановились бы неподвижно, не смѣя стрѣлять въ меня... Но вотъ изъ заднихъ рядовъ летитъ шальная пуля, прямо мнѣ въ грудь... Я шатаюсь, но не выпускаю изъ рукъ знамени.—Впередъ!—кричу я—за мной!.. Потомъ мы побѣждаемъ: но я уже умерла. И на красномъ знамени, какъ на носилкахъ, рабочіе несутъ меня по улицамъ города, и толпы народа идутъ за нами и плачутъ и радуются, а изъ оконъ домовъ сыплется дождь красныхъ цвѣтовъ и ковромъ устилаетъ нашъ путь... Петровъ, а потомъ мы встрѣчаемъ васъ, и вамъ жалко меня и вы плачете. Правда, Петровъ? Вы подходите къ носилкамъ, и, склонившись ко мнѣ, тихо говорите мнѣ на ухо: я любилъ тебя...

— Ахъ, Агата, глупая дѣвочка, не надо разсказывать мнѣ такихъ сказокъ. А Клещъ говоритъ глупости. Никакого вооруженнаго возстанія теперь не будетъ!

— А если будетъ, вы дадите мнѣ нести красное знамя? Вотъ Клещъ говоритъ, что не нужно знамени. Лишь бы, говоритъ, деньги, тогда изъ засады будемъ пулеметами палить. А мнѣ такъ вовсе не нравится... Петровъ, вы цѣлый день сидите такъ и думаете? И никуда не ходите? По-

чему вы не приходите ко мнѣ въ гости? И я къ вамъ ходить перестану...

Молчала минуты двѣ и потомъ снова начинала говорить, не ожидая его отвѣта:

— Петровъ, я надоѣла вамъ, я—глупая. Вы нарочно ничего не говорите со мной, чтобы я ушла, а я все сижу... Вы молчите, а мнѣ съ вами не скучно.

Петрову хотѣлось сказать ей что-нибудь хорошее, теплое, но не было такихъ словъ въ его опустѣвшей душѣ. А она и не настаивала, чтобы онъ отвѣчалъ ей. Молчала нѣсколько минутъ, а потомъ снова принималась разсказывать, заканчивая каждую фразу неизмѣннымъ: правда Петровъ? Подъ конецъ и она умолкала, но не уходила, и они еще долго сидѣли другъ противъ друга въ полутьмѣ лѣтней ночи, пока не занималась заря.

IX.

За послѣднее время матеріальное положеніе Льва Абрамовича стало совершенно безвыходнымъ. Даже маленькій урокъ, которымъ онъ держался мѣсяца два послѣ ареста, пришлось бросить. Оказалось, что Левъ Абрамовичъ справлялся съ греческимъ языкомъ немногимъ лучше, нежели его долговязый ученикъ. Правда, Левъ Абрамовичъ пріобрѣлъ въ послѣднее время нѣкоторую опытность въ кредитныхъ операціяхъ, и это его выручало. Теперь, беря деньги взаймы, онъ не избѣгалъ, какъ раньше, своего кредитора, а наоборотъ, держалъ себя независимо и гордо и въ срокъ отдавалъ деньги, занявъ ихъ предварительно у кого-нибудь другого. Такимъ образомъ, онъ постоянно вертѣлъ чужими деньгами, измышлялъ самыя сложныя финансовыя комбинаціи, но при этомъ направлялъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы „не портить себѣ кредита“. Но случалось, что расчетъ его на какое-нибудь „вѣрное мѣсто“ не оправдывался, и тогда сразу разваливалось все зданіе его долговыхъ обязательствъ.

У Лидіи Левъ Абрамовичъ никогда не просилъ денегъ. Онъ былъ попрежнему въ нее слегка влюбленъ, говорилъ съ нею всегда элегическими недомолвками и къ этому тону не подходилъ разговоръ о деньгахъ.

Въ послѣдніе дни Льву Абрамовичу пришлось совсѣмъ туго. Онъ цѣлый день ходилъ озабоченный мыслью о деньгахъ. Въ кошелькѣ не было ни гроша. А тутъ какъ разъ Лидія вздумала подарить его неожиданнымъ вниманіемъ. Встрѣтилъ онъ Лидію вмѣстѣ Генрихомъ на улицѣ. Удрученный своими мыслями хотѣлъ прошмыгнуть мимо. Генриху онъ былъ долженъ порядочную сумму и, хотя тотъ не напоминалъ, стѣснялся съ нимъ встрѣчаться. Но Лидія окликнула его.

— Левъ Абрамовичъ! Вы рѣшительно стали меня избѣгать!—Знаете что? Оставимъ скучнаго Генриха и поѣдемъ кататься!—и бросила острый взглядъ на Генриха.

Тотъ молча поклонился, сейчасъ же повернулъ назадъ и исчезъ за угломъ.

Лидія, очевидно, не ожидавшая этого, сразу разсердилась и набросилась на Льва Абрамовича, срывая на немъ злобу:

— Что же вы стоите? Если не хотите кататься, надо было сказать раньше. Вы прогнали Генриха, а теперь стоите, какъ истуканъ.

Левъ Абрамовичъ, не думая о томъ, что у него нѣтъ ни копейки въ карманѣ, бросился за извозчикомъ.

Это была невеселая прогулка. Левъ Абрамовичъ противъ обыкновенія не испытывалъ даже гордаго удовольствія отъ того, что ѣдетъ съ такой шикарной дамой, какъ Лидія. Сидя бокомъ рядомъ съ ней, онъ тупо и безнадежно размышлялъ о томъ, кто заплатитъ извозчику.

И вотъ моментъ расплаты насталъ. По приказанію Лидіи извозчикъ остановился. Левъ Абрамовичъ суетливо и съ шумомъ выпрыгнулъ изъ коляски, высадилъ Лидію и про-

должалъ ненужно топтаться возлѣ экипажа, застегивая для чего то полость.

Лидія отошла на шагъ и остановилась.

— Левъ Абрамовичъ, что же вы?

— Сейчасъ, сейчасъ!—захлебнулся онъ. Выхватилъ изъ кармана кошелекъ и, стоя возлѣ наклонившагося къ нему извозчика, дрожащими руками суетливо открывалъ и закрывалъ по очереди всѣ отдѣленія своего портмонэ.

— Что же, Левъ Абрамовичъ, пойдемъ наконецъ!

— Лидія Николаевна, не найдется ли у васъ мелочи?

— Не думаю, Левъ Абрамовичъ, размѣняйте въ лавочкѣ.

Еще ниже опустивъ голову, Левъ Абрамовичъ съ судорожной поспѣшностью продолжалъ перебирать складки портмонэ.

— Если у васъ нѣтъ денегъ, нечего было кататься,— надменно сказала Лидія, вытаскивая изъ сумочки свѣтло-сиреневое длинное и узкое портмонэ.

— Заплатите ему!—и она протянула Льву Абрамовичу серебряный рубль, держа въ другой рукѣ открытое портмонэ. Въ среднемъ отдѣленіи его небрежно скомканная лежала пачка кредитокъ съ зелеными и красными краями.

Левъ Абрамовичъ, не глядя, отдалъ извозчику монету. Взглядъ его былъ прикованъ къ открытому портмонэ. Лидія вложила въ портмонэ три пальца, притиснула къ стѣнкѣ пачку кредитокъ и собралась захлопнуть замочекъ.

— Лидія Николаевна,—задыхаясь и пришептывая, заговорилъ Левъ Абрамовичъ, вплотную придвигаясь къ ней,— дайте мнѣ десять рублей, Лидія Николаевна, на пять дней, на два дня...

Лидія брезгливо отодвинулась отъ него и, двумя пальчиками вытянувъ за уголокъ красную бумажку, протянула ее Льву Абрамовичу.

— Я могу дать только на недѣлю. Это—мои квартир.

ныя деньги. Если не отдадите въ срокъ, подведете меня,— сухо сказала она...

Проходили дни, приближался срокъ возврата денегъ Лидіи, а занять опять было негдѣ. Не отдать въ срокъ этого долга казалось Льву Абрамовичу невыносимымъ униженіемъ. Онъ лучше согласился бы умереть.

Тутъ-то въ эти несчастные дни и стала навертываться ему на умъ все упорнѣе роковая мысль: онъ можетъ взять деньги въ жандармскомъ управленіи.

Еще и раньше онъ не разъ скользилъ мимо этой идеи, но въ страхѣ всегда подавлялъ ее въ себѣ и самъ передъ собой честно былъ увѣренъ, что вовсе не думаетъ объ этомъ.

Стали опять сниться Льву Абрамовичу страшные сны. Снова по ночамъ приходилъ его мучить ненавистный ротмистръ.

Идетъ Левъ Абрамовичъ по улицѣ и возлѣ Гостиннаго двора встрѣчаетъ ротмистра.

— Не зайти ли намъ закусить къ Доминику?—улыбается ротмистръ.

— Спасибо, г. ротмистръ, вѣдь еще за мной угощеніе.

Идутъ они вдвоемъ тѣсно объ руку въ ресторанъ. Становятся у стойки въ толпѣ другихъ жующихъ мужчинъ и Левъ Абрамовичъ ѣстъ буттерброды съ зернистой икрой, съ балыкомъ и съ жирнымъ угремъ. Потомъ запиваетъ рюмочкой доппель-кюммеля и опять ѣстъ буттербродъ съ гусинымъ филеемъ, а на закуску бѣретъ тоненькую тартинку чернаго хлѣба съ швейцарскимъ сыромъ.

— Вамъ платить!—говоритъ ротмистръ и улыбается, сверкая зубами.

— Я гдѣ-то забылъ портмонэ,—отвѣчаетъ Левъ Абрамовичъ и растерянно шаритъ по карманамъ, стараясь незамѣтно придвинуться къ двери.

— Гдѣ же вы забыли свои деньги?—кричитъ ротмистръ, наступая все ближе.—Припомните! Я приказываю вамъ жандармской властью. Припомните!

— Я не могу припомнить! Когда забываешь, нельзя припомнить!—и Левъ Абрамовичъ примѣривается шмыгнуть мимо ротмистра къ выходу.

— Погодите!—хватаетъ его за руку ротмистръ,—у васъ много денегъ, страшно много, вы можете заплатить всѣ свои долги. Вспомните, гдѣ вы забыли свои деньги.

— Это не мои деньги!—кричитъ Левъ Абрамовичъ въ страхѣ и чувствуетъ, какъ липкія капли пота стекаютъ съ висковъ по щекамъ.

— Вы ошибаетесь, г-нъ Вольфзонъ, это ваше жалованье! Ваши деньги лежатъ сложенныя пачками. Вы можете взять ихъ, когда пожелаете...

Въ тотъ день, когда истекалъ срокъ долгу, Левъ Абрамовичъ послѣ трехнедѣльнаго отсутствія явился на засѣданіе комитета района. Онъ тѣшилъ себя послѣдней надеждой достать деньги у кого-нибудь изъ рабочихъ. У нихъ онъ еще не пробовалъ занимать.

Льву Абрамовичу было очень неловко вдругъ явиться на засѣданіе послѣ того, какъ онъ столько времени неглижировалъ работой. Но Николай Васильевичъ встрѣтилъ его очень привѣтливо. Онъ радъ былъ всякому работнику, приходившему на собраніе въ это трудное время.

Засѣданіе снова было у Клавдіи. Но самой Клавдіи не было дома. Изъ рабочихъ явились только двое. Петровъ отсутствовалъ. Изъ интеллигентовъ пришли Николай Васильевичъ, Лидія, Мирра и секретарша Марѳа. Лидія пришла случайно. Въ послѣднее время она не посѣщала собраній. Она надѣялась встрѣтиться здѣсь съ Генрихомъ, на котораго сердилась за то, что онъ наканунѣ у нея не былъ.

Левъ Абрамовичъ усѣлся въ углу комнаты, чтобы лицо его было въ тѣни. На Лидію старался не смотрѣть. Но она, замѣтивъ его, стала поминутно поворачиваться въ его сторону, очевидно, интересуясь его присутствіемъ.

— Думаетъ, деньги принесъ!—съ острой ненавистью подумалъ Левъ Абрамовичъ.

Засѣданіе вышло невеселое. Изъ отчетовъ подрайоновъ выяснилось, что работа повсемѣстно замираетъ. Шестеро человѣкъ сидѣли и думали, какъ бы поправить дѣло, и каждый чувствовалъ, что оно въ данный моментъ непоправимо. Обсудили текстъ очередной прокламаціи, но послѣ окончательнаго ея чтенія выяснилось, что денегъ на ея изданіе нѣтъ.

— Лидія, черезъ васъ всегда поступали значительныя суммы въ комитетъ. Почему вы теперь такъ измѣнились?—грустно спрашивалъ Николай Васильевичъ.—Куда дѣвались ваши свѣтскія связи?

— Интересъ къ революціонной дѣятельности настолько ослабѣлъ, что мои „свѣтскія связи" ничего не желаютъ давать,—небрежно отвѣтила Лидія.

— Что же мы будемъ дѣлать, товарищи?—въ отчаяніи разводилъ руками Николай Васильевичъ.—Вѣдь выпустить прокламацію необходимо. Нужно, чтобы были деньги во чтобы то ни стало. Лидія, Мирра! ну, неужели ничего, рѣшительно ничего нельзя придумать?

— Я могу достать деньги!—неожиданно для всѣхъ сказалъ Левъ Абрамовичъ.

Онъ и самъ не зналъ, какимъ образомъ вдругъ вырвалась у него эта фраза.

Когда Николай Васильевичъ серьезно и требовательно, вглядываясь въ каждаго присутствующаго, настаивалъ на необходимости достать деньги, въ душѣ Льва Абрамовича родилось какое-то безпокойство, но это была не тягостная, а даже жутко-радостная тревога.

Почти не оформивъ еще сознаніемъ принятаго рѣшенія, онъ вслухъ закрѣпилъ его. И когда самъ услышалъ свои слова и понялъ, что возврата нѣтъ, онъ облегченно вздохнулъ.

— Я достану нужную сумму!—еще разъ повторилъ онъ.

— И вамъ, Лидія, отдамъ долгъ—прибавилъ онъ, перегибаясь къ Лидіи черезъ столъ.

Весь остатокъ дня Левъ Абрамовичъ чувствовалъ необыкновенную легкость въ душѣ. Иногда, правда, откуда-то поднимались и бились въ стѣны готоваго рѣшенія досадныя протестующія соображенія, но Левъ Абрамовичъ быстро выставлялъ противъ нихъ цѣлый батальонъ вѣскихъ, неоспоримыхъ доводовъ.

— Деньги онъ возьметъ не для себя. Было бы преступленіемъ не воспользоваться для партійныхъ цѣлей этими деньгами. И получать то ихъ надо вовсе не въ жандармскомъ. Ему данъ былъ адресъ какого-то почтоваго чиновника. Чинуша, навѣрное, присваиваетъ себѣ деньги и тамъ, въ жандармскомъ, даже не знаютъ, что онъ ихъ не беретъ. Съ какой же стати?..

X.

Наконецъ, Клещъ посвятилъ Агату въ свою тайну. И то, что онъ предложилъ, пришлось ей по вкусу. Вѣдь Клещъ говорилъ, что съ „этими деньгами“ можно будетъ все поправить, запастись оружіемъ, освободить товарищей изъ тюрьмы и снова начать революцію. И вотъ Агата каждый день ходила теперь вмѣстѣ съ Клещомъ учиться стрѣлять. Клещъ отдалъ въ ея полное распоряженіе маленькій новенькій блестящій револьверъ, и Агата каждый день усердно чистила его мѣломъ, чтобы онъ не потускнѣлъ. Она, какъ научилъ ее Клещъ, придѣлала къ платью потаенный карманъ и всегда выходила на улицу „при оружіи“, ночью же клала револьверъ подъ подушку.

Она все же не связала себя словомъ, какъ требовалъ этого Клещъ, не обѣщала хранить втайнѣ отъ Петрова свои замыслы. Она не теряла надежды, что убѣдитъ Петрова вступить въ ихъ дружину и что тогда онъ снова воспрянетъ духомъ.

Но Петровъ не пожелалъ даже слушать ее.

— Клещъ—дрянь!—сказалъ онъ И затѣмъ прибавилъ сухо и строго:—молодой дѣвицѣ не слѣдуетъ даже ходить къ нему.

И Агата, прерванная имъ на первыхъ же словахъ своего разсказа, такъ и не повѣдала ему о своихъ замыслахъ.

По обыкновенію, она сидѣла противъ него и смотрѣла на его блѣдное, угрюмое лицо и въ душѣ ея какъ-то тускнѣли грезы о славныхъ подвигахъ, обѣщанныхъ Клещомъ, и самое воспоминаніе о Клещѣ, гримасничающемъ и хихикающемъ, становилось непріятнымъ.

И вдругъ спросила:

— Вы меня немного любите, Петровъ?

— Нѣтъ, Агата.

— Совсѣмъ не любите?

— Совсѣмъ.

— Кого же вы любите?

— Никого.

— Это неправда! Каждый мужчина любитъ какую-нибудь женщину. Каленовъ любитъ Нелли, Кирюша Мирру...

— Это вы все выдумали, Агата.

— Нѣтъ, я знаю навѣрное.

— Будемъ говорить о чемъ либо другомъ.

— Вы всегда мѣшаете мнѣ говорить. Раньше вы не хотѣли слушать о „дружинѣ“, теперь о любви... А я хочу говорить и буду! Слышите! Вотъ я хочу разсказать вамъ о дружинѣ и вы не смѣете зажимать мнѣ рта. На зло вамъ! И въ „дружину“ поступила на зло вамъ! Мы всѣ научимся стрѣлять, хорошенько стрѣлять, потомъ одѣнемся франтами, узнаемъ, когда деньги везутъ на вокзалъ...

— Я сказалъ вамъ, что не желаю слушать этихъ глупыхъ выдумокъ...

— А я желаю говорить!

— А я затыкаю уши!

— А я буду кричать! на всю улицу! открою окна и

созову народъ и стану кричать о томъ, какъ мы украдемъ деньги изъ казначейства...

— Агата, вы несносная дѣвчонка!

Она вдругъ притихла. И черезъ нѣсколько минутъ шопотомъ сказала:

— А я люблю, когда вы говорите мнѣ „несносная дѣвчонка“.

— Я вовсе не говорилъ.

— Нѣтъ, сказали!

— Агата, почему вы не займетесь чѣмъ-либо путнымъ?

— Чѣмъ прикажете?

— Ну... учитесь.

— А вы сами много учитесь? Говорятъ, пьете. Хотите, я куплю водки и будемъ пить вмѣстѣ?

— Пойдемте, Агата, я провожу васъ, домой.

— Кто вамъ сказалъ, что я хочу домой? Вы меня выгоняете?

— Мнѣ надо итти къ товарищу...

— Ну, и я пойду съ вами! А если не хотите, то я пойду къ Клещу, буду учиться играть въ карты—весело! А когда мы достанемъ сто тысячъ, вы сами придете къ намъ просить!..

— Это мерзость, Агата!

— Почему мерзость? Вѣдь мы всѣхъ, всѣхъ товарищей выпустимъ на свободу, Петровъ... Ахъ, Петровъ, почему вы не хотите итти въ нашу дружину? Вы будете атаманомъ, а я одѣнусь мальчикомъ и буду вашимъ стремяннымъ...

— Агата, неужели вы серьезно связались съ Клещемъ? Вотъ, знаете, завтра... да, лучше завтра, приходите и мы поговоримъ объ этомъ серьезно, я постараюсь объяснить вамъ все... Вѣдь это вредно, очень вредно...—съ трудомъ говорилъ онъ, усиліемъ воли превозмогая тупое равнодушіе.

— Значитъ, мнѣ завтра опять прійти къ вамъ?—съ радостью спрашивала Агата—и вы будете говорить со мной много, долго? Какъ хорошо, Петровъ!

XI.

Бывало раньше, въ самое оживленное время предвыборной кампаніи, Мирра посреди шумнаго собранія, забывая о томъ, что дѣлалось вокругъ, погружалась въ мысли о своихъ личныхъ дѣлахъ, о Зинкѣ, о Рѣкушѣ и. когда ловила себя на этомъ, укоряла себя въ равнодушіи къ работѣ, стыдилась смотрѣть въ глаза товарищамъ. Но теперь какъ то все перемѣнилось. По ночамъ не снился больше Рѣкушъ и, проходя по улицамъ, она уже не вздрагивала при видѣ каждой высокой мужской фигуры, не ждала больше, что Рѣкушъ вдругъ неожиданно придетъ къ ней... И о Зинкѣ думала теперь меньше. Нелли убѣждала ее поѣхать за дочкой и, хотя Мирра охотно вела съ подругой разговоръ на эту тему, внутренне она не готовилась къ поѣздкѣ и не было въ ней радостнаго предчувствія свиданія.

Какъ-то отошли въ сторону личныя чувства и мысли о своемъ, и Мирра, раньше сосредоточенно слѣдившая за своими внутренними переживаніями, словно оторвалась теперь отъ самой себя, не смотрѣла внутрь, не чувствовала, не ощущала себя, и вся напряженная, словно вытянувшаяся въ струну, отдавалась одному дѣлу, одной мысли, единому стремленію не дать заглохнуть партійному дѣлу. Теперь она уже не волновалась, какъ въ первое время затишья, по поводу каждой маленькой неудачи, не прислушивалась больше и къ ожесточеннымъ спорамъ, кипѣвшимъ вокругъ, не обращалась къ окружающимъ съ тяжелыми вопросами; что будетъ? что дѣлать теперь? а одна, почти на свой страхъ и рискъ, упорно и настойчиво продолжала старое дѣло. И себѣ самой не задавала вопроса, выйдетъ ли что нибудь изъ этого, нужна ли ея работа и дѣлаетъ ли она именно то, что нужно. Быть можетъ, и у нея гдѣ-то тамъ, глубоко, за запертой дверью сознанія таилась увѣренность, что всѣ ея усилія напрасны и что нельзя уже отвратить неминуемаго крушенія, но она не отворяла этой страшной двери. Она дѣлала свое дѣло, какъ матросъ погибающаго корабля, уже отрѣ-

занный отъ всего прошлаго, уже внутренне перешагнувшій черезъ ужасъ гибели, свободный и отъ путъ жизни и отъ страха смерти.

Рѣкуша Мирра встрѣтила неожиданно и, увидѣвъ его, почувствовала не волненіе, а страхъ. А когда черезъ минуту первый испугъ прошелъ, осталась неловкость и, если бы онъ не шелъ уже улыбаясь прямо на нее, она постаралась бы проскользнуть незамѣченной мимо.

Рѣкушъ обратился къ ней шумно и развязно, пытаясь скрытъ свое смущеніе:

— А, Мирра Израильевна! Миррочка! сколько лѣтъ, сколько зимъ! И, вѣроятно, страшно спѣшите по какому либо важному, сверхъестественно важному дѣлу..

— Нѣтъ, я шла домой,—и Мирра въ замѣшательствѣ, не зная, что говорить и какъ смотрѣть на него, остановилась передъ нимъ.

— А туда, къ нимъ, къ этимъ вашимъ „товарищамъ“, все еще ѣздите?

— Ѣзжу.

— Н-да, и прохвосты же ваши товарищи. Читали, какъ они меня отбрили въ газеткѣ?

— Читала,—тихо сказала она.

— И согласны? И рады?

— Почти согласна...

— Идемте, здѣсь говорить неудобно!—рѣзко оборвалъ онъ ее и, рѣшительно взявъ объ руку, повелъ въ маленькій пыльный скверъ.

Сѣли на скамейку и оба молчали.

Онъ ждалъ, что она продолжитъ свои слова, а она не думала сейчасъ ни о его книгѣ, ни о рѣзкомъ отзывѣ о ней въ соціалъ-демократической газетѣ, а томилась желаніемъ взглянуть на него въ упоръ и внимательно посмотрѣть на его лицо, глаза, словно забытые, какъ будто совсѣмъ чужіе и въ то же время такъ странно близкіе:.. Но неловко было смотрѣть на него пристально, и она украдкой, сбоку, бро-

сала на него быстрые короткіе взгляды и снова опускала глаза.

Рѣкушъ, вспомнивъ объ оскорбительной статьѣ по поводу его книги, могъ теперь думать только объ этомъ и не замѣчалъ взглядовъ Мирры.

Прождавъ минуту, онъ снова заговорилъ злобно и страстно:

— Не могу понять, Мирра, какъ вы можете стоять на ихъ сторонѣ. Невѣжественные губители искусства, науки, душители свободнаго слова... Варвары, но безсильные, дряблые душою варвары. Что вы сдѣлалали для Россіи? Вы губили все, къ чему ни прикасались... всюду являлись вы, надменные невѣжды, съ готовыми отвѣтами на всякій случай жизни, съ безпощаднымъ презрѣніемъ ко всему, чего вы не знали или не понимали. Вы помните, когда интеллигенція жадно и страстно бросилась на дѣло организаціи, когда дружно и бодро десятками зарождались профессіональные союзы интеллигенціи, что вы сдѣлали тогда? Помогли, ободрили вашимъ тогда авторитетнымъ словомъ? Нѣтъ, вы забросали это движеніе градомъ нас мѣшливыхъ упрековъ, залили потокомъ завистливо-недовѣрчивыхъ предостереженій. Вы отозвали своихъ членовъ, вы выбросили никому ненужный стѣснительный лозунгъ: объединяйтесь не по профессіямъ, а по классамъ! И это тогда, когда вамъ вѣрили, когда отъ васъ ждали руководства и помощи, ахъ, что я говорю, когда отъ васъ ждали чудесъ, приходили къ вамъ и говорили: владѣйте нами! А рабочее движеніе? О, вы столько кричали о немъ, а когда пришло оно, яркое и свѣжее, стихійно-прекрасное, вы сначала только ахнули, а потомъ прибѣжали къ нему впопыхахъ съ веревками, сѣтями, батогами, и стали вязать его, тѣснить, глушить, загонять въ тупикъ вашихъ выдуманныхъ организацій. Вы обрѣзали ему крылья, вы сузили его размахъ, вы во время всеобщаго единенія посѣяли вражду въ его рядахъ, разбили, раскололи его, мощное и цѣльное, на множество злобныхъ и безсильныхъ груп-

покъ... Вы умертвили живой духъ движенія, вы взростили раздоръ, вы свободныхъ борцовъ заковали въ цѣпи сектантства!

А крестьяне? Къ нимъ вы ворвались, сами не зная, чего хотите, не столковавшись еще въ самомъ основномъ между собой. И тутъ стали кричать, тѣснить, не объединять, а преднамѣренно раскалывать, внося сумбуръ въ безхитростныя головы мужиковъ...

Мирра не пыталась перебивать его. Это были давно знакомыя ей мысли и слова, онъ много разъ говорилъ ей все это въ былыя времена и каждый разъ она до слезъ спорила съ нимъ, надѣясь переубѣдить его, а сейчасъ, слушая его, она не вникала даже въ смыслъ его словъ и лишь ловила ухомъ знакомыя интонаціи его рѣчи и ей было пріятно сидѣть и слушать его голосъ, звучавшій для нея полузабытымъ ласковымъ воспоминаніемъ.

— Вы знаете мое мнѣніе на этотъ счетъ,—тихо сказала она, когда онъ, наконецъ, на минуту пріостановился.

— Ахъ, Мирра,—пренебрежительно отвѣтилъ онъ—мнѣнія, воззрѣнія, убѣжденія... вѣдь это все пустяки! И знаете, я думаю, вамъ пора перестать играть въ эту игру. Вы можете теперь серьезно пострадать изъ-за вашихъ „товарищей“.

Мирра усмѣхнулась.

— Вы знаете, Мирра,—понижая голосъ, продолжалъ онъ,—я слышалъ отъ освѣдомленныхъ людей, что со всѣмъ этимъ „товариществомъ“ рѣшено серьезно прикончить. Можете передать это вашимъ юродствующимъ!

— Они и такъ знаютъ это, Сергѣй Ивановичъ. Вѣдь это ясно и помимо конфиденціальныхъ сообщеній освѣдомленныхъ лицъ...— сказала она жестко и вдругъ подняла до сихъ поръ опущенные глаза и посмотрѣла не него серьезнымъ и твердымъ взглядомъ. Раньше она никогда такъ не смотрѣла на него. Обыкновенно въ глазахъ ея мерцала какая-то тревога или робкая неувѣренность въ себѣ, и этотъ чужой вызывающе-спокойный взглядъ и ироническій

тонъ вызвали въ Рѣкушѣ враждебное раздраженіе противъ этой маленькой женщины, съ которой онъ намѣревался говорить снисходительно-ласково...

— Чего же вы ждете, если знаете сами!—грубо крикнулъ онъ.—Малое дитя! Вѣдь васъ могутъ не сегодня—завтра арестовать!

— Ну такъ что-жъ?—отвѣтила Мирра съ безпечной, даже насмѣшливой улыбкой.

И отъ этихъ словъ и ея улыбки заныло въ немъ щемящее безпокойство, неопредѣленное, гнетущее чувство словно передъ чѣмъ-то непонятнымъ и въ то же время укоризненнымъ.

— Вѣдь это не шутки, Мирра,—настойчиво повторилъ онъ,—если арестуютъ, то теперь могутъ отправить даже на каторгу...

— Я не боюсь!—продолжая улыбаться, возразила Мирра и онъ почувствовалъ, какъ смутное безпокойство вспыхнуло въ душѣ его жгучей тоской. Это часто бывало съ нимъ. Вдругъ, словно раздавалось, раздвигалось то, что составлялъ твердь его души, и внутри разверзалась сѣрая пропасть пустоты... И теперь словно стерся вдругъ смыслъ всего, что онъ говорилъ Миррѣ со страстнымъ убѣжденіемъ за минуту, потеряло значеніе все, что онъ думалъ, и все, что онъ намѣревался дѣлать сейчасъ и вообще когда-нибудь въ жизни. Онъ не зналъ уже, зачѣмъ наступитъ слѣдующій часъ и зачѣмъ придетъ неотвратимое завтра и къ чему вся жизнь и для чего онъ самъ...

А Мирра уже собралась уходить.

— Прощайте, Сергѣй Ивановичъ, мнѣ пора,—и протянула ему руку.

— Мирра, не уходите отъ меня, не оставляйте меня одного...—заговорилъ онъ въ тоскѣ, крѣпко сжимая ея руку. И показалось ему, что вотъ она, маленькая и робкая, знаетъ что-то главное и нужное въ жизни, что въ душѣ у нея есть что-то прочное и вѣчное и пока онъ сжимаетъ ея руку,

и онъ самъ держится за нитку этой настоящей жизни и если Мирра сейчасъ уйдетъ отъ него, онъ сорвется и полетитъ куда-то, въ бездонную, безграничную, тошнотно-жуткую пустоту...

Мирра съ недоумѣніемъ взглянула на него, не понимая этой перемѣны въ его тонѣ, и тутъ же съ изумленіемъ и радостью почувствовала, что ей не хочется остаться съ нимъ.

— Мнѣ надо итти!—повторила она и выдернула свою руку.

— Мирра, не уходи...—прошепталъ онъ, словно слабѣя,—вѣдь я люблю тебя...

— Нѣтъ, не любите!—спокойно сказала она, такъ, будто всегда твердо и опредѣленно знала это, будто не мучилась долгими ночами надъ этимъ вопросомъ и, кивнувъ ему на прощаніе головой, пошла отъ него прочь.

Она вышла изъ сквера, пошла по улицѣ и черезъ нѣсколько минутъ мысли ея приняли уже обычное направленіе, словно и не было этой волнующей неожиданной встрѣчи съ Рѣкушемъ. Она думала о томъ, что черезъ два дня назначена массовка на тему о вредѣ экспропріаціи, что необходимо лично съѣздить къ Петрову, къ Каленову и еще къ нѣсколькимъ рабочимъ, чтобы привлечь на собраніе публику, что нужно послать Агату къ Клещу, что необходимо заранѣе съ Николаемъ Васильевичемъ выработать резолюцію для этого собранія и еще о многихъ другихъ мелкихъ и важныхъ вещахъ, которыя въ послѣднія недѣли всецѣло заполняли ея сознаніе.

XII.

Лидіи казалось, что теперь у нея полоса неудачъ. Она, словно профессіональный игрокъ, всегда знала, везетъ ей или нѣтъ, и придавала этому большое значеніе. Она учитывала всякую мелочь, разстраивалась самыми ничтожными

непріятностями и, если такія непріятности случайно слѣдовали одна за другой, впадали въ мрачное уныніе.

Сегодня былъ рѣшительно неудачный день. Ночью снились непріятные сны. Подъ утро грезилось ей, что она произноситъ рѣчь въ большомъ залѣ. Говоритъ долго и хорошо, а когда кончаетъ, встаетъ рядомъ съ ней маленькая, какъ змѣйка, тонкая и острая женщина и читаетъ вслухъ по бумагѣ записанную ею Лидьину рѣчь. Лидія слушаетъ и дѣйствительно узнаетъ; это словно ея собственныя мысли и фразы, но почему-то онѣ звучатъ глупо и пошло, и она знаетъ: это оттого, что враги вымазали всѣ ея слова отвратительной краской. А вокругъ въ залѣ всѣ хохочутъ, ее окружаютъ какія-то скверныя лица, передъ глазами трясутся чьи-то жирные кадыки, протягиваются къ ней длинные язвительные пальцы... Она хочетъ защищаться, крикнуть имъ всѣмъ, что это вовсе не ея слова, что это злостный подвохъ, но звуки не вылетаютъ изъ горла. Она машетъ руками, выкатываетъ отъ напряженія глаза, но ничего не можетъ сказать...

Днемъ же одна непріятность слѣдовала за другой. Разбудила ее утромъ портниха. Она принесла Лидіи платье, только что передѣланное. Это было злосчастное платье, одна изъ тѣхъ Лидьиныхъ неудачъ, которыя преслѣдовали ее въ послѣднее время. Въ третій разъ перешивала платье портниха, и съ каждымъ разомъ оно становилось все хуже. Но сегодня оно оказалось еще отвратительнѣе, чѣмъ въ тѣ прошлые разы, и Лидія съ досадой швырнула его въ шкафъ.

Портниха ушла послѣ тяжелаго объясненія. Пора было Лидіи одѣваться, причесываться. Но сегодня и прическа не удавалась. Нѣсколько разъ заплетала Лидія и снова расчесывала волосы. И каждый разъ при этомъ на гребенѣ оставались пучки золотистыхъ волосъ.

— Кожа портится, волосы выпадаютъ,—думала Лидія,— это все Петербургъ.

Она смотрѣла черезъ окно на пыльную улицу и тоскливое томленіе замедляло теченіе крови въ ея тѣлѣ.

— Почему она не уѣхала весною къ дядѣ въ деревню...

Днемъ за обѣдомъ опять ждала ее непріятность.

Въ столовой знакомая дѣвица сказала ей двусмысленный комплиментъ относительно ея вчерашняго выступленія. Это окончательно разстроило Лидію. Въ сущности пустякомъ было то, что сказала дѣвица. При желаніи можно было принять даже за похвалу: „У васъ голосъ драматической артистки. Когда вы говорите, кажется, будто вы играете на сценѣ“. Но Лидія знала, что это дѣвица говоритъ не своими словами: навѣрное, рѣчь объ этомъ была въ комитетѣ и отзывались о ней неодобрительно, иначе дѣвица сказала бы что-нибудь и о содержаніи ея рѣчи... Да вотъ и Егоръ Ивановичъ, членъ Центральнаго Комитета, прошелъ мимо и не поздоровался съ ней. Быть можетъ, онъ просто не замѣтилъ ея. Но вѣдь Лидія знаетъ, что кого хочешь, всегда замѣчаешь. Егоръ Ивановичъ въ углу весело болтаетъ съ Агатой. Неужели ему пріятнѣе съ этой простушкой? Нѣтъ, онъ просто не видѣлъ ея, Лидіи!

Лидія подходитъ къ нему и, пытаясь привѣтливо улыбнуться, сзади окликаетъ его:

— Егоръ Ивановичъ, а со мной не хотите здороваться?

— Здравствуйте, Лидія!

Теперь онъ долженъ обязательно заговорить съ ней, похвалить ея вчерашнее выступленіе противъ меньшевиковъ. Но Егоръ Ивановичъ продолжаетъ шутить съ Агатой.

— Егоръ Ивановичъ, почему вы вчера не говорили?

Не поворачивая къ ней головы, онъ отвѣчаетъ:

— Къ чему? Николай Васильевичъ далъ исчерпывающую критику ихъ предложеній.

Николай Васильевичъ! Вѣдь и она отвѣчала вчера меньшевикамъ. Но онъ ничего не говоритъ ей объ этомъ. Значитъ, ему не понравилось. Вѣдь ей передавали: однажды

онъ сказалъ про нее, что она только „вульгаризируетъ большевизмъ". А можетъ быть онъ просто не слышалъ, какъ она говорила, вышелъ въ это время изъ залы? Но Лидія не рѣшается прямо спросить его. Стоитъ позади него, смотритъ на его сутулую спину въ рыжемъ пиджакѣ, на узкую каемку синей рубашки на шеѣ, слушаетъ раскаты звонкаго смѣха Агаты и ей кажется, что это стоитъ передъ нею ея врагъ, что на зло ей надрывается отъ смѣха Агата, что вокругъ всѣ эти люди, бѣгающіе взадъ и впередъ по тѣсному помѣщенію столовой, тоже враги и она совсѣмъ одинока, никому не нужна, никѣмъ не оцѣнена...

Она бѣжитъ домой, запираетъ дверь на ключъ, снимаетъ съ себя башмаки и корсетъ, выбрасываетъ шпильки и гребни изъ волосъ, кидается полуодѣтая на постель и замираетъ въ тоскѣ. Долго лежитъ неподвижно, копитъ въ себѣ отчаяніе и злобу, и ждетъ.

И вотъ раздается стукъ въ дверь. Наконецъ, это Генрихъ.

Лидія приподнимаетъ голову и прислушивается. Это онъ покашливаетъ за дверью. Она не откликнется. Пусть стучитъ.

Стукъ повторяется.

— Лидія!—Зоветъ онъ.—Отопри!

Пусть зоветъ!

— Лидія, родная моя, что съ тобой?

Отъ этихъ словъ, тревожныхъ и нѣжныхъ, еще острѣе закипаетъ злоба внутри. Пусть, пусть мучается!

— Боже мой, Лидія! Что же съ тобой? Пусти меня, ради Бога, пусти!

Но она лежитъ, молчитъ и чувствуетъ, какъ таетъ внутри холодный камень обиды, и словно терпкая жгучая влага расходится по тѣлу, подступаетъ къ горлу, къ глазамъ. Наконецъ, хлынули слезы...

Она рыдаетъ, вскрикиваетъ, бьется головой и ногами, а онъ слушаетъ за дверью и въ отчаяніи рветъ на себѣ волосы.

— Лидія, Лидія! Я позову людей. Я взломаю дверь! Я сейчасъ умру здѣсь у двери! Скажи, что съ тобой...

И вотъ она открыла ему дверь. Онъ стоитъ возлѣ постели и молитъ сказать ему, что съ ней случилось.

Но она не хочетъ глядѣть на него. Она лежитъ въ бѣлыхъ кружевахъ, залитая струями волосъ, и ея измученные глаза смотрятъ мимо него.

— Лидія, дитя мое, разскажи мнѣ, въ чемъ дѣло.

Ея глаза становятся все печальнѣе, но она молчитъ.

— Ну, что тебя мучаетъ? Скажи мнѣ, можетъ быть, я виноватъ?

Генрихъ опускается на колѣни, хочетъ цѣловать ея руки, но она прячетъ ихъ подъ подушку, онъ ловитъ пряди ея волосъ, но она отстраняетъ его.

— Неужели она никогда не скажетъ ему больше ни слова? Онъ ей противенъ? Ну что-жъ, онъ можетъ уйти. Въ концѣ концовъ, онъ не знаетъ, чѣмъ провинился такъ тяжело передъ ней.

— Ахъ, такъ! Онъ еще упрекаетъ ее! — Лидія сразу садится, рѣзкимъ движеніемъ отбрасываетъ волосы съ лица. Она такъ и знала! Вотъ, что онъ говоритъ ей въ утѣшеніе! Но ей все равно! Ей все это давно надоѣло. Она не можетъ такъ жить и не будетъ, не будетъ...

Лидія снова рыдаетъ, бьется головой о край кровати.

— Пусть онъ уйдетъ! Она хочетъ остаться одна. Вѣдь его любовь только иллюзія... Лучше разрушить и ее... Тогда все будетъ ясно и ей будетъ легче умереть.

— Зачѣмъ умирать? Какъ она терзаетъ его! Что съ ней случилось? Быть можетъ, все еще можно поправить...

— Ха, ха, ха... Непремѣнно должно что-нибудь случиться! Ха, ха, ха... Нѣтъ, ей не отрѣзало ногу трамваемъ и ея отецъ не проигрался на биржѣ. Вѣдь Генрихъ понимаетъ только такія несчастья! Ничего съ ней не случилось, ровно ничего. Но именно потому она хотѣла бы умереть. Она не можетъ переносить этой будничной жизни, мелкой работы,

она задыхается среди ничтожныхъ людей. Куда они завели ее!—и опять рыдаетъ и мечется.

Генрихъ знаетъ, что теперь безполезно ей возражать. Онъ хочетъ приласкать ее, быть можетъ, отъ этого станетъ ей легче.

Но Лидія отталкиваетъ его нѣжную руку.

— Она просила оставить ее въ покоѣ! Онъ думаетъ, что его поцѣлуи замѣнятъ ей содержаніе жизни. Что онъ ей далъ, кромѣ надоѣдливыхъ поцѣлуевъ? Цѣловаться умѣютъ и дворники, и лакеи. Онъ полагаетъ, что въ этомъ весь смыслъ любви? Онъ душитъ ея жизнь! Когда онъ замѣчаетъ возлѣ нея интереснаго человѣка, онъ злится и мучаетъ ее. Когда она смѣется и радуется, онъ ходитъ вокругъ нея хмурый и мрачный. Онъ отравляетъ каждую ея радость. Онъ не умѣетъ любить, онъ не умѣетъ звонко смѣяться, онъ вѣчно точитъ ее скучной жалобой.

Быстрымъ скачущимъ потокомъ несутся слова...

Бывало раньше, Генрихъ приходилъ въ отчаяніе отъ ея словъ, а теперь онъ слушаетъ ея бурную рѣчь, даже не вдумываясь въ ея смыслъ, какъ слушаютъ знакомый мотивъ, слѣдя за мелодіей, но не интересуясь его текстомъ. Она давно уже убѣдила его, что онъ „сѣрый будничный человѣкъ“, но сегодня ему какъ-то не вѣрится, что изъ-за этого она можетъ умереть.

— Если ты не уважаешь меня, Лидія, мнѣ лучше уйти. Я давно знаю, что не нуженъ тебѣ.

Забывъ, что только что сама гнала его, она опять рыдаетъ въ новомъ приступѣ отчаянія.

— Конечно! Онъ давно радъ уйти отъ нея. Онъ думаетъ, что ей неизвѣстно, какъ онъ бѣгаетъ къ Клавдіи.—Зачѣмъ прикрываться пышными словами! Съ Клавдіей, конечно, ему удобнѣе. Клавдія будетъ смотрѣть на него снизу вверхъ, а ему этого только и нужно. Она это предчувствовала... А вѣдь онъ обѣщалъ ей, что никогда не оставитъ ее. Онъ

знаетъ, какъ она несчастна. Онъ укралъ у нея ея довѣріе, ея душу, а теперь оставляетъ ее...

— Лидія, зачѣмъ ты мучаешь и себя и меня? Ты сама сочинила про Клавдію. Вѣдь не я, а ты первая начала рѣчь о разрывѣ. Если ты любишь меня, я останусь возлѣ тебя.

— Ей не нужно отъ него жертвъ! Пусть онъ уходитъ отъ нея. Найдутся другіе, лучше его...

— Если ты станешь угрожать мнѣ другими, я навѣрное уйду!

— Какое право онъ имѣетъ говорить съ ней въ этомъ тонѣ? Онъ забылъ, какъ вымаливалъ у нея любовь, выпрашивалъ каждый поцѣлуй...

Оба уже стоятъ другъ противъ друга посереди комнаты, кричатъ визгливыми голосами.

Но Генрихъ старается овладѣть своимъ гнѣвомъ.

— Лидія, ну, успокойся! Давай разъ въ жизни поговоримъ трезво.

Онъ подошелъ къ дивану и сѣлъ. Потомъ вынулъ часы и взглянулъ на циферблатъ:—У меня есть еще четверть часа времени. Попробуемъ договориться...

— Четверть часа! Для нея только четверть часа! Куда же онъ долженъ итти потомъ? Быть можетъ, у него свиданіе съ Клавдіей?

— Да, Лидія, представь себѣ, свиданіе съ Клавдіей!— злобно отвѣтилъ онъ. Но тутъ, снова обуздывая себя, мягко прибавилъ, протягивая ей руку:

— Ну, подойди же ко мнѣ, Лида. Мнѣ дѣйствительно надо черезъ четверть часа идти къ Клавдіи. Клавдьюшка очень больна. Я досталъ для нея адресъ доктора. Если я не приду во-время, она опоздаетъ на пріемъ.

— Ахъ такъ! Вы ведете Клавдію къ доктору! Клавдія очень больна! А я здорова по-вашему? Меня можно оставить?

— Лида, вѣдь я не оставляю тебя. Когда ты бываешь больна, я не отхожу отъ тебя. Мы въ другой разъ погово-

римъ объ этомъ, ты увидишь, что ты не права. А теперь мнѣ надо уйти, и я не могу такъ разстаться съ тобой... Вѣдь ты не сердишься больше?

— Если ты сейчасъ уйдешь, я никогда больше не пущу тебя сюда! Такъ и знай!

— Лида!

— Если ты любишь меня, ты не уйдешь сейчасъ къ Клавдіи!

— Лида, Клавдія больна.

— Что мнѣ за дѣло! Ты любишь меня или Клавдію?

— Лида, ты знаешь, что говоришь пустяки! Я люблю только тебя.

— Тогда оставайся...

— Я долженъ идти. Ну, поцѣлуй меня...

— Вонъ!—завизжала вдругъ Лидія, кидаясь опять на постель, головою въ подушку.—Вонъ! я ненавижу тебя!

Генрихъ вскочилъ съ мѣста, хотѣлъ броситься къ ней... Но часы показывали уже не четверть, а двадцать минутъ пятаго и Генрихъ вспомнилъ о маленькой Клавдіи, которая ждала его. Махнувъ рукой, онъ поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты.

Впервые онъ уходитъ отъ Лидіи послѣ ссоры, не примирившись съ ней и не покаявшись.

XIII.

Ночью наканунѣ массовки приснился Миррѣ странный сонъ.

Слышалось ей, будто у нея внутри или гдѣ-то вблизи звенѣли и стучали назойливыя безпокоющія слова: дыра... дыра... дыра... А потомъ подъ ногами у себя она увидала эту дыру. Круглое черное отверстіе воронкообразно углублялось въ землю, и Мирра знала, что дальше, сужаясь, оно переходитъ въ длинную, тонкую змѣистую трубку. Мирра смотрѣла напряженно въ черную воронку и ей казалось,

что стѣнки этой воронки медленно вращаются винтообразнымъ движеніемъ, увлекая, всасывая что-то невидимое во внутрь. И словно впиваясь душой въ это зрѣлище, слѣдила Мирра съ безстрастнымъ вниманіемъ за медленной неотразимой тягой бархатно-черныхъ краевъ. И уже руки сложила и тихо поддалась впередъ, вытягиваясь въ длинную линію, чтобы удобнѣе скользнуть въ мягкое черное жерло... И вдругъ будто кто-то окликнулъ ее, или вспомнила она что-то, задержалась на мгновеніе, застыла на мѣстѣ и подумала: „да, да, сейчасъ иду... только это...“ Но не знала, что „это“ и, выжидая, прислушивалась. А гдѣ-то въ ней или вокругъ нея дробно-размѣренно, будто тупо ударяясь одно объ другое, звучали настойчивыя слова: дыра... дыра... дыра...— гора, дыра... дыра... дыра...—гора... гора... гора... Незамѣтно переплелись два слова, одно подмѣнило другое. И, какъ это бываетъ во снѣ, не замѣтила Мирра этой перемѣны, не замѣтила и того, что уже не было дыры передъ ней, забыла совсѣмъ объ этой дырѣ и слушала напряженно, какъ вокругъ росъ и звенѣлъ рокочущій многоголосный кличъ: гора! гора! И было такъ, словно она уже не одинъ человѣкъ, а огромная мощная толпа, съ единой и въ то же время множественной душой. И это изъ ея тысячеголовой груди вырывается побѣднымъ кличемъ властное, всеразрѣшающее слово: „гора“! И все ея тѣло, огромное, безпредѣльное, состоящее изъ тысячи тѣлъ, напрягается болѣзненно-радостной судорогой. Гора!.. Гора!.. Еще одно послѣднее всепобѣждающее усиліе страданія и сдвинется твердь земли, и прорвется потокъ устремленья и изольется мучительно-радостнымъ экстазомъ достиженія... Гора! Гора! И напрягая послѣднимъ сверхъестественнымъ усиліемъ свое безпредѣльное тѣло, Мирра рванулась впередъ, и... проснулась.

Просыпаясь, она забыла свой сонъ. Знала, что было сейчасъ съ ней что-то важное, торжественное, что-то лучезарное, вѣнчающее жизнь, наполняющее душу предѣльнымъ восторгомъ. Но что же это было? И въ волненіи старалась

припомнить. Что-то хорошее, желанное... Быть можетъ, любовь, настоящая радостная любовь? Или побѣда въ борьбѣ? Но въ какомъ видѣ могла присниться побѣда? Баррикады? революція? Нѣтъ... нѣтъ... И пока гадала, угасалъ призрачный отблескъ восторга, оставленный радостнымъ сномъ. И снова было грустно и пусто и навертывалась обидная щемящая мысль: вѣдь наяву она знаетъ только тоску любви и горечь пораженія...

Цѣлый день дрожалъ въ душѣ Мирры отзвукъ забытаго сна и грустныхъ утреннихъ мыслей. Не думалось о вечернемъ собраніи и, какъ это уже давно не случалось съ Миррой, въ головѣ бродили безпорядочныя, отрывочныя мысли о прошломъ, вставали старыя воспоминанія.

А вѣдь для массовки нужно было еще кое-что сдѣлать: выучить наизусть резолюцію, выработанную Николаемъ Васильевичемъ и Нелли, повидаться съ Кирюшей, повторить планъ рѣчи, справиться въ старыхъ газетахъ, кое о какихъ фактахъ, нужныхъ для иллюстраціи рѣчи. Но сегодня Мирра не могла сосредоточить своихъ мыслей на этихъ вещахъ. Слонялась изъ угла въ уголъ, прибирала ящики въ столѣ, поливала цвѣты на окнахъ, и все отодвигала мысли о вечернемъ собраніи. Послѣ обѣда она пошла на урокъ и, когда вернулась домой и взглянула на часы, испугалась. Было уже поздно, необходимо было поскорѣе готовиться къ массовкѣ. Мирра лѣниво сѣла за столъ и протянула руку, чтобы придвинуть къ себѣ пачку приготовленныхъ газетъ, а въ головѣ возникла обычная мысль, которая, какъ готовая формула, вставала неизмѣнно передъ всякимъ собраніемъ; сколько человѣкъ соберется сегодня? И тутъ же навернулась и другая, добавочная мысль: на прошлой недѣлѣ массовка не удалась, явилось всего девять человѣкъ...

Все время, за этотъ послѣдній періодъ упадка, мысли Мирры, словно насильственно сдавленныя преградами, шли лишь въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Всегда раз-

мышляла она лишь о томъ, какъ получше устроить то или другое партійное дѣло, и никогда не задумывалась надъ тѣмъ, что будетъ, если ея начинаніе не удастся. Когда какое-либо собраніе разстраивалось, она больше не говорила о немъ, словно вовсе и не вспоминала о неудачѣ, и дѣятельно принималась за подготовку новаго. Но сегодня упрямая мысль не хотѣла итти этимъ обычнымъ путемъ, а все возвращалась вспять, искала новыхъ дорогъ:

„А что, если и сегодня не состоится массовка? и завтра и послѣзавтра и никогда болѣе?.. Что, если понапрасну, только для забавы себѣ, вертится она, Мирра, какъ бѣлка въ колесѣ? что, если никому больше не нужны ни эта массовка, ни вся эта возня?,..

— Нѣтъ! нѣтъ!—торопливо возражала себѣ Мирра, стараясь подавить въ себѣ эти ненужныя, запретныя мысли.— Сегодня рабочіе соберутся, навѣрное соберутся. Вѣдь придетъ Петровъ съ товарищами, Клещъ со своими, Кирюша и его компанія. А если эти и придутъ? Развѣ что-нибудь поправится отъ этого? Не все ли равно? Да, теперь все равно... все равно!

И будто только ради этихъ словъ „все равно“ бунтовали мысли и сжималось ужасомъ ошеломленное сознаніе. „Не все-ли равно“? И когда были найдены эти разрѣшающія слова, стали отодвигаться вглубь назойливые вопросы, спадать мучительное напряженіе.

„Не все-ли равно“? Опустились руки, голова склонилась на столъ, ослабѣло все тѣло и въ тупомъ спокойствіи застыла душа, а въ головѣ равномѣрно и гулко, словно въ пустомъ пространствѣ, бились слова: „все равно, все равно“...

Долго просидѣла такъ Мирра и, когда за часъ до собранія прибѣжала Агата, она съ трудомъ опомнилась.

— Клещъ съ товарищами не придетъ! Онъ велѣлъ передать, что у него нѣтъ времени для препирательствъ!— закричала Агата, едва переступивъ порогъ.

— А Петровъ?—глухо спросила Мирра, съ трудомъ поднимая отяжелѣвшую голову.

— Петровъ? Я не застала его дома ни вчера, ни сегодня,—грустно отозвалась Агата.—А вы не видѣли его?

Но Мирра не отвѣчала. „Не все ли равно, не все ли равно“ попрежнему дробно выстукивалъ молоточекъ въ вискахъ и, сидя неподвижно за столомъ, она ждала, чтобы ушла Агата.

Агата постояла, потомъ подошла къ одному окну, къ другому, выглянула на улицу, переложила на столѣ книги съ одного мѣста на другое и приблизилась къ Миррѣ:

— Можетъ быть, еще куда-нибудь сбѣгать, Мирра?

— Не надо.

— Я опять поѣду къ Петрову! Если застану, вмѣстѣ придемъ!—И вдругъ, загораясь энергіей, она закричала, шумно срываясь съ мѣста,—О, я его притащу! Миррочка, не печальтесь, навѣрное приволоку его и остальныхъ лѣнтяевъ!—На ходу тряхнула Мирру за руку, взмахнула головой и умчалась.

А Мирра сидѣла попрежнему неподвижно и казалось ей, она все еще видитъ передъ собой, какъ забавно-весело прыгаютъ-пляшутъ золотистыя кудряшки на лбу у Агаты.

Когда пришло назначенное время, Мирра встала, одѣлась и поѣхала за заставу.

XIV.

Петровъ не присутствовалъ на той массовкѣ, гдѣ была арестована Мирра. Въ тотъ вечеръ, когда Мирру избили казаки, Петровъ сидѣлъ у себя дома и сосредоточенно пилъ. Всю недѣлю передъ этимъ онъ аккуратно каждый вечеръ являлся въ трактиръ съ твердымъ рѣшеніемъ пить до опьянѣнія. Но эта преднамѣренность словно отбивала у него вкусъ къ вину. Онъ съ отвращеніемъ высасывалъ нѣсколько Рюмокъ подрядъ, съ нетерпѣніемъ всматриваясь, не заклу-

бится ли внутри сладкій, баюкающій туманъ, но съ каждой рюмкой будто твердѣлъ, и напрягался внутри жесткій комъ тоски. Петровъ зналъ, что такъ бываетъ въ началѣ, что надо пройти черезъ это, и крѣпясь, упорно вливалъ въ себя, какъ горькое лѣкарство, рюмку за рюмкой. Но не удавалась ему напиться до конца, до сладкаго истомнаго изнеможенія. Онъ не выдерживалъ. Внутренняя боль прорывалась преждевременно припадкомъ пьянаго буйства. Онъ набрасывался на собутыльниковъ, билъ посуду, рычалъ и рыдалъ въ изступленіи. Однажды ринулся къ стойкѣ, хотѣлъ бить хозяина: его будто бы опаиваютъ отравленной водкой. Каждый вечеръ со скандаломъ выпроваживали его изъ трактира, если товарищи заранѣе не успѣвали увести его домой.

Въ этотъ послѣдній вечеръ онъ рѣшилъ пить дома. Не передъ кѣмъ будетъ скандалить. Превозможетъ острый приступъ тоски и затушитъ его опьяненіемъ.

Весь день ходилъ онъ озабоченный отъ одного товарища къ другому, доставая деньги для выпивки. Уже кругомъ всѣмъ былъ долженъ, но не считалъ своихъ долговъ.

Въ сумеркахъ онъ лежалъ неподвижно на постели и съ нетерпѣніемъ ждалъ вечера. Въ голову лѣзли всѣ тѣ же старыя мысли. Опять думалъ о позорѣ всей партіи, о своемъ личномъ позорѣ и чувствовалъ, что уже не мысли у него въ головѣ, а какія-то высосанныя липкія оболочки отъ мыслей.

Когда зажглись фонари на улицѣ, онъ заложилъ ставнями окна, заперъ дверь на крючокъ, приспустилъ фитиль въ лампѣ, чтобы не было слишкомъ свѣтло, и сосредоточенный сѣлъ къ столу. Нѣсколько разъ подносилъ ко рту первую рюмку и ставилъ ее обратно на столъ. Потомъ вылилъ ее въ горло и уже безостановочно, одну за другой опрокидывалъ въ ротъ слѣдующія. Сначала онъ по обыкновенію слѣдилъ за собой, все ощупывалъ тоску внутри и ждалъ просвѣтлѣнія. Но онъ сегодня быстро ослабъ отъ вина. Даже тоска не стала острѣй. Расплылись мысли, за-

тянулось сознаніе. Танцующимъ хитрымъ зигзагомъ побѣжали передъ нимъ полуобразы, словно цвѣтныя лоскутья, уносимыя быстрымъ теченіемъ, зазвучали въ ушахъ полуслова, полузвоны и, не донеся послѣдней рюмки до рта, онъ заснулъ, прижавшись щекой къ мокрой клеенкѣ стола...

Долго и ожесточенно стучалъ Кирюша въ окно и двери. Видѣлъ сквозь щель въ ставнѣ слабый свѣтъ и не могъ понять, почему не отпираетъ Петровъ. Въ другое время постучался бы и ушелъ, но сейчасъ бурное отчаяніе и ужасъ парализовали его обычную застѣнчивость. Онъ колотилъ кулаками въ дверь, проклиналъ и ругался, съ каждой минутой становясь все настойчивѣе, будто сейчасъ все спасеніе было въ томъ, чтобы добраться до Петрова. Подъ ударами кулаковъ дверь поддалась, крючокъ соскочилъ съ петли.

Кирюша ворвался въ комнату. Въ полутьмѣ едва разглядѣлъ склоненную надъ столомъ фигуру Петрова, но не остановился мыслью на томъ, почему ему не отперли, почему неподвиженъ Петровъ. Сразу, покрывая воплемъ своимъ стукъ сорвавшейся съ крюка двери, закричалъ, словно тяжелые камни выбрасывая изнутри:

— Мирру взяли, избили! Въ кровь! Нагайками. Скорѣй, скорѣй!.. Что же дѣлать теперь?..

И тутъ же осѣкся. Когда бѣжалъ оттуда, переносясь вихремъ черезъ заборы и рвы, когда ломился къ Петрову, казалось ему, что нужно мчаться куда-то, что въ этомъ спасеніе. А теперь, впервые оформивъ случившееся словами, сразу понялъ, что бѣжать уже некуда и ничего нельзя сдѣлать. Но страшась поддаться этой мысли, прячась за то призрачное чувство, которое гнало его впередъ съ мѣста экзекуціи къ Петрову, онъ опять закричалъ, на этотъ разъ, обращаясь прямо къ Петрову:

— Слышишь, Сергѣй! Все пропало! Что же намъ дѣлать теперь?—и тутъ только замѣтилъ, что Петровъ лежитъ головой на столѣ и спитъ.

Открытіе, что Петровъ пьянъ, сразу перетопило злобное отчаяніе Кирюши въ гнѣвъ противъ товарища.

Минуту онъ смотрѣлъ въ упоръ на его безчувственное тѣло, какъ бы собирая въ себѣ раздраженіе, потомъ сразу бросился на него, нанося ему безпощадные удары въ спину и голову, выкрикивая грубыя площадныя слова брани.

Протрезвлявшійся Петровъ глухо мычалъ и слабо поводилъ руками, безсознательно отбиваясь отъ нападающаго. Но эти безпомощныя движенія еще больше раздражали Кирюшу.

— Ты драться? Скотина! Я же тебѣ!—и нагнувшись надъ Петровымъ сзади, онъ съ силой ударилъ его кулакомъ по лицу.

Петровъ застоналъ. Обѣими руками схватился за лицо. Выраженіемъ жалобнаго испуга засвѣтились тусклые глаза.

— Что ты?—лепеталъ онъ и рукой растиралъ по лицу кровь, крупными каплями стекавшую съ носа.

— Кровь! — закричалъ въ ужасѣ Кирюша. — Мирру били по лицу въ кровь! Слышишь, Мирру били, увели казаки!

Петровъ отвелъ руки отъ лица. При тускломъ свѣтѣ оно казалось чернымъ отъ размазанной по нему крови.

— Кровь, кровь!—повторилъ онъ, уставившись на свои окровавленныя руки.

— Да, да! Мирру били! Понимаешь, били до потери сознанія. Утри же свою рожу, пьяная образина!—въ послѣднемъ взрывѣ спадавшаго гнѣва закричалъ Кирюша.

Потомъ сразу затихъ. Опустился на табуретъ, легъ грудью на столъ. Раскачиваясь и причитая, колотясь лбомъ о столъ, долго судорожно плакалъ, не сдерживая рыданій. А когда выплакался, всталъ и, не глядя на Петрова, пошелъ изъ комнаты.

Петровъ не совсѣмъ ясно понялъ то, что сказалъ ему Кирюша. Ужасъ, навѣянный словами Кирюши, боль отъ ударовъ показались ему лишь продолженіемъ кошмарныхъ

грезъ. Глаза снова закрывались, тяжелая голова никла къ столу, словно душный горячій мѣшокъ надвигался съ головы на все тѣло. Но онъ старался превозмочь дремоту. Одной твердой точкой разслабленнаго сознанія онъ улавливалъ, что въ хаосъ быстрыхъ безформенныхъ представленій вплелась какая-то нужная и важная нить, конецъ которой необходимо схватить и удержать. Насильно открывалъ глаза и смотрѣлъ на два кровавыя пятна—свои руки. И казалось ему, отъ этихъ пятенъ бѣжали, сплетаясь и извиваясь, мелкими горячими струйками, острыя непонятныя мысли или то были не мысли, а красные жгучіе рубцы на чьемъ-то тѣлѣ...

Проснувшись утромъ, Петровъ вполнѣ ясно припомнилъ все, что сообщилъ ему ночью Кирюша. Онъ сообразилъ и то, что Мирра арестована на массовкѣ, о которой недѣлю тому назадъ говорила съ нимъ.

Но у него было такое ощущеніе, будто рядомъ съ этимъ потрясающимъ извѣстіемъ онъ узналъ еще что-то.

Онъ чувствовалъ, что носитъ въ себѣ что-то новое и особенное, что-то сказанное ему или открывшееся изнутри въ эту кошмарную ночь. И отъ этого невѣдомаго еще ему откровенія было какъ-то спокойно и даже торжественно на душѣ. Казалось, будто самое главное было вовсе не извѣстіе о Миррѣ, а что-то другое, съ нимъ связанное и покрывающее его. И хотя онъ еще не зналъ, что это, но ярко чувствовалъ присутствіе этого невѣдомаго въ себѣ.

Вопреки укоренившейся въ послѣднее время привычкѣ, онъ сегодня не легъ досыпаться въ постель, а сразу встряхнулся и пошелъ за водой, чтобы умыться.

Вода въ чашкѣ окрасилась въ мутно-розовый цвѣтъ.

— Кровь,—подумалъ онъ и вспомнилъ, какъ билъ его ночью Кирюша. Съ удовольствіемъ потрогалъ чувствительный синякъ на переносицѣ, придавилъ носъ, ожидая, не покажется ли опять кровь. Потомъ старательно одѣлся, выбросилъ изъ комнаты залежавшіяся бутылки изъ-подъ

водки и пошелъ къ товарищамъ узнавать подробности случившагося ночью.

Къ полудню онъ вернулся домой. Открылъ комодъ, вынулъ ящикъ съ браунингомъ, переданный ему организаціей, и опять ушелъ изъ дому. Онъ отправился на взморье, чтобы испробовать, какъ бьетъ револьверъ.

Въ десять часовъ вечера Петровъ съ револьверомъ въ карманѣ входилъ въ кабинетъ пристава Шаланды, руководившаго наканунѣ облавой.

Петровъ обстоятельно обдумалъ всѣ подробности покушенія и не сомнѣвался въ успѣхѣ. Былъ увѣренъ, что дѣлаетъ именно то единственное, что необходимо сейчасъ, но увѣренность его покоилась не на доводахъ разсудка. Онъ не могъ бы сказать, какимъ образомъ созрѣло въ немъ это намѣреніе, не могъ бы опредѣлить и того, въ какой моментъ родилось рѣшеніе, съ которымъ онъ проснулся поутру.

Утромъ товарищи прибѣжали сообщить Николаю Васильевичу, что наканунѣ вечеромъ Петровъ стрѣлялъ въ пристава Шаланду и арестованъ на мѣстѣ. И этотъ новый ударъ привелъ Николая Васильевича въ отчаяніе. Каждый день Николай Васильевичъ надѣялся, что именно сегодня удастся ему наладить, наконецъ, распадающуюся работу, но каждый день его постигали новыя неудачи. За послѣднее время Лидія, Левъ Абрамовичъ и Генрихъ подъ разными предлогами уклонялись отъ возлагаемыхъ на нихъ порученій. Третьяго дня ночью арестовали на массовкѣ Мирру и съ нею пять лучшихъ рабочихъ. А вчера выбылъ изъ строя Петровъ. Его Николай Васильевичъ особенно цѣнилъ, считалъ убѣжденнымъ марксистомъ, и теперь никакъ не могъ понять его дикой выходки. Онъ былъ просто ошеломленъ извѣстіемъ о поступкѣ Петрова. Николай Васильевичъ, хотя и видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ вокругъ него ряды работниковъ, какъ оттягивается куда-то рабочая масса, словно сжимаясь и образуя пустоту вокругъ

партійной организаціи, но всегда поглощенный частностями, не замѣчалъ общей картины развала. Если Лидія, Генрихъ, Левъ Абрамовичъ, Клавдія и другіе отказывались работать съ такимъ усердіемъ, какъ раньше, онъ бранилъ ихъ, огорчался, но былъ увѣренъ, что они нуждаются лишь во временномъ отдыхѣ и усиленно искалъ, кѣмъ бы замѣстить ихъ. Не находя новыхъ работниковъ на мѣсто выбывающихъ, онъ сердился на нераспорядительность „центровъ“ и полагалъ, что это временная заминка и что не сегодня-завтра на свободныя мѣста явятся новые, свѣжіе люди, какъ это всегда бывало раньше. При видѣ распадающихся кружковъ, неудачныхъ собраній онъ опять-таки негодовалъ на неумѣлыхъ пропагандистовъ и забрасывалъ центральныя инстанціи просьбами о присылкѣ „свѣжихъ силъ“. Но случай съ Петровымъ словно сбилъ его съ позиціи. Онъ никакъ не могъ осмыслить того, что случилось, не могъ перебросить моста между убѣжденіями Петрова и его поступкомъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ вдумывался въ то, что произошло, росло въ немъ раздраженіе, даже злоба противъ Петрова. Эта ненужная, дикая выходка наносила серьезный вредъ организаціи, и Николай Васильевичъ съ горечью думалъ о томъ, что ему со слабыми силами, имѣющимися теперь въ его распоряженіи, трудно будетъ бороться съ деморализаціей, которую этотъ поступокъ виднаго вождя рабочихъ вносилъ въ ряды пролетаріата. Во всякомъ случаѣ необходимо было немедленно высказаться по этому поводу и публично отмежеваться отъ Петрова, снять съ организаціи отвѣтственность за этотъ шагъ.

Николай Васильевичъ помчался къ Нелли.

— Ахъ, Боже мой,—закричала въ ужасѣ Нелли, когда запыхавшійся Николай Васильевичъ сразу выпалилъ ей свою новость.—Его схватили!.. Бѣдный Петровъ, это онъ за Мирру!..—и она заплакала.

Николай Васильевичъ въ смущеніи смотрѣлъ на нее. Потомъ отошелъ къ окну и сталъ глядѣть на дворъ. Ему

было очень неловко отъ того, что Нелли плакала. Такъ же неловко было бы ему, если бы она вдругъ стала раздѣваться въ его присутствіи или заговорила о чемъ-либо слишкомъ интимномъ. Онъ стоялъ нѣсколько минутъ, отвернувшись отъ нея, и ждалъ, а она все плакала и ему становилось все болѣе не по себѣ. Наконецъ, онъ рѣшилъ потихоньку уйти и, боясь взглянуть на нее, сталъ бокомъ подвигаться къ двери.

— Николай Васильевичъ, куда же вы?—Нелли встала со своего мѣста и подошла къ нему, вытирая платкомъ вспухшее красное лицо.

— Его казнятъ... Николай Васильевичъ, быть можетъ, можно нанять адвоката?..—сказала она, сама понимая, что говоритъ ненужное и пустое, но все же ждала его отвѣта.

— Мы ему станемъ нанимать защитника?—и Николай Васильевичъ сразу загорѣлся прежней обидой.—Что съ вами сдѣлалось? Развѣ мы можемъ въ качествѣ членовъ соціалъ-демократической организаціи вступаться за него? Я не понимаю, что нашло на него. Припадокъ умопомраченія! Но теперь намъ надо спасать партію, слышите! Въ такое время, какъ теперь, такой примѣръ дѣйствуетъ заразительно. Его всѣ знали. Его поступокъ будетъ истолкованъ, какъ партійное выступленіе, насъ и такъ обвиняютъ въ экспропріаціяхъ... Эта выходка повлечетъ дурныя послѣдствія для насъ...

— Вы боитесь новыхъ арестовъ?

— Развѣ въ арестахъ дѣло? Вы, кажется, нарочно не желаете понимать меня, Нелли? И вамъ безразлично, если нашу идею втаптываютъ въ грязь!..

— Я понимаю,—тихо отвѣтила Нелли. Чего же вы хотите?

— Необходимо сейчасъ же изготовить прокламацію для рабочихъ, затѣмъ лансировать замѣтку въ общую прессу.

— Да... да... вы правы.

— Можетъ быть, вы займетесь прокламаціей, Нелли?

Я хотѣлъ бы сейчасъ же извѣстить обо всемъ комитетъ и на собраніи представить уже готовый проектъ прокламаціи, затѣмъ мнѣ нужно еще похлопотать о типографіи.

Въ это время дверь съ шумомъ распахнулась и съ размаха ударившись о стѣну, отдалась назадъ, а потомъ вторично стукнула, при чемъ изъ подъ обоевъ съ мелкимъ шуршаніемъ посыпалась штукатурка. Въ комнату ворвалась Агата. Ни Нелли, ни Николай Васильевичъ не узнали ее въ первое мгновеніе. Ея пухлое розовое лицо словно заострилось, стянулось въ нижней своей части. Голый бѣлый лобъ, на которомъ сейчасъ не было кудряшекъ, перерѣзанный сплошной черной линіей бровей, совершенно измѣнилъ выраженіе ея лица, а темные широко-открытые глаза горѣли ужасомъ и волненіемъ.

Толкнувъ по дорогѣ Николая Васильевича, быть можетъ, не замѣтивъ его, она бросилась къ Нелли, схватила ее за руки и нѣсколько секундъ, раскачиваясь всѣмъ корпусомъ и до боли стискивая руки Нелли, открывала и закрывала ротъ, не произнося ни звука, и слышно было, какъ дыханіе со свистомъ вырывается изъ ея горла. Потомъ вдругъ она закричала хриплымъ голосомъ:

— Скорѣй! Скорѣй! Они казнятъ его! Идемъ его выручать! Соберите рабочихъ! Я принесу бомбы! Нелли, нельзя терять ни минуты!

— Подождите, Агата, успокойтесь, — попробовала перебить ее Нелли, съ усиліемъ высвобождая свои руки, — вѣдь такъ нельзя, Агаточка,—и слезы снова потекли по ея лицу.

Но тутъ въ разговоръ злобно вмѣшался Николай Васильевичъ.

— Вамъ мало того, что онъ скомпрометировалъ организацію, вы хотите завлечь въ эту авантюру и другихъ рабочихъ! Великолѣпный, необыкновенный планъ—итти съ бомбами къ Н-скому участку!

— Но вѣдь его казнятъ!—закричала Агата.—Завтра же... Идемте же что-нибудь дѣлать!

— Ничего нельзя сдѣлать теперь, — сказалъ Николай Васильевичъ. — Вы, товарищъ, называете себя членомъ соціалъ-демократической партіи, а предлагаете такія несуразныя вещи...

И вдругъ, какъ дикій звѣренышъ, визжа и хрипя, она прыгнула къ нему и, сжимая маленькіе кулаки, закричала, брызгая слюной ему въ лицо:

— Негодяи! Подлецы! Сволочи! Вы не хотите его спасти! Такъ я же... такъ я же... я соберу анархистовъ, воровъ, хулигановъ. Я... я... покажу вамъ всѣмъ! Я сама спасу... Я взорву участокъ... я... я... я!..—И задыхаясь и извергая на пути каскадъ уличныхъ бранныхъ словъ, она бросилась къ выходу и черезъ секунду въ комнатѣ зазвенѣли окна отъ стука захлопнутой ею двери.

XV.

Вечеромъ того же дня Левъ Абрамовичъ былъ арестованъ у себя на квартирѣ и доставленъ въ жандармское правленіе.

— Садитесь, г-нъ Вольфзонъ, — сказалъ ему знакомый ротмистръ,—и разскажите намъ обстоятельно, что вы знаете о дѣятельности пригороднаго района. Насколько намъ извѣстно, рабочій Сергѣй Петровъ былъ членомъ района?

— Что вы, г-нъ ротмистръ? Что вы? Я ничего не знаю...—лепеталъ Левъ Абрамовичъ, въ предѣльномъ, животномъ страхѣ.

— Извольте докладывать, г-нъ Вольфзонъ. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ вы состоите у насъ сотрудникомъ, и получили жалованье. Вы не можете жаловаться на то, что мы васъ обременяли работой...

— Но я не думалъ... я думалъ... — началъ было Левъ Абрамовичъ и внезапно замолчалъ.

Ротмистръ медленно поднялъ голову, потомъ въ упоръ уставился на Льва Абрамовича, словно ввинчивая все глубже и глубже въ него свой острый взглядъ. Глаза Льва Абрамовича быстро забѣгали по разнымъ направленіямъ, пытаясь ускользнуть отъ погони, но настойчивый взглядъ жандарма неуклонно слѣдовалъ за ними.

И какъ бы уставая бороться съ ротмистромъ, глаза Льва Абрамовича становились все спокойнѣе и весь онъ будто застывалъ подъ взглядомъ противника. Не моргая, не шевеля ни однимъ мускуломъ лица, онъ смотрѣлъ расширенными неподвижными зрачками въ голубые кружки передъ собой и тупое тяжелое спокойствіе наливало всѣ его члены.

Ротмистръ отвелъ на секунду свой взоръ, потомъ снова взглянулъ на Льва Абрамовича. Тотъ по-прежнему, не перемѣнивъ направленія взгляда, смотрѣлъ передъ собой.

— Что вы такъ на меня смотрите!—закричалъ раздражительно жандармъ, ударяя кулакомъ по столу.—Я говорю съ вами, слышите! Вы обязаны отвѣчать!

— Я не стану отвѣчать!—глухо произнесъ Левъ Абрамовичъ, съ усиліемъ раздвигая губы, которыя ему казались ужасно тяжелыми и огромными.

— Ха, ха, ха! Глупый вы человѣкъ! — круто мѣняя тонъ, засмѣялся ротмистръ.—И вы думаете, что ваше молчаніе поможетъ кому-либо? Вы полагаете, что вы у насъ единственный сотрудникъ? Въ вашемъ комитетѣ было еще два нашихъ агента и васъ мы допрашиваемъ исключительно съ цѣлью провѣрить ихъ показанія. Если вы не станете мнѣ отвѣчать, завтра же одинъ изъ вашихъ товарищей представитъ въ Центральный Комитетъ доказательства вашихъ связей съ охраной и васъ укокошатъ. Не надѣйтесь, мы не станемъ укрывать васъ въ тюрьмѣ!..

Левъ Абрамовичъ уже не слышалъ того, что дальше говорилъ ему ротмистръ. Съ нимъ случился обморокъ.

Когда черезъ два часа, на разсвѣтѣ, измученнаго Льва Абрамовича снова привели на допросъ, онъ высказалъ готовность разсказать все, что ему извѣстно.

Первое имя, съ котораго началъ Левъ Абрамовичъ свои показанія, было имя Лидіи. Послѣ словъ ротмистра объ агентахъ охраны въ комитетѣ, ему казалось неоспоримо-яснымъ, что шпіонкой была именно Лидія. Онъ вспомнилъ пачку разноцвѣтныхъ кредитокъ въ ея портмонэ, тотъ жестъ отвращенія, съ которымъ она протянула ему десять рублей и все это сейчасъ почему-то казалось ему яркимъ доказательствомъ ея предательской дѣятельности. Въ памяти всплыли отрывки изъ какого-то французскаго романа, гдѣ героиней являлась красавица-шпіонка, обольщавшая своими чарами революціонеровъ, и въ его сумеречномъ сознаніи представленіе о Лидіи сплелось съ представленіемъ объ этой женщинѣ.

Но Левъ Абрамовичъ все-таки не назвалъ всѣхъ членовъ района. Онъ умолчалъ о маленькой Клавдіи, помощницѣ секретаря, и о Генрихѣ. О Клавдіи онъ просто позабылъ, о Генрихѣ же умолчалъ преднамѣренно. Много разъ въ ходѣ изложенія онъ натыкался на воспоминаніе о немъ, но неукоснительно обходилъ его имя, пускаясь для этого даже на хитрости. Ротмистру была извѣстна кличка „Генрихъ“ и, когда онъ спросилъ, какое за ней скрывается лицо, Левъ Абрамовичъ твердо и опредѣленно указалъ на одного изъ рабочихъ.

Когда послѣ допроса Левъ Абрамовичъ длинными коридорами шелъ въ сопровожденіи тюремщиковъ въ свою камеру, онъ съ тихой радостью думалъ о томъ, что „спасъ“ Генриха, не останавливаясь мыслью на томъ, что погубилъ остальныхъ.

Въ слѣдующую же ночь были арестованы у себя на квартирахъ Лидія, Николай Васильевичъ, Нелли, Марѳа, Каленовъ, Кирюша, меньшевикъ Михаилъ и другіе члены района, оговоренные Львомъ Абрамовичемъ. Только Агаты не застали дома чины полиціи и напрасно сонные городовые дежурили до утра въ ея комнатѣ,—она не вернулась домой. Она пропадала уже два дня. Наканунѣ, послѣ разговора съ Николаемъ Васильевичемъ, она до поздняго вечера металась по пригороду въ поискахъ за Клещомъ, котораго надѣялась убѣдить итти выручать Петрова. Но Клеща нигдѣ не было, и никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Поздно вечеромъ она вернулась изъ-за заставы, пошла къ Н-скому участку и всю ночь пробродила вблизи зданія полиціи, рукой сжимая револьверъ въ потаенномъ карманѣ. Утромъ она опять отправилась на поиски Клеща. Его она нашла озабоченнымъ и взволнованнымъ, и онъ не хотѣлъ даже слушать ее. Тогда она стала умолять его дать ей бомбы, чтобы дѣйствовать самой, на свой страхъ и рискъ, но Клещъ просто выгналъ ее.

Былъ уже вечеръ, когда она вернулась къ Н-скому участку, и тутъ она узнала, что Петрова днемъ перевезли въ крѣпость.

Не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ она это дѣлаетъ, она пошла къ рѣкѣ, взяла на набережной лодку и поѣхала внизъ по теченію, по направленію къ крѣпости.

Когда на темномъ вечернемъ небѣ вырисовались передъ ней контуры остроконечной колокольни крѣпостного собора, она сложила весла и усѣлась неподвижно на скамьѣ. Все тѣло у нея болѣло отъ усталости. За эти два дня, проведенные безъ сна и ѣды, она впервые сидѣла спокойно.

— Онъ тамъ!—подумала она и съ трудомъ подняла голову, чтобы взглянуть на крѣпость. Но не ужасомъ, а какимъ-то грустнымъ спокойствіемъ повѣяло на нее отъ высокой башни, расплывавшейся въ черномъ воздухѣ.

Съ тихимъ журчаніемъ ударялись о борта лодки чер-

ныя, медленныя волны; лодка слегка приподнималась кормой и глухо хлюпая, снова опускалась на воду. Мысли путались въ головѣ Агаты. Она соскользнула на дно лодки, положила усталую голову на прохладную скамью и лежала, стараясь побороть овладѣвавшую ею дремоту. Налеталъ вѣтерокъ, шелестилъ прядями распустившихся волосъ, щекоталъ локонами по лицу, и лодка сильнѣй качалась подъ его дуновеніемъ, а Агатѣ казалось, что мысли раскачиваются изъ стороны въ сторону у нея въ головѣ и никакъ нельзя удержать ихъ на мѣстѣ. Потомъ утихалъ вѣтерокъ, опять ровно и мѣрно струилась зыбь и лодка, баюкая и словно вздыхая, качалась на водѣ, а Агата засыпала, и казалось ей, что она летитъ внизъ съ головокружительной высоты...

Когда Агата проснулась, вода уже не была черной вокругъ. И воздухъ и берега казались сѣрыми, какъ и рѣка, и ясно видна была бѣлая, словно призрачная, крѣпость за высокой стѣной. Лодку прибило къ дровяной баркѣ, и застрявъ между рулемъ ея и бортомъ, она всю ночь простояла на мѣстѣ.

Агата сразу вернулась душой ко вчерашнему и, вспомнивъ все, теперь въ сѣромъ холодномъ воздухѣ разсвѣта, посреди сѣрой воды, ясно поняла, что все кончено и что она ничего больше не можетъ сдѣлать для Петрова.

— Его казнятъ!—сказала она вслухъ. И какъ въ первый моментъ, когда третьяго дня подумала объ этомъ, представила себѣ руки, скрученныя назадъ и напряженную вытянутую шею, обвитую веревочной петлей, и опять захотѣлось вскочить, бѣжать, вопить, что-то рвать и ломать...

Но вокругъ была сѣрая вода и сѣрый воздухъ и лодка мѣрно качалась на водѣ. Агата вскочила, выпрямилась во весь ростъ и въ мучительномъ, безысходномъ напряженіи протянула руки впередъ, къ бѣлымъ стѣнамъ крѣпости. И вдругъ она ясно почувствовала, что такъ не можетъ быть, что вотъ сейчасъ, сію минуту что-то сокрушится

внутри или вокругъ, что-то прорвется, что-то случится, сейчасъ... сейчасъ...

Она замерла въ ожиданіи и странная, необычайная, лучезарная мысль внезапно осѣнила ея голову. Какъ-то вдругъ родилась эта мысль, будто пришла изъ утренняго тумана, и была она простая и неотразимая, и сразу уничтожила весь ужасъ и всю безысходность.

— Вѣдь и я могу сейчасъ умереть!..

Никогда, ни разу въ теченіе своей короткой жизни не подходила Агата къ вопросу о смерти. Часто слышала она о самоубійствахъ, но никогда не задумывалась надъ этимъ и словно до самаго этого момента внутренне даже не знала, что можно убить себя. И сейчасъ, будто нашла что-то новое, что-то счастливое, все объясняющее и все разрѣшающее, съ восторгомъ повторяла про себя:—О, я умру, я тоже умру!—и представляла себѣ, какъ приставить къ виску пріятное, прохладное дуло револьвера, нажметъ гашетку и дальше будетъ что-то яркое и быстрое, какъ вспышка огня, какъ большая острая радость...

Вокругъ уже не было сѣрой воды и сѣраго воздуха.

Острый лучъ восходящаго солнца, прорвавшись сквозь сѣро-розовую завѣсу низкихъ тучъ, золотой чешуей покрылъ воду рѣки и засіялъ горячей звѣздой на шпилѣ крѣпостной колокольни. И эта звѣзда показалась знаменьемъ Агатѣ. Тепло и радостно улыбалась звѣзда въ вышинѣ и звала за собой.

— Милый, милый!—шептала Агата,—я съ тобой, я съ тобой!—и любовно прижимала къ груди маленькую блестящую игрушку, на холодномъ сѣромъ тѣлѣ которой играли теперь огнистыя искорки.

Жаркимъ золотомъ горѣла рѣка. Розовый туманъ стелился вдоль береговъ, а въ небѣ сіяла на верхушкѣ шпиля звѣзда...

Агата вытянулась всѣмъ тѣломъ, закинула голову назадъ и, глядя широко раскрытыми глазами на ласковую

манящую звѣзду, надавила холоднымъ ободкомъ дула разгоряченную кожу виска. Острый, волнующій холодокъ, пробѣжалъ по ея тѣлу, она зажмурила глаза. Словно какая-то мысль мелькнула въ сознаніи, но не успѣвъ оформить ее, Агата легкимъ, почти для себя самой незамѣтнымъ движеніемъ, спустила курокъ.

XVI.

Сегодня первая мысль Генриха послѣ пробужденія была о томъ, что необходимо помириться съ Лидіей.

Но эта мысль не вызывала въ немъ тревоги. Въ былыя времена послѣ ссоры онъ нѣсколько дней чувствовалъ горькій осадокъ въ душѣ и долго томился неувѣренностью, дѣйствительно ли Лидія простила его. Но сейчасъ онъ даже не тяготился ссорой и шелъ къ Лидіи мириться просто потому, что послѣдняя размолвка казалась ему нелѣпой, и онъ хотѣлъ поскорѣй забыть о ней.

Стоялъ прозрачный осенній день. Генрихъ медленно шелъ по улицѣ, держась солнечной стороны. По обочинамъ тротуара расположились торговцы яблоками и виноградомъ. Онъ купилъ нѣсколько яблокъ, оранжево-желтыхъ съ яркокраснымъ, рѣзко очерченнымъ румянцемъ, и роздалъ ихъ мальчишкамъ на углу. Потомъ остановился у витрины цвѣточнаго магазина и долго разсматривалъ цвѣты. Все окно было убрано хризантемами, бѣлыми и желтыми, и Генрихъ вспомнилъ, что когда впервые увидѣлъ Лидію, у нея была желтая хризантема на груди. И теперь въ комнатѣ у Лидіи стоятъ хризантемы. Кто ихъ ей подарилъ? Онъ самъ давно не приносилъ Лидіи цвѣтовъ.

Онъ вошелъ въ магазинъ. Въ узкихъ зеленоватыхъ вазахъ стояли розы на длинныхъ стебляхъ, желтыя и темнопунцовыя почти съ фіолетовымъ отливомъ. Онъ выбралъ

среди нихъ самыя красивыя, двѣ желтыя и одну темно-красную.

Выйдя изъ магазина, онъ быстро пошелъ по направленію къ Лидьиному дому. Теперь ему хотѣлось поскорѣй увидѣть ее..

День былъ такой бодрый и розы такъ хорошо пахли, что онъ былъ увѣренъ, Лидія встрѣтитъ его привѣтливо. Его Лидія—большая умница, бытъ можетъ, она и не упомянетъ вовсе о ссорѣ, будетъ шалить и ласкаться къ нему. Онъ посадитъ ее къ себѣ на колѣни, самъ расчешетъ ея искрящіеся волосы, приберетъ ихъ по своему вкусу, воткнетъ среди нихъ желтую розу, сзади, внизу, возлѣ шеи...

Дверь въ Лидьину квартиру оказалась незапертой на замокъ. Едва онъ прикоснулся къ ручкѣ, на лѣстницу выскочила старуха-хозяйка. Глаза ея были заплаканы.

— Взяли, взяли... Увезли ночью...—зашептала она, загораживая ему доступъ въ квартиру.—Идите, идите, ради Бога!—и она захлопнула передъ нимъ дверь.

Генрихъ неистово стучалъ и звонилъ. Онъ не могъ уйти, не узнавъ подробностей.

Долго ему не отворяли. Наконецъ, дверь пріоткрыли, но изнутри она была заложена цѣпью.

— Не стучите, сударь, я пошлю за дворниками. Вотъ тутъ письмо осталось. На столѣ лежало, тѣ и не замѣтили. Не къ вамъ ли будетъ?—и дверь снова захлопнулась.

Онъ схватилъ листикъ бумаги и съ жадностью сталъ читать: „Что же, другъ мой и недругъ, было „оно“ или не было? Уже три дня вы не приходите и не даете о себѣ знать. Такъ и быть, я буду считать все за сонъ (какъ вы думаете, пріятный или непріятный сонъ?..) А все-таки это странно. Неужели все только „эпизодъ“ и такой мимолетный, что Вамъ неинтересно знать, не раскаялась ли я на другое утро въ томъ, что „дала Вамъ столько счастья“ (выраженіе не мое, а изъ „Бѣсовъ“...)“

Когда Генрихъ взялъ листокъ, онъ настолько былъ

увѣренъ, что письмо къ нему, что, не обращая вниманія на странные обороты рѣчи и на мѣстоименіе „вы“, не вникая даже въ смыслъ этихъ фразъ, искалъ сущности. Но послѣдняя фраза какъ-то огорошила его. Онъ перечелъ ее и вдругъ понялъ, что письмо не къ нему. Съ сильно бьющимся сердцемъ онъ сталъ читать дальше, пропуская фразы, не останавливаясь на неразборчивыхъ словахъ. Это, очевидно, было посланіе къ другому мужчинѣ, несомнѣнно къ возлюбленному. Генрихъ не дочиталъ его до конца. Какой-то страхъ охватилъ его. Онъ торопливо скомкалъ письмо и бросилъ на землю. Потомъ поднялъ, изорвалъ на мелкіе кусочки и кинулъ въ пролетъ лѣстницы.

Затѣмъ перевелъ дыханіе и какъ-то внутренне пріостановился, желая собраться съ мыслями. Но никакихъ мыслей не было въ головѣ. Не было и какого-либо яркаго чувства, ревности, или обиды или сожалѣнія объ утраченной любви. Было внутри только ощущеніе пустоты, и казалось, что пустота эта не сейчасъ образовалась, а была въ немъ давно, быть можетъ, всегда. Вдругъ показалось, что онъ никогда и не любилъ Лидіи. Онъ вспомнилъ отчетливо одинъ ея взглядъ, какой-то жадно-настойчивый и вздрогнулъ отъ отвращенія. Подумалъ о томъ, что она арестована, что, вѣроятно, арестованы и другіе товарищи и что надо идти узнавать объ этомъ, но почувствовалъ, что все это сейчасъ не интересно ему. Потомъ сообразилъ, что все еще стоитъ передъ дверью Лидьиной квартиры и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, сталъ спускаться съ лѣстницѣ. Внизу опять пріостановился. Не зналъ, въ какую сторону повернуть. Прислонился спиною къ двери подъѣзда и размышлялъ о томъ, что будетъ дѣлать сегодня. И вдругъ стало ясно, что у него нѣтъ ни одного дѣла въ жизни, что ему некуда дѣвать часы сегодняшняго дня. Но вѣдь вчера онъ что-то дѣлалъ, вчера онъ не замѣчалъ, какъ шло время. Что же измѣнилось со вчерашняго дня? Гдѣ онъ былъ вчера днемъ? Кажется, у Клавдіи... Ахъ да, Клавдія, больная Клавдія. Вчера она от-

казалась итти къ доктору, можетъ быть, сегодня удастся уговоритъ ее.

Хватаясь за отрадную мысль о Клавдіи, онъ быстрымъ шагомъ пошелъ впередъ.

— Да, эти розы? Ну и отлично! Онъ отнесетъ ихъ бѣдной Клавдіи.

Клавдію онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ ея дома. Она быстро спускалась внизъ, закутанная въ темный, тяжелый платокъ. Еще снизу онъ узналъ ея походку: дробное, очень частое, но неровное постукиванье каблучковъ.

— Куда, Клавдьюшка? И въ такомъ видѣ?

— Ахъ, вы! Пустите, мнѣ очень нужно...

— Куда нужно, Клавдьюшка? Можно васъ проводить?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я одна...—И вдругъ расплакалась. Закрыла лицо руками, грудью прислонилась къ периламъ и всхлипывала. Платокъ соскользнулъ на полъ. Генрихъ съ изумленіемъ взглянулъ на Клавдію. Юбочка была на ней коротенькая, вѣроятно, нижняя, башмаки на ногахъ не застегнуты, ситцевая кофточка безъ пояса.

— Что случилось, Клавдія? Я не пущу васъ. Идемте наверхъ! Вѣдь вы не одѣты!

Клавдія не сопротивлялась. Онъ взялъ ее объ руку и повелъ обратно домой.

— Смотрите, Клавдьюшка, какія розы я вамъ принесъ!

Она протянула руку, взяла ихъ, хотѣла, очевидно, что-то сказать ему, поблагодарить, но не могла.

Лицо ея передернулось судорогой отвращенія. Мучительная тошнота подступила къ горлу. Она схватилась рукой за грудь, стиснула зубы, хотѣла подавить приступъ рвоты.

— Возьмите, возьмите... — простонала она, протягивая ему обратно розы.

— Что съ вами, Клавдія?

Она стонала и корчилась, нагибалась, снова выпрямлялась и между стонами кричала ему:

— Не смотрите, не смотрите на меня! Ахъ, это сейчасъ пройдетъ... Ой... ой!..

Онъ подошелъ къ ней и не зналъ, что дѣлать. Хотѣлъ обнять ее за талію, но она отстранилась отъ него.

— Не надо, не надо! Это противно... Не смотрите на меня.

— Клавдьюшка, я побѣгу за докторомъ, или пошлю хозяйку!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я сама знаю... Сейчасъ пройдетъ...

Наконецъ, ей стало легче. Ослабѣвшая, разбитая она прислонилась къ нему. Онъ довелъ ее до постели, уложилъ, укрылъ платкомъ.

— Клавдія, упрямая Клавдія, почему вы не идете къ доктору?

— Я была,—прошептала она.

— Что же онъ сказалъ?

Клавдія не отвѣчала. Отвернувшись отъ него, зарылась глубоко въ подушку и молчала.

Генрихъ сидѣлъ возлѣ нея на постели, смотрѣлъ на покатую линію ея плечъ, на мягкую золотистую косу съ голубой ленточкой на концѣ и нѣжно гладилъ ея волосы.

Клавдія лежала неподвижно, чуть-чуть подаваясь каждый разъ головой навстрѣчу его рукѣ. Потомъ плечи ея стали слегка вздрагивать. Тогда онъ придвинулся къ ней ближе, обвилъ рукой ея плечи и, склонивъ свое лицо въ уровень съ ея лицомъ, тихо сказалъ:

— Бѣдная, маленькая дѣвочка, скажите мнѣ, наконецъ, что съ вами...

Тѣло ея поддергивалось все сильнѣй и сильнѣй, потомъ она разрыдалась.

— Боже мой, Боже мой, что я буду дѣлать теперь!— кричала она, захлебываясь.

Генрихъ опустился на колѣни возлѣ кровати и пытался поднять ея голову, разжать руки, судорожно вцѣпившіяся въ подушку. Но ему это долго не удавалось. Когда

она успокоилась, онъ поднялъ ее, прислонилъ ея голову къ своей груди и, утирая своимъ платкомъ ея мокрое лицо, настойчиво и убѣдительно просилъ сказать ему все.

— Ахъ, развѣ вы не понимаете! Что я буду теперь дѣлать? Зачѣмъ вы не дали мнѣ умереть? Я не могу больше жить!—снова приходя въ волненіе, кричала она, пытаясь вырваться изъ его рукъ.

— Что съ вами, что же, наконецъ?—пугаясь ея отчаянія, закричалъ онъ.

— Развѣ вы не видите?.. Ну, ну... я беременна...

Когда она произнесла это слово, Генрихъ сразу почувствовалъ облегченіе.

Съ представленіемъ о беременности у него были связаны одни изъ самыхъ нѣжныхъ и торжественныхъ воспоминаній его отрочества.

Онъ помнилъ, какъ пріѣхалъ лѣтомъ домой на каникулы и засталъ отца и весь домъ въ какомъ-то необычайно неровномъ настроеніи. Онъ не могъ опредѣлить, происходитъ въ семьѣ что-то радостное или печальное, но несомнѣнно всѣ что-то знали и тщательно скрывали отъ него, любопытнаго мальчика. Потомъ отецъ съ видомъ школьника, не умѣющаго хранить про себя интересный секретъ, сообщилъ ему, что ожидаетъ прироста семейства. Генрихъ помнилъ, какъ появились въ домѣ какія-то новыя лица, какія-то странные невиданные предметы, какъ онъ почувствовалъ себя вдругъ отодвинутымъ на второй планъ, но это было не обидно, а радостно, помнилъ и все печальное, что было потомъ: роды, болѣзнь матери, смерть маленькой сестрички... Эту сестричку онъ долго потомъ оплакивалъ въ тиши, стыдясь въ этомъ признаться домашнимъ...

— Ну такъ что же, маленькая Клавдія? Я не думалъ, что Клавдія такая трусишка. Развѣ такъ скверно имѣть маленькаго ребенка?

— Ахъ, зачѣмъ вы такъ говорите!.. Я не могу вер-

нуться домой... Какъ же я буду такъ? Я боюсь... Ахъ, это невозможно, невозможно!

Она снова заплакала, но теперь какъ-то спокойнѣе и мягче и охотно разсказала ему все. Говорила о Елисѣѣ, о своей любви и объ его исчезновеніи, о своихъ домашнихъ въ деревнѣ, о строгомъ отцѣ и забитой матушкѣ. По мѣрѣ того, какъ она разсказывала, передъ Генрихомъ все яснѣе вырисовывалась безнадежность ея положенія.

— Бѣдная ты моя дѣвочка!—говорилъ онъ, незамѣтно для себя переходя съ нею на ты.—Маленькая мадонна, ну, подними на меня глазки. Вотъ такъ! Не плачь, дѣтусенька. Я не оставлю тебя. Я не позволю тебя обижать...

И Клавдія успокоилась. Положила голову къ нему на колѣни, поджала подъ себя ноги и лежала усталая, ослабѣвшая, изрѣдко болѣзненно всхлипывая.

Поздно вечеромъ онъ уложилъ ее, какъ соннаго ребенка, въ постель, заботливо укрылъ, поцѣловалъ въ лобъ и ушелъ.

Съ утренней почтой Клавдія получила письмо отъ Генриха:

„Если маленькая Клавдія захочетъ, мы вмѣстѣ поѣдемъ въ деревню къ строгому папѣ. Дѣвочка попроситъ у папы прощенія въ томъ, что безъ позволенія готовитъ ему внучка, а я разрѣшенія назвать провинившуюся дѣвочку своей женой. Неправда ли такъ будетъ лучше всего, маленькая мадонна? Твой Генрихъ".

„P. S. Мое настоящее имя Станиславъ Михайловичъ Галимскій. Я—католикъ. Клавдія можетъ упомянуть въ письмѣ къ папѣ, что ея женихъ человѣкъ со средствами".

XVII.

Мирру прямо съ массовки въ безчувственномъ состояніи доставили въ тюремную больницу. Цѣлую недѣлю она почти не приходила въ себя. Когда же возвращалось къ ней

сознаніе, она мучилась физической болью и не интересовалась тѣмъ, гдѣ она и что съ ней. Иногда просыпалась отъ забытья, оглядывала высокія бѣлыя стѣны, ряды постелей, силилась что-то вспомнить, но снова забывалась. Снились ей какіе-то неопредѣленные сны, быстро кружащіе, тошнотно-томительные.

Къ концу недѣли стало ей какъ-будто легче. Уменьшился жаръ, удлинились свѣтлые промежутки. Ей разсказали, что она лежитъ въ тюремной больницѣ, что у нея повреждены легкія, печень и еще что-то внутри, но она вяло реагировала на всѣ эти сообщенія.

По цѣлымъ часамъ она лежала молча и, не отводя глазъ, смотрѣла на сѣро-зеленое безкрайнее пятно сырости на бѣлой стѣнѣ. Когда кто-нибудь подходилъ къ ея постели и заслонялъ собой пятно, она начинала безпокоиться, двигала головой, искала пятно, словно оно было чѣмъ-то нужнымъ ей, единственно близкимъ въ этой чужой и призрачной обстановкѣ.

На исходѣ второй недѣли опять произошла перемѣна. Прежнюю апатію смѣнило острое безпокойство. Внутренне Мирра ощущала его, какъ нетерпѣливое ожиданіе. Все время лежала и напряженно ждала: вотъ, вотъ, сейчасъ оно придетъ... И не знала, что придетъ, да и не важно было вовсе это знать. Лежала въ напряженіи, вытянувшись каждымъ членомъ и ждала. Прислушивалась ко всякому звуку, ловила шумъ отдаленныхъ шаговъ, волновалась каждымъ скрипомъ двери. Потомъ отожествила біеніе пульса въ вискѣ съ тиканіемъ часовъ и съ лихорадочной поспѣшностью, въ страхѣ не поспѣть за нимъ, считала его до изнеможенія, до рвоты, но не могла перестать.

Съ каждымъ днемъ она становилась все безпокойнѣе, все нетерпѣливѣе и острѣе ждала.

Однажды ночью она проснулась и спросонья ей показалось, что она въ Берлинѣ, въ той своей комнатѣ, гдѣ жила до родовъ. И себя ясно почувствовала той прежней

Миррой въ періодъ беременности, одинокой и покинутой. Казалось ей, что она лежитъ грузная отъ беременности, разбитая страхомъ и ждетъ. Ждетъ настойчиво и безнадежно. Сейчасъ начнется день, новый неизвѣстный день. Быть можетъ, сегодня онъ придетъ... Онъ—Павелъ Васильевичъ... Она ждетъ его уже много дней и ночей, но вѣдь не всѣ дни и не всѣ ночи исчерпаны; ихъ много, безконечно много впереди, онъ можетъ еще придти. Почему ему не придти сегодня?.,

Съ этого дня въ сознаніи Мирры словно произошла перестановка. Она будто вновь переживала минувшее. Прошлое казалось ей реальнымъ и настоящимъ. Близкое же, только что пережитое, представлялось отдаленнымъ и неяснымъ. Будто все недавнее задернулось полу-прозрачной кисеей. Иногда вспоминала о работѣ, о Зинкѣ, о Рѣкушѣ, но какъ-то тускло, а Павла Васильевича ждала остро и настойчиво.

Когда окончательно выяснилось, что положеніе Мирры безнадежно и что она протянетъ не дольше нѣсколькихъ дней, Рѣкушу послѣ долгихъ хлопотъ разрѣшили навѣстить ее въ тюремной больницѣ.

Мирра спала. И когда проснулась и открыла глаза, сразу увидала склоненнымъ надъ собой его встревоженное лицо.

Она блаженно, по-дѣтски, улыбнулась, а потомъ тихо засмѣялась больнымъ смѣхомъ, звучавшимъ словно дрожащій, протяжный стонъ.

— Павлинька, Павочка, родной мой...

Не узнала, или только назвала тѣмъ именемъ, которое въ бреду шептала всѣ эти дни.

Но Рѣкушъ содрогнулся отъ этого имени.

— Моя дѣвочка, развѣ ты не узнаешь меня?..

Она тихо смѣялась и тянулась къ нему.

Нашла его руку, прильнула къ ней лицомъ и, закрывъ глаза, едва внятно шептала:

— Павочка, мой, мой... любименькій...

Потомъ слабо, едва двигая головой, терлась щекой о ладонь его и нѣжно протяжно лепетала одинъ слогъ, казавшійся ей цѣлымъ словомъ:

— Лю... лю... лю...

Черезъ нѣсколько минутъ Мирра снова заснула.

XVIII.

При посредствѣ коридорной, изъ мужского корпуса были переданы Нелли двѣ записки, одна отъ Кирюши, другая отъ Каленова.

„Нелли, сегодня я узналъ“,—писалъ Кирюша, — „что Мирра умираетъ рядомъ съ нами въ тюремной больницѣ. Петровъ уже казненъ. Агата застрѣлилась въ лодкѣ, на рѣкѣ... Я вотъ написалъ эти слова, сижу и пишу дальше, значитъ, я все это снесъ... Но вѣдь этого нельзя вынести, слышите, примириться съ этимъ невозможно! Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Не думайте, что у меня не хватило бы силъ вытащить гвоздь изъ стѣны и вотнуть его себѣ подъ пятое ребро,—это доставило бы мнѣ наслажденіе. Но вѣдь это не то. Если и я умру, только увеличится „невыносимость“, прибавится еще одно звено къ цѣпи этого „невыносимаго“, а само невыносимое останется. Вѣдь оно не во мнѣ, оно гдѣ-то вокругъ, душитъ и дразнитъ и рветъ клочьями мой умъ и душу. Нельзя жить и дышать и ѣсть и гулять и знать, что это дѣйствительно случилось. Но вѣдь нельзя и умереть, это не ударъ „невыносимому“, это только ему на руку. Что-же надо дѣлать, Нелли? Я не могу позволить „невыносимому“ плевать себѣ въ лицо и мнѣ хочется сдѣлать какое-нибудь неистовство. Когда я пишу это на бумагѣ, вижу, что это глупо и гадко, вѣдь я нанесу вредъ всѣмъ вамъ, но когда остаешься одинъ лицомъ къ

лицу съ этимъ „невыносимымъ“, хочется неистовствовать, крушить все вокругъ...

Нелли, той побѣды, нашей, настоящей побѣды уже не будетъ. Быть можетъ, и будетъ какая-нибудь побѣда какихъ-либо другихъ людей и ради этого мы должны примириться съ нашимъ пораженіемъ? Я не хотѣлъ бы дальше жить, Нелли, но я не могу и умереть, вѣдь своей кровью я напоилъ бы только „невыносимое“...

Нелли, свѣтлая, радостная, бодрая Нелли, вы не поймете меня! Вѣдь вы уже не наша, вы кусочекъ будущаго, хорошаго лучезарнаго будущаго. Я не знаю, придетъ ли это будущее, и сомнѣваюсь въ этомъ, но говорю себѣ въ утѣшеніе, что вы знаете навѣрное и умомъ и сердцемъ, что это будущее близко и я стараюсь думать не своими, а вашими мыслями... Вѣдь вы это знаете навѣрное! Правда, Нелли?“

Каленовъ писалъ только нѣсколько словъ:

„Мнѣ стыдно, что мы съ вами живы, здоровы... Мы, навѣрное, надолго отрѣзаны отъ міра и въ этомъ мое утѣшеніе. На волѣ нельзя было бы теперь заняться подготовкою къ будущему. Памятью нашихъ товарищей я клянусь не потратить напрасно ни одной минуты изъ этого времени отдыха“.

Нелли торопливо набросала на клочкѣ бумаги отвѣтъ Кирюшѣ:

„Кирюша, родной, милый Кирюша! Гдѣ-то рядомъ съ моей душой и моимъ умомъ лежатъ упакованными всѣ мои идеи, всѣ мои знанія, вѣроятно, тамъ есть и то нужное, что сейчасъ надо сказать вамъ, но я не могу развязать этихъ тюковъ, словно они не мои и я не знаю, какъ къ нимъ приступиться... Кирюша, дорогой мой товарищъ, вѣдь если вы станете крушить это „невыносимое“, какъ это дѣлалъ Петровъ, вы разобьетесь объ него и перенесете его на другихъ, на насъ всѣхъ; тогда мы должны будемъ итти на него, чтобы оно убило и насъ... Оно перебьетъ насъ всѣхъ по одиночкѣ, въ ловушкахъ, которыя само намъ разставило...

Вы хотите знать, вѣрю ли я въ грядущее будущее? Не вѣрю, а знаю непоколебимымъ, неопровержимымъ знаніемъ, что оно будетъ, что оно уже близко... О, если бы я могла вселить и въ васъ свою крѣпкую незыблемую увѣренность въ этомъ!"

Каленову Нелли написала лишь двѣ строки.

„Сегодня скончалась Мирра. Оберегайте отъ этого извѣстія Кирюшу".

XIX.

Въ комфортабельномъ кабинетѣ художника Станислава Михайловича Галимскаго собралось нѣсколько старыхъ товарищей: Николай Васильевичъ и Марѳа, бывшая секретарша Пригороднаго района, недавно лишь вышедшіе на волю изъ тюрьмы, да Михаилъ, представлявшій когда-то собой меньшевистскую оппозицію въ комитетѣ района. Здѣсь былъ и Рѣкушъ, случайно заглянувшій къ Галимскому. Товарищи сегодня въ первый разъ были у Галимскаго, но какъ-то случилось, что съ первыхъ же словъ горячо заспорили между собой, не успѣвъ даже разсказать другъ другу, что пережили за два года разлуки.

— Вы только что вышли на свѣтъ Божій, вы не успѣли еще оглянуться, понять въ чемъ дѣло, а у васъ въ карманѣ уже имѣются готовыя рѣшенія. А по моему, не только дѣйствовать еще рано, но не время еще даже задумываться надъ практическими вопросами!—волнуясь говорилъ Станиславъ Михайловичъ, стоя посреди комнаты и съ каждымъ словомъ ускоряя темпъ своей рѣчи, словно боясь, что противники перебьютъ его и не дадутъ досказать до конца...

— Надо лишь слушать, ловить и думать. Что то идетъ. Новое идетъ. Я тоже не думаю, что это будетъ откровеніе, Мессія, новый Христосъ или Антихристъ. Это проще! Это скорѣй грядетъ новый Марксъ. Не улыбайтесь! Смотрите, не только у насъ, по всей Европѣ идетъ ломка. Что озна-

чаетъ синдикализмъ съ одной стороны и реформизмъ съ другой? Вѣдь марксизма, того настоящаго, уже нѣтъ. Есть его послѣдніе усталые адепты, но массы нѣтъ и новыхъ учителей, вождей тоже нѣтъ. Исчезли Каутскій, Бебель, Гедъ и еще нѣсколько ветерановъ,—а вѣдь это все старички, — и не будетъ стараго марксизма. Идетъ новое. Знаете, всѣ эти новые боги и кумиры, всѣ эти страшныя слова, которыми вы меня пугаете: мистицизмъ и анархизмъ и богоборчество и эротоманія,—все это недаромъ, все это привнесется, все это будетъ использовано. Пусть будетъ только новый синтезъ, новое ядро. Какой синтезъ не знаю! Изъ какихъ даже элементовъ, не знаю. Вижу — старое рушится, новые элементы бродятъ, и родственные мнѣ элементы и враждебные. Варится что-то. Я и жду. Только жду и ищу...

— Зачѣмъ вы сваливаете все въ одну кучу? — не выдержалъ Михаилъ.—Вы придаете какое-то мистическое значеніе слову „искать“. И я, пожалуй, согласенъ, — надо искать. Мы вынесли изъ опыта движенія тяжелое убѣжденіе, что не оказались на должной высотѣ. Но это не значитъ, что все зданіе нашей науки, нашей политической мудрости рухнуло. Мы знаемъ тѣ точки отправленія, откуда должны начаться поиски, или, вѣрнѣе изученіе, анализъ пережитаго. Но раздѣться, какъ вы предлагаете, донага и, сѣвши на голую землю, начать все сначала и именно съ того, съ чего началъ когда-то голый человѣкъ на голой землѣ, т. е. съ Бога...

— Я ничего не говорилъ вамъ о Богѣ! — попытался прервать его Станиславъ Михайловичъ, но, воспользовавшись заминкой, въ разговоръ уже бурно вмѣшалась Марѳа.

— Нѣтъ, не о Богѣ. Но вы говорили о томъ, что будете сидѣть сложа руки и ждать, пока другіе устроятъ для васъ золотой вѣкъ на землѣ. Это ясно! И въ этомъ вся суть. Я не понимаю, изъ за чего весь шумъ и откуда эта растерянность вокругъ. Ничего не рушилось! Да, да, ничего не думало рушиться и не надо намъ новаго Маркса! Совер-

шается старый, давно извѣстный и пережитый Западной Европой процессъ. Вы морщитесь? Все старое вамъ надоѣло? Ничего не подѣлаешь. Я повторяю: старый процессъ обособленія буржуазной интеллигенціи. Васъ рѣзнуло слово „буржуазный“? Ничего, слово хорошее, хотя тоже не новое! Да, такъ я говорю: у насъ идетъ кристаллизація буржуазной интеллигенціи. Интеллигенція во время революціи шла объ руку съ пролетаріатомъ, пожалуй, въ первыхъ рядахъ его, но шла во имя своихъ собственныхъ идеаловъ. Ей не нужно было ни соціальнаго переворота, ни диктатуры пролетаріата, не очень важно было и полное обобществленіе средствъ производства. Zukunftstaat она всегда представляла себѣ не какъ мастерскую, а какъ храмъ, да, какъ храмъ! Храмъ любви, искусства, храмъ наслажденія, гдѣ Діонисъ и Аполлонъ будутъ оспаривать владычество другъ у друга, гдѣ передъ бюстомъ Ницше будетъ горѣть священный огонь... А когда дѣло пошло о другомъ, когда рабочіе стали скучно препираться въ профессіональныхъ союзахъ о копейкахъ заработка,—интеллигенція затосковала. Да и вообще путь объ руку съ пролетаріатомъ оказался слишкомъ длиннымъ. Вотъ она и стала искать другого пути, болѣе легкаго и пошла въ свой храмъ кратчайшей дорогой черезъ „лиги любви“, „клубы одинокихъ“, „кружки молодыхъ“ и т. д. И чортъ съ ней! Слышите, мы очень рады, что избавились отъ такихъ „марксистовъ“! А сами предпочитаемъ оставаться со старымъ, стоять по прежнему на почвѣ рутинныхъ, трафаретныхъ, шаблонныхъ истинъ...

Она пріостановилась и на минуту воцарилось молчаніе.

— Какъ странно,—тихо и задумчиво произнесъ Михаилъ.—Было время, когда слово „ортодоксальный“, „старый“ наполняли насъ гордостью, мы слово „критика“ произносили только въ ироническомъ смыслѣ. Вотъ Мареа и теперь смакуетъ слова „трафаретный“, „рутинный“, а я уже не могу...

— А я уже давно испытываю тоску и даже стыдъ отъ

всѣхъ вашихъ словъ. „Товарищъ“, „буржуй“, „эксплоатація“, „организація“,—въ этихъ словахъ нѣтъ души, нѣтъ индивидуальности,—къ общему изумленію вдругъ горячо и въ раздраженіи заговорилъ Рѣкушъ.—Какъ слова примелькавшейся рекламы, они давно утратили свое содержаніе. Ихъ всякій знаетъ, всякій слишкомъ много разъ слышалъ, слишкомъ освоился съ ними, чтобы задуматься надъ ихъ смысломъ. Да и вся ваша доктрина—такая примелькавшаяся реклама, бутафорскій нарядъ...

— На счетъ бутафоріи не вамъ говорить,—выскочила Марѳа,—вы—шутъ по призванію, забавникъ на службѣ у буржуазіи...

— Сильно сказано! Но вы такъ долго сидѣли въ заточеніи, что я прощаю вамъ излишнюю горячность...

— Вы не имѣете права прощать меня! Да и вообще что бы вы не сказали, это не можетъ обидѣть меня.

— Но... но... но... Ругаетесь вы по-марксистски. Не боясь передержекъ, и заранѣе лишая уваженія противника...

— За что же прикажете васъ уважать?

— Чортъ побери!—закричалъ Рѣкушъ, ударяя кулакомъ по столу.—Вы думаете, васъ есть за что уважать? Покажите мнѣ, что вы сдѣлали. Вы столько шумѣли, столько кричали, столькихъ людей загубили!..

Вокругъ сразу поднялся шумъ, всѣ хотѣли говорить вмѣстѣ. Но онъ вскочилъ со своего мѣста и почти въ изступленіи закричалъ, покрывая ихъ голоса:

— Да, да... Мирру вы изломали, вы погубили!..

— Это наглость! Не мы били нагайками, запирали въ тюрьмы! Ваши, ваши друзья!—возразила Марѳа.

— Мирра и до тюрьмы погибла. Живую душу въ ней убили, муками замучили...

— Ахъ, вы неправы!—тоже вскакивая со своего мѣста, заговорилъ Николай Васильевичъ, рукой отстраняя бросившуюся впередъ Марѳу.—То, что мы сдѣлали, будетъ оцѣнено нѣсколько позже, даже и вами. Отчего вы злобствуете? Такъ

неистовствуетъ обыкновенно только ренегаты, но вѣдь вы никогда не были съ нами. И развѣ вамъ уже теперь не ясно, что истина была на сторонѣ пролетаріата? Вѣдь это главное! Буржуазія вышла на борьбу расцвѣченная, разубранная, и именно вы съ вашими друзьями давали краски для ея нарядовъ. Теперь съ буржуазіи румяна давно смыты, „Облетѣли цвѣты, догорѣли огни"... Я думаю, и вамъ теперь видна истинная физіономія нашей буржуазіи, ясны ея вожделѣнія. Мы были съ пролетаріатомъ, вы съ буржуазіей. Теперь печальное время. Вокругъ возникаютъ тяжелыя сомнѣнія. Но вѣдь это еще не конецъ исторіи. Вы еще увидите въ будущемъ, были ли мы правы.

— Ахъ, конечно, своей правдой вы были правы,— прервалъ его Рѣкушъ. Теперь голосъ его звучалъ надломленно и грустно.—Правы и въ томъ, что я злобствую по личной обидѣ... Но вѣрьте мнѣ, я всегда искренно старался понять васъ и не могъ.

Онъ замолчалъ. Молчалъ и Николай Васильевичъ. Онъ почувствовалъ, что Рѣкушу не на что возражать. Острый моментъ спора былъ перейденъ. А самъ Рѣкушъ былъ уже далекъ отъ разговора. Онъ снова ярко видѣлъ передъ собой Мирру, ловилъ въ себѣ отзвуки ея голоса и сидѣлъ неподвижно, боясь спугнуть ея милый образъ.

А Станиславъ Михайловичъ воспользовался заминкой въ разговорѣ, чтобы перевести его на другіе рельсы.

— А гдѣ теперь Нелли?—спросилъ онъ. Ему хотѣлось спросить о Лидіи, о которой онъ не имѣлъ свѣдѣній съ тѣхъ поръ, какъ полтора года тому назадъ она, благодаря хлопотамъ своихъ вліятельныхъ родныхъ, была выпущена на свободу и выслана изъ столицы. Но неловко было начать разспросы съ нея.

— Нелли?—живо отозвалась Марѳа.—Она въ провинціи, съ Каленовымъ. Какъ будто приспособляется къ работѣ въ профессіональныхъ союзахъ...

— А, знаете,—перебилъ ее Николай Васильевичъ,—

Левъ Абрамовичъ уѣхалъ въ Америку. Странно, его даже не привлекли къ нашему дѣлу. Его и Лидію.

— Ну, за ту хлопоталъ дядюшка—камергеръ. Она отвратительно вела себя на допросахъ,—вставила Марѳа.

— Выдавала?—холодѣя спросилъ Генрихъ.

— О, нѣтъ! Но, говорятъ, она являлась на допросы разряженная и держала себя съ жандармскими офицерами, какъ съ бальными кавалерами. Мы съ Нелли не раскланивались съ нею въ тюрьмѣ..,

— А гдѣ же она теперь?—стараясь придать своему голосу оттѣнокъ пренебреженія, спросилъ Станиславъ Михайловичъ.

— Ахъ, Лидія, Лидія...—словно просыпаясь, заговорилъ Рѣкушъ,—протежэ Норскаго. Да, я ее видѣлъ вчера въ „Римѣ". Она—ученица театральной школы и Норскій собирается сдѣлать изъ нея Сарру Бернаръ. Тоже соціалъ-демократка!

— Она здѣсь?—спросилъ, сдерживая волненіе, Станиславъ Михайловичъ, но замѣтивъ острый любопытный взглядъ Марѳы, устремленный на него, сейчасъ же равнодушно прибавилъ.—Да, да, времена перемѣнились и мы съ ними. Только вы, Марѳа, не желаете мѣняться? Охъ, придетъ и для васъ время! Это вы изъ тюрьмы сейчасъ такая нетерпѣливая, поживете съ нами, осмотритесь, быстро остынете...

Дверь изъ кабинета въ столовую слегка пріоткрылась и въ щель просунулась бѣлокурая головка Клавдіи. Она окинула взоромъ присутствующихъ и, отыскавъ Станислава, остановила на немъ свой взглядъ, потомъ, словно обращаясь только къ нему, произнесла:

— Чай на столѣ!

— Пожалуйте, господа!—сказалъ Станиславъ Михайловичъ, поднимаясь съ мѣста.

XX.

Станиславъ Михайловичъ Галимскій сидѣлъ за овальнымъ столомъ въ своей уютной столовой и обѣдалъ. Противъ него, заслоненная большой суповой чашкой, сидѣла его жена, Клавдія.

Станиславъ Михайловичъ былъ сегодня не въ духѣ.

— Отчего у тебя такой отвратительный вкусъ?—говорилъ онъ, осматривая критическимъ взоромъ новую блузку Клавдіи.

— Вечеромъ этотъ цвѣтъ былъ темнѣй,—оправдывалась Клавдія. — Эти матеріи днемъ выглядятъ совсѣмъ иначе. Какъ же это узнать?—и украдкой оттягивала спереди кофточку, чтобы скрыть отъ него неуклюжія складки.

— Отчего другія женщины ухитряются покупать красивыя вещи и днемъ и вечеромъ.

— Ахъ, вѣдь еще не все пропало. Можно отдать кофточку перекрасить. Хотя бы въ черный цвѣтъ. Это будетъ очень мило...

— Перекрашенная блузка! Не надѣнетъ ли она и нижней юбки на ватѣ и шерстяныхъ чулокъ?.. Пусть она выброситъ эту блузку, чтобы онъ больше не видѣлъ ея!..

Клавдія слушала молча и терпѣливо, но ея покорность раздражала Генриха.

— Напрасно говорятъ, что хорошо имѣть скромную жену. Эти скромныя жены одѣты всегда безобразно, и это обходится вдвое дороже...

А она молчала и онъ въ раздраженіи думалъ:

— Почему другія женщины умѣютъ разогнать дурное настроеніе, создать атмосферу веселья, тепла въ домѣ... а она всегда молчитъ, всегда съ видомъ жертвы — ужъ, кажется, во всякомъ случаѣ не она жертва.

— Отчего ты молчишь? Вѣчно это выраженіе мученицы на лицѣ! Если ты находишь, что я не правъ, скажи.

Вѣдь я ни къ чему не принуждаю тебя. Говори же! Господи, вѣдь ты не безсловесная тварь!

Но что ей сказать? Она сама понимаетъ, что глупо молчать. Но она рѣшительно не знаетъ, о чемъ говорить. Вѣдь ей нечего сказать. Она не сердится на него, она лишь немножко его боится, и ей хотѣлось бы, чтобы обѣдъ поскорѣе кончился. Но вѣдь этого нельзя сказать... и губы ея открываются и снова беззвучно закрываются.

— А, такъ мы хотимъ упрямиться! Мы мстимъ по своему! Хорошо. Если вы желаете воевать, я приму и свои мѣры!

Глаза Станислава Михайловича горятъ гнѣвомъ, онъ приподнимается и, кажется, будто онъ хочетъ итти что-то дѣлать, что то ужасное противъ нея.

Въ ужасѣ протягиваетъ она къ нему руки.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу воевать...—и она плачетъ.

Гнѣвъ угасаетъ. Стыдно ему и дикимъ кажется все, что онъ говорилъ за минуту до этого и жалко ее. Она закрыла лицо руками и всхлипываетъ.

— Глупая, глупая,—говоритъ онъ почти нѣжно,—всегда до этого доведешь...—и тихо выходитъ изъ столовой.

Онъ не можетъ утѣшить ее. Ему кажется, что она плачетъ такъ больно и горько вовсе не изъ-за его грубыхъ словъ, а все доплакиваетъ свое особое, чуждое ему горе.

Взволнованный ходитъ онъ взадъ и впередъ по своему кабинету и старается уловить ухомъ, все ли еще она плачетъ. Но онъ не можетъ заставить себя пойти къ ней и приласкать ее. Вѣдь и ей это показалось бы слишкомъ страннымъ.

Но Клавдія больше не плачетъ. Она оправилась сейчасъ же, какъ онъ ушелъ. Сегодня обѣдъ такъ затянулся. А Костя еще не ѣлъ. Она всегда сама кормитъ его. Она спѣшитъ въ дѣтскую. При видѣ ея радостно смѣется мальчишка и она забываетъ все, что было сейчасъ у нея съ мужемъ.

Сегодня у Клавдіи много дѣла. Закончили стирку, надо пересмотрѣть, пересчитать и уложить въ шкафы бѣлье. Этого дѣла Клавдія никогда не довѣряетъ прислугѣ. Къ платьямъ Клавдія питаетъ недружелюбное чувство—ихъ такъ трудно и хлопотливо шить и носить—но бѣлье она любитъ.

Въ спальной на обѣихъ постеляхъ лежали груды ослѣпительно бѣлаго, только что выглаженнаго бѣлья. Клавдія брала въ руки одну за другой тяжелыя, холодныя и пріятно гладкія на ощупь простыни и укладывала ихъ ровной четырехугольной горкой. Потомъ наверхъ клала легкія квадратики наволочекъ съ едва замѣтнымъ ободкомъ сложенныхъ вдвое прошивокъ. А теперь сорочки. Съ удовольствіемъ погрузилась руками въ мягкую воздушную кипу батистоваго бѣлья, наполовину состоящаго изъ кружевъ и шитья. Бережно расправляла каждую складочку, вытягивала кружевца и раскладывала небольшими стопками, сортирую по рисунку кружевъ.

Она долго возилась съ бѣльемъ. Уложивъ, наконецъ, все въ шкафы, перевязавъ ленточками, переложивъ сашэ, она нѣсколько минутъ стояла передъ открытыми шкафами, любуясь полками, отягощенными бѣлымъ грузомъ.

Затѣмъ она остановилась посреди комнаты и задумалась... Она помнила, что намѣтила себѣ сдѣлать что-то важное, неотложное, о чемъ старалась все время не забыть. Что-то связанное не то съ бѣльемъ, не то съ обѣдомъ...

— Ахъ да!—быстро опустилась на корточки передъ шкафомъ и вытянула нижній ящикъ. Внизу, сзади лежала связка теплыхъ шерстяныхъ чулокъ, собственноручная работа ея больной мамы.

Однимъ движеніемъ выхватила Клавдія всю пачку, и позабывъ запереть ящикъ, побѣжала въ дѣтскую.—Ирина, возьмите! Это совсѣмъ не ношенные, вамъ будетъ впору!

Ирина бросилась цѣловать ея руки.

— Не надо! что вы Иринушка!—и опять ушла въ спальную.

Станиславъ Михайловичъ еще долго ходилъ по своему кабинету.

Онъ хотѣлъ думать о своихъ отношеніяхъ къ женѣ и о тѣхъ перемѣнахъ въ характерѣ, которыя подмѣтилъ въ себѣ. Но не могъ заставить себя размышлять на эту тему. Уже много разъ онъ давалъ себѣ слово обдумать все и наладить жизнь по-иному. Но и сегодня какъ-то не думалось. Мысль легко и свободно скользила съ одного незначущаго предмета на другой и не давала взнуздать себя. Ему надоѣло шагать и, поровнявшись съ широкимъ ковровымъ диваномъ, онъ грузно сѣлъ на него. Съ удовольствіемъ почувствовалъ, какъ мягко согнулись и отдали пружины. Вытянулся, подложилъ подъ голову шелковую подушку, какъ бы въ оправданіе себѣ прошепталъ: почему, я сегодня такъ звѣрски усталъ?—и съ наслажденіемъ заснулъ.

Когда онъ проснулся, въ комнатѣ было уже темно. Онъ сладко потягивался и зѣвалъ протяжными зѣвками выспавшагося человѣка. Потомъ припомнилъ то, что было за обѣдомъ и, закуривая сигару, которую досталъ, не подымаясь съ дивана, думалъ со спокойной увѣренностью, что все дневное было пустяками и что въ общемъ они съ женой живутъ хорошо и согласно.

Умывшись и переодѣвшись, Станиславъ Михайловичъ вышелъ въ столовую.

Изъ-за полупритворенной двери дѣтской онъ услышалъ громкій оживленный голосъ Клавдіи. Она разсказывала.

— Я до сихъ поръ не понимаю, что эта была за труба. Понимаете, совсѣмъ сквозная широкая и выложена цементомъ. И если посмотришь, видѣнъ свѣтъ съ другой стороны. Намъ дѣтямъ такъ и казалось, что эта труба ведетъ прямо

на тотъ свѣтъ. Право! Каждый день мы приходили въ канаву къ трубѣ и все собирались лѣзть насквозь. А иногда вдругъ вода хлынетъ, не поймешь откуда. Вотъ лѣзть мы и боялись. Вдругъ вода въ трубѣ настигнетъ и убьетъ. А я такъ однажды совсѣмъ рѣшилась. Утромъ Богу помолилась: Боженька, Боженька, сдѣлай такъ, чтобы вода не шла...

Станиславъ Михайловичъ слушая, улыбался. Стараясь ступать неслышно, подкрался къ двери и сразу широко раскрылъ ее.

На няниной постели сидѣли Клавдія и няня Ирина и кроили что-то бѣлое.

Онъ досадливо снова прикрылъ дверь.

— Стась, ты?—обозвала его Клавдія.

Онъ не отвѣтилъ. Снова почему-то въ душѣ накипало раздраженіе.

А Клавдія уже суетилась.

— Иринушка, милая, самоваръ не поставленъ! Скорѣй, голубушка!

Она поспѣшно вышла въ столовую, сбоку взглянула на Станислава. Онъ стоялъ, повернувшись лицомъ къ темному окну.

— Ты хочешь чаю, Стась! А *я*, глупая, заболталась. Но у насъ самоваръ быстро!

Онъ молчалъ и давилъ въ себѣ приступъ безпричиннаго раздраженія.

А она опять мучилась, пытаясь о чемъ-либо заговорить съ нимъ.

Она не могла говорить съ нимъ о Костѣ; не любилъ онъ и ея разсказовъ о прислугахъ, интересами которыхъ она жила; хозяйственные разговоры онъ считалъ проявленіемъ ея неразвитости и обрывалъ ихъ, и она, перебирая узкій кругъ событій и мелочныхъ инцидентовъ, заполнившихъ ея сегодняшній день, не находила ничего, что могло бы интересовать его.

Она постояла, томясь, нѣсколько минутъ и потомъ ушла на кухню помогать Иринѣ.

Когда она вернулась въ столовую, его уже не было. Онъ уѣхалъ въ клубъ, не дождавшись чаю.

XXI.

Картина Галимскаго, выставленная на выпускной академической выставкѣ, имѣла большой успѣхъ. Теперь Станиславъ Михайловичъ почти все утро проводилъ на выставкѣ и часто не являлся домой къ обѣду; предпочиталъ поѣсть въ ресторанѣ въ кружкѣ товарищей.

Картина Галимскаго была помѣщена въ крайней комнатѣ. Она стояла на мольбертѣ и иногда Станиславъ Михайловичъ часами простаивалъ за нимъ и, невидимый, слушалъ отзывы чужой публики.

И сегодня онъ съ утра былъ на выставкѣ.

Было уже поздно. Публика расходилась.

Онъ стоялъ одинъ передъ своей картиной и разсѣянно глядѣлъ черезъ дверь вдоль длинной анфилады комнатъ. Вдругъ въ дверяхъ онъ увидѣлъ знакомую фигуру. Онъ вздрогнулъ и попятился. Въ комнату входила Лидія. Первое его чувство было желаніе бѣжать, чтобы не встрѣтиться съ ней. Онъ машинально оглянулся. Уйти было некуда, комната была послѣдней; тогда онъ быстро юркнулъ за мольбертъ.

Оттуда, будучи невидимымъ, онъ съ особымъ любопытствомъ и жадностью сталъ смотрѣть на нее.

Она шла своей обычной легкой походкой, перегибаясь верхней частью туловища впередъ, и глядя на нее, онъ до мельчайшихъ подробностей вспомнилъ ее всю, съ каждымъ ея движеніемъ, съ каждымъ изгибомъ. Вотъ она поставила ногу и качнулась впередъ... сейчасъ она двинетъ слегка плечомъ и чуть-чуть дернетъ головой, а потомъ уже поста-

вить вторую ногу... Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ и провѣрялъ свои воспоминанія. Она осталась все тою же.

По мѣрѣ того, какъ она подходила, становились видны подробности ея лица, волосъ, фигуры.

Онъ узнавалъ каждую черточку ея лица и это возбуждало въ немъ какое-то безпокойное чувство, не то влеченіе къ ней, не то отвращеніе.

Она шла къ его картинѣ и, дойдя, остановилась. Рядомъ съ ней шелъ молодой франтъ. Она постояла нѣсколько секундъ молча и тогда лишь заговорила. Станиславъ Михайловичъ жадно вслушивался въ ея голосъ. Изъ тысячи, изъ милліоновъ голосовъ онъ узналъ бы его. Въ первыя секунды онъ воспринялъ звуки ея рѣчи въ ихъ слитной гармоніи, какъ воспринималъ ихъ давно, въ началѣ ихъ знакомства, когда голосъ ея былъ для него музыкой, и онъ, забившись въ уголъ, могъ часами слушать созвучія ея рѣчи, не вникая въ смыслъ словъ. Но это первое цѣльное впечатлѣніе отъ голоса сейчасъ же разсѣялось и онъ сталъ различать въ гаммѣ звуковъ отдѣльные тоны и нюансы, которые такъ хорошо изучилъ когда-то.

— Какъ хорошо!—сказала она.—Земная мадонна... А лицо ея вовсе не красиво. И въ этомъ вся прелесть. Иначе было бы даже приторно... Вамъ нравится?—прибавила она черезъ секунду, обращаясь къ своему спутнику.

И въ протянутомъ окончаніи этого слова Станиславъ Михайловичъ уже слышалъ знакомую ему досаду на молчавшаго собесѣдника, ту нетерпѣливую, сдерживаемую въ себѣ досаду, которая такъ часто томила Лидію.

— Да, да...—сказалъ собесѣдникъ.

— Вы и не смотрите? Вы, вѣроятно, не любите живописи

— Да, я не люблю модерна.

— Ахъ, это вовсе не модернъ!—И въ ея голосѣ, мягкомъ и мелодичномъ для посторонняго уха, Станиславъ Михайловичъ различалъ отдѣльныя шипящія и колющія интонаціи и невольно внутренне ежился отъ нихъ.

— Скажите, вѣдь Галимскій и самъ на выставкѣ?— спрашивала Лидія.

— Не знаю. Кто-то говорилъ, что онъ здѣсь...

— Такъ пойдите же, поищите его!

Молодой человѣкъ двинулся, но не спѣша, не волнуясь. Сдѣлавъ два шага, онъ остановился и сталъ шарить по карманамъ, розыскивая платокъ или папиросы. Онъ съ разстановкой, методически ощупывалъ свое платье, по нѣскольку разъ засовывая руку въ одинъ и тотъ же карманъ, и Станиславъ Михайловичъ, не видя теперь Лидіи, ясно представлялъ себѣ ея лицо съ прикушенной отъ хищнаго нетерпѣнія губой, дрожащими морщинками на переносицѣ. Онъ ярко чувствовалъ ея раздраженіе и ему казалось, словно не она одна, невидимая ему, сердится на какого-то чужого человѣка, а въ воздухѣ повисло раздраженіе и томитъ всѣхъ, въ томъ числѣ и его.

Наконецъ, медлительный молодой человѣкъ ушелъ.

Лидія и Галимскій остались вдвоемъ въ комнатѣ. Она передъ картиной, онъ—спрятанный за мольбертомъ.

И тутъ, неожиданно для самого себя, онъ вышелъ къ ней.

Вынурнулъ изъ-за мольберта и сразу очутился рядомъ съ Лидіей.

Она испугалась и попятилась назадъ.

— Здравствуйте, Лидія Николаевна, — развязно сказалъ онъ.

— Здравствуйте, здравствуйте!—пролепетала она, не зная, какъ назвать его. — Имя „Генрихъ“ не рѣшалась произнести, а настоящаго его имени и отчества не знала, или позабыла.

— Станиславъ Михайловичъ,—быстро подсказалъ онъ.

Она, не выносившая смущенія, молчанія, напряженной заминки въ разговорѣ, судорожно ухватилась за это имя и отчество, какъ за предлогъ для разговора.

— Ахъ, да, да! Какъ же я забыла! Станиславъ Галимскій, всѣ газеты повторяютъ это имя. Рѣдкій успѣхъ, Станиславъ Михайловичъ! Это не пустой комплиментъ. Обыкновенно, если одни хвалятъ, то другіе ругаютъ, а васъ всѣ въ одинъ голосъ... Да, да, Станиславъ Михайловичъ...

Она говорила быстро, по своему обыкновенію улыбаясь и играя глазами, и слово Станиславъ Михайловичъ, какъ бы въ силу какого-то навожденія, все время попадалось ей на языкъ.

— Нѣтъ, почему? Въ „Новомъ Времени“ не похвалили.

— Ну, это вѣдь не за картину, а за ваше шляхетское происхожденіе. Сейчасъ вѣдь видно—Станиславъ Галимскій!—произнесла она громко, съ разстановкой, какъ бы любуясь этимъ именемъ.

— Нѣтъ, и о самой картинѣ было, и не безъ остроумія.

— А, вы, я вижу, не сердитесь на критиковъ? Говорятъ, это признакъ истиннаго величія.

— Или большой неувѣренности въ себѣ.

Разговоръ шелъ, какъ по рельсамъ, и черезъ нѣсколько минутъ имъ обоимъ стало ясно, что они уже не могутъ и, вѣроятно, никогда въ жизни не смогутъ сойти съ этихъ рельсъ.

Она говорила почти механически, улыбаясь и играя глазами, а сознаніе ея было занято мыслью, съ которой она шла на выставку. Вѣдь она собиралась напомнить ему о прошломъ, завоевать его снова, увезти къ себѣ... Но почему-то сейчасъ нельзя было свести разговоръ на настоящее, нужное, какъ нельзя было здѣсь посреди зала вдругъ снять съ себя ботинокъ, жмущій ногу. Невозможно было вдругъ вырваться изъ этого милаго, такъ стройно текущаго, бездушнаго разговора, надо было во что бы то ни стало, не замолкая, поддерживать его.

Это былъ несомнѣнно Генрихъ, ея Генрихъ, которому она когда-то изъ озорства выщипывала волоски изъ бороды,

но теперь нельзя было придвинуться къ нему на шагъ ближе, немыслимо было сказать ему:

— Генрихъ, милый Генрихъ, мнѣ тяжело!

И губы говорили:

— Счастливецъ! Говорятъ, вы ѣдете въ Италію...

— Нѣтъ, еще не такъ скоро,—отвѣчалъ собесѣдникъ.— Мнѣ хочется раньше закончить еще одну работу.

— И снова пожать лавры, доказать, что успѣхъ не случайный? Правда?

— Нѣтъ, я боюсь, моя новая картина не понравится.

— Какъ мы скромны!

— Лидія Николаевна! Норскій ищетъ васъ...—въ дверяхъ стоялъ медлительный молодой человѣкъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Ахъ, Норскій! Вы сказали ему, что я здѣсь? А, впрочемъ, я иду. Прощайте, Станиславъ Михайловичъ!—чуть не прибавила обычнаго „заходите“, но почему-то удержалась.

Она пересѣкла комнату и вошла въ дверь слѣдующаго большого зала. Норскій изъ противоположной двери шелъ ей навстрѣчу. Она пріостановилась на секунду. Ей хотѣлось броситься назадъ, захлопнуть за собой дверь...

Но она уже шла впередъ и, сойдясь на серединѣ зала съ Норскимъ, заговорила, обращаясь къ нему:

— Знаете, дѣйствительно нѣчто удивительное! Я, право, не ожидала отъ него такой техники и законченности.

XXII.

Хотя до окончанія драматическихъ курсовъ Лидіи оставался еще цѣлый годъ, она уже теперь охотно пользовалась всякимъ случаемъ публичнаго выступленія. Она часто декламировала на благотворительныхъ вечерахъ и въ литературномъ кружкѣ, но выступать на вечеринкахъ въ рабочихъ клубахъ она до сихъ поръ упорно отказывалась. Не

могла рѣшиться снова встрѣтиться съ пролетарской публикой.

Но сегодня барышня—секретарша клуба, пріѣхавшая приглашать Лидію, привезла карточку Норскаго (наканунѣ Норскій, чтобы отвязаться отъ нея, послалъ ее къ Лидіи) и Лидіи неловко было отказаться.

Послѣ ухода секретарши, Нины Петровны, Лидія позвонила по телефону къ Норскому.

— Зачѣмъ вы подвели меня, Леонидъ Григорьевичъ?

— Вѣдь вы когда-то любили пролетаріевъ, Лидія Николаевна.

— То когда-то! Времена мѣняются и мы съ ними.

— Вы сердитесь?

— Безконечно!

— Я не могу искупить своей вины?

— Врядъ ли!

— Ну, а если я самолично отвезу васъ въ экипажѣ за заставу и доставлю домой?

— Небольшая часть вины, такъ и быть, вамъ простится.

Вечеромъ Норскій пріѣхалъ за Лидіей.

— Внизу въ экипажахъ ждетъ цѣлая компанія. Уговорилъ ѣхать къ пролетаріямъ Рѣкуша и Пѣночкина съ двумя барышнями. Ничего не имѣете противъ?

— О, тѣмъ лучше! Рѣкушъ очень забавенъ...

Маленькій концертъ сошелъ оживленно и мило.

Лидіи много аплодировали, но она была все время въ какой-то тревогѣ. Декламируя, она боялась взглянуть на публику и, кончивъ, сейчасъ же отошла къ своимъ.

— Какихъ это барышенъ привезъ Пѣночкинъ?—спросила она стоявшаго рядомъ Рѣкуша, просто для того, чтобы о чемъ-либо заговорить.

— А, это двѣ подруги изъ Акваріума, Пепи и Фифи. Кажется, такъ. Во всякомъ случаѣ очень нѣжныя подруги,—

отвѣтилъ онъ, понижая при послѣднихъ словахъ голосъ и дѣлая особенное удареніе на словѣ „очень“.

— Отчего вы всегда говорите мерзости!—рѣзко оборвала его Лидія.

— Пролетарская среда настраиваетъ прекрасную Лидію на серьезный ладъ?

Лидія никогда не ладила съ Рѣкушемъ. Она чувствовала за его насмѣшливымъ тономъ настоящее презрѣніе къ себѣ и въ разговорахъ съ нимъ всегда съ трудомъ сдерживалась.

— Быть можетъ! За то ваша среда способна настроить только на скабрезный ладъ! И я въ вашемъ кругу всегда ломаюсь и поневолѣ мирюсь съ вашей грязной манерой мыслить... А въ другой обстановкѣ вы не видали меня!

— Не имѣлъ счастья, да и не стремлюсь къ этому,— съ ироническимъ поклономъ онъ отошелъ.

Лидія осталась одна. Она искала глазами Норскаго, чтобы попросить его ѣхать домой, но его нигдѣ не было видно.

Въ это время къ ней подбѣжала взволнованная Нина Петровна.

— Вы работали два года тому назадъ въ этомъ районѣ? Васъ узнали товарищи! Отчего вы не сказали раньше?

Нина Петровна сіяла. Она была счастлива этимъ открытіемъ. Было что-то удивительно интересное въ томъ, что эта шикарная декольтированная дама недавно была пропагандисткой среди рабочихъ.

— Кто узналъ меня?

— Да вотъ Ваня, Петруша...

— А вы не признали меня?

Молодой рабочій Ваня, бывшій когда-то членомъ пригороднаго района, стоялъ уже рядомъ съ Лидіей и улыбался, протягивая ей руку.

— Вы—Ваня? Да, да, я помню...—и медлила взять его руку.

— А вы давно на свободѣ-то? Я думалъ, вы гдѣ-нибудь въ ссылкѣ.

— Я сидѣла недолго.

Разговоръ тяготилъ ее и она оглядывалась по сторонамъ, ища Норскаго.

— А вы къ намъ уже не вернетесь больше?

Этотъ вопросъ показался ей смѣшнымъ и, не скрывая насмѣшки, она отвѣтила:

— А вы все о старомъ? Полноте, пора и вамъ образумиться, вѣдь вы окончательно разбиты.

— О, нѣтъ, товарищъ!—съ азартомъ возразилъ Ваня.

И, какъ нѣжное забытое слово ласки, скользнуло это обращеніе по сердцу Лидіи.

— Вы оторваны отъ движенія, товарищъ. *Мы* вовсе не разбиты. *Вы* всѣ ушли отъ насъ. Но за эти тяжелые годы мы сами поднялись. У насъ растетъ наша собственная пролетарская интеллигенція. Да развѣ вы не чувствуете, что самое тяжелое уже позади? Какая у насъ молодежь выросла за это время!

Онъ говорилъ громко и вокругъ столпились рабочіе.

— Вѣдь это Лидія—нашъ бывшій товарищъ,—сказалъ Ваня публикѣ.

Всѣ лица сразу выразили изумленіе и любопытство, и всѣ взоры жадно уставились на нее. Тѣснымъ кольцомъ сдавили ее ихъ взгляды. Она напряженно старалась вспомнить что-нибудь, что имъ можно сказать, но не находя, молчала. Затихъ и Ваня.

— А Петрова помните?—сказалъ вдругъ Ваня, перерывая молчаніе.

И сразу нахлынули на Лидію старыя жуткія воспоминанія. И у нея и у Вани, чужихъ и враждебныхъ другъ другу, возникли тѣ же картины и образы въ головѣ и на губахъ загорѣлись тѣ же слова.

— Бѣдный Петровъ! А у васъ еще помнятъ о немъ?

— Конечно, не забыли. А помните, какъ вы къ солдатамъ ходили?

— А какъ вы струсили и меня одну пустили?

— Вотъ Петровъ-то сердился!

— И по дѣломъ!

— Какъ мы васъ любили тогда, товарищъ!

— А гдѣ Кирюша?

— Все еще въ Сибири. А вы знаете, что Нелли вышла замужъ за Каленова?

— Да, слышала. Гдѣ же они теперь?

— Каленовъ чертежникомъ въ Кіевѣ. А Нелли, говорятъ, въ профессіональныхъ союзахъ работаетъ.

Ваня и Лидія говорили только вдвоемъ. Но казалось, всѣ принимали участіе въ разговорѣ. Нашелся еще кто-то, знавшій Лидію, слыхавшій объ ея исторіи съ солдатами и эта исторія, раскрашенная, преувеличенная, передавалась тутъ же изъ устъ въ уста, и толпа вокругъ Лидіи росла. А невдалекѣ, тоже тѣсно столпившись, маскируя ироническими улыбками свое негодованіе и даже какой-то страхъ, стояли друзья Лидіи.

— Вечеръ грозитъ превратиться въ митингъ,—процѣдилъ Норскій.

— Еще отъ полиціи будутъ непріятности. Собрала вокругъ себя весь залъ и ораторствуетъ,—ворчалъ Пѣночкинъ.

— Что за фантазія!—Demoiselles Pepi и Fifi пожимали плечами.

— Нужно увести ее!—говорили другъ другу мужчины, но никто не рѣшался подойти къ оживленно болтавшей группѣ.

Наконецъ, Норскій, потерявъ терпѣніе, приблизился къ толпѣ и покрывая своимъ басомъ всѣ голоса, зычно сказалъ:

— Лидія Николаевна, вы увлеклись и позабыли, что приказали экипажу ждать. А Петръ мой уже замерзъ на козлахъ.

Всѣ сразу смолкли и разступились.

Онъ подошелъ къ Лидіи и властно взялъ ее за руку.

— Прощайте!...—Лидія хотѣла сказать „товарищи“, но не выговорила этого слова, запнулась и, не успѣвъ даже пожать руки Ванѣ, ушла, увлекаемая Норскимъ.

За ними двинулась и остальная компанія гостей, сопровождаемая лишь Ниной Петровной, да рабочимъ-предсѣдателемъ клуба, который преувеличенно низко кланялся и усердно благодарилъ за доставленное удовольствіе.

Лидія и Норскій сѣли въ карету.

Осторожно лавируя между рытвинами и сугробами, карета шагомъ двинулась по переулку.

— Нельзя сказать, чтобы вы были особенно любезны со мной сегодня, прерывая долгое молчаніе, сказалъ Норскій.—Да и вообще для возбужденія нервовъ можно было придумать болѣе изящное и удобное развлеченіе,—прибавилъ онъ ворчливо.

Она не отвѣчала.

Карета наскочила на камень и сѣдоковъ сильно подбросило.

Лидія вскрикнула отъ испуга.

— Ну вотъ вамъ! Чортъ побери, всѣ бока отобьешь! Чего смотришь?—бѣшено закричалъ Норскій, высовываясь изъ окна.—Пьянъ, что ли?

— Темно баринъ, дорога скверная, не мощено!

— Ну, прогулочка! Благодарю, сюда я больше не ѣздокъ,—ворчалъ Норскій, искоса поглядывая на Лидію, забившуюся въ уголъ кареты.—Ну что же вы молчите, прекрасная фея?

— Оставьте меня, оставьте, наконецъ, въ покоѣ!—истерически закричала Лидія.—Вы опостылѣли мнѣ всѣ...

— Ахъ такъ, очевидно, для разнообразія требуется сынъ народа, вольный пролетарій. Что же одобряю, одобряю!

— Замолчите, я не желаю слушать вашихъ пошлостей!

— Почему же пошлости? Говорятъ, въ юности у васъ уже былъ опытъ по части пролетаріевъ...

— Стой!—закричала Лидія кучеру, хватаясь за дверцу кареты.—Я не поѣду дальше съ вами!

И не дожидаясь пока лошади остановятся, она выпрыгнула изъ кареты и въ концертномъ платьѣ, въ открытыхъ туфляхъ побѣжала вдоль улицы, крича сквозь слезы:

— Извозчикъ! Извозчикъ!

Въ небольшой холодной комнатѣ, гдѣ два года тому назадъ жила Мирра, ласкалъ свою новую подругу, веселую швейку Вѣруню, Сергѣй Ивановичъ Рѣкушъ.

Семья Сергѣя Ивановича уже два года жила безвыѣздно въ Финляндіи, самъ-же онъ послѣ ареста Мирры снялъ для себя ея комнату и живалъ въ ней по недѣлямъ.

А Вѣруня жила въ маленькой комнаткѣ въ концѣ коридора, которую два года тому назадъ занимала Агата. Попрежнему на стѣнахъ висѣли оленьи рога и ковры изъ мѣховыхъ лоскутьевъ лежали на полу и на кушеткѣ. Всѣ эти вещи хозяйка оставила себѣ, такъ какъ покойница не доплатила ей за квартиру. Сергѣй Ивановичъ, однажды, гостя въ Мирриной комнатѣ, столкнулся въ коридорѣ съ Вѣруней. Вдругъ ярко вспомнилъ, какъ два съ половиною года тому назадъ познакомился такъ въ коридорѣ съ хохотушкой Агатой и, придумавъ пустячный предлогъ, онъ пошелъ за Вѣруней въ ея комнату. Съ этихъ поръ онъ часто заходилъ вечеркомъ къ Вѣрунѣ, а потомъ ему захотѣлось попробовать полюбить эту здоровую, веселую дѣвушку, живущую, какъ Агата, среди мѣховъ и оленьихъ роговъ.

Сегодня онъ, какъ встарь, былъ въ умиленно торжественномъ настроеніи и всматриваясь въ себя, радовался этому чувству, такому рѣдкому въ послѣдніе годы дѣловыхъ мыслей и заботъ.

— Маленькая моя,—говорилъ онъ, прикасаясь легкими,

едва ощутимыми поцѣлуями ко лбу подруги,—скажи мнѣ свое самое большое, свое внутреннее...

— Дай ушко, скажу.—И впиваясь губами въ его ухо, Вѣруня шептала ему горячія откровенно чувственныя слова страсти и, довольная, весело смѣялась.

— Нѣтъ, не то, не то!—вырывался онъ.— Это все ты говорила мнѣ уже грудью, руками. Скажи свое грустное, изъ души...

— А мнѣ весело! Я не хочу грустить!—и она кинулась на него, щекоча его, вызывая безстыдными ласками.

— Кошка!—сказалъ онъ и грубо отодвинулъ ее.

Онъ чувствовалъ, какъ торжественное умиленіе, отрадная тоска, которыя переполняли сегодня его сердце, меркнуть отъ ея вульгарныхъ ласкъ, и начиналъ злиться на нее. А она все льнула къ нему, стараясь снова возбудить его своимъ горячимъ неустающимъ тѣломъ.

— Оставь меня!—грубо закричалъ онъ, больно толкая ее въ грудь.

Она отскочила и сѣла на краю кровати.

Онъ смотрѣлъ на нее раздраженнымъ взглядомъ.

Она соскользнула съ постели и перебѣжала въ другой уголъ комнаты. Взобралась на диванъ, поджала подъ себя ноги и сидѣла тихо, не понимая его, дрожа отъ холода въ одной рубашкѣ. Ей было обидно и немного жутко.

Минуты проходили. Онъ даже не смотрѣлъ въ ея сторону. Въ комнатѣ, казалось, становилось все холоднѣй. Отъ обиды, отъ холода она заплакала.

Онъ лежалъ и напряженно слушалъ протяжные дрожащіе звуки ея рыданій. Становилось снова ласково и умиленно на душѣ; тихими колоколами отдавалась у него внутри душевная музыка ея слезъ. Онъ закрылъ глаза и чувствовалъ ее голенькую, съ дрожащими плечиками, въ одной рубашкѣ, сжавшуюся, въ углу дивана и сладкое щемящее желаніе плакать подступало къ горлу.

Онъ побѣжалъ къ ней, и бросившись на диванъ, мягкимъ любовнымъ движеніемъ, схватилъ ее на руки. Отнесъ ее въ постель, укуталъ, обнялъ, прижалъ къ себѣ и грѣя ея озябшее тѣло, тихо шепталъ сквозь слезы.

— Мы бѣдные, мы одинокіе съ тобой. Не сердись на меня...

Она все еще дрожала и всхлипывая прижималась тѣсно къ нему.

— Плачь, плачь, голубка. Такъ хорошо, такъ радостно... Мы такъ близки съ тобой... Скажи мнѣ что-нибудь, скажи, любовь моя, родная моя, близкая...

Она успокоилась. Первая горечь обиды улеглась и теперь ей хотѣлось самой обижать, упрекать, мстить.

— Одинокій! Несчастный!—начала она, приподнимаясь на локтѣ.—Подумаешь! И чего тебѣ недостаетъ. Знаменитъ, богатъ, женщины бѣгаютъ, какъ за опернымъ теноромъ. А онъ плачетъ, жалуется. Я не люблю нюней! Баба!

Онъ сразу отодвинулся.

— Довольно, довольно, иди себѣ! Вы свободны, mademoiselle. Иди, иди же себѣ!—Онъ толкалъ ее и былъ такой чужой и недоступный, что у нея пропали слова. Она молча вылѣзла изъ-подъ одѣяла и быстро собравшись, выскользнула изъ комнаты, старательно притворивъ за собой дверь.

А онъ остался съ злой пустотой въ груди.

Онъ зналъ, онъ вовсе не любитъ Вѣруню, онъ думалъ съ ней заглушить воспоминанія о Миррѣ.

— Мирра! Мирра!

Онъ тосковалъ и метался. Она прижалась бы къ нему и нѣжно, горестно шептала бы тайны своей усталой души. Она влила бы бальзамъ грусти и нѣжной тоски въ его ноющее пустотой сердце... Мирра, Мирра, гдѣ она?

— У нея грудь была опавшая,—говорилъ онъ себѣ, стараясь отогнать мучительный призракъ.—Она не умѣла обнимать, она быстро уставала...—но онъ чувствовалъ, какъ

представленіе о худенькой мягкой груди Мирры вызываетъ въ немъ острое воспоминаніе объ ея незаконченныхъ робкихъ ласкахъ, и въ тоскѣ гналъ это представленіе. Она больше не приласкаетъ его...

— Мирра, Мирра!—повторялъ онъ въ сотый разъ, вызывая ее изъ темной пустоты комнаты.

Конецъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
при Книгоиздательскомъ Т-вѣ „Просвѣщеніе“,
С.-Петербургъ, Забалканскій, 75.